

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Корзинина Анастасия Анатольевна

А.А.ФЕТ В ЧЕШСКОМ ВОСПРИЯТИИ

Специальности: 10.01.03 —
литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература);
10.01.01 – русская литература

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Жакова Н.К.

Санкт-Петербург — 2015

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. История восприятия А. А. Фета в Чехии	12
1.1. Восприятие А. А. Фета в Чехии в XIX и первой половине XX века.....	12
1.1.1. Восприятие А. А. Фета в Чехии при жизни и в первые годы после его смерти.....	12
1.1.2. Восприятие А. А. Фета в Чехии в первой половине XX века.....	23
1.2. Рецепция творчества А. А. Фета в Чехии во второй половине XX — начале XXI века.....	30
1.3. Критическое осмысление творчества А. А. Фета в Чехии.....	37
Глава 2. Проблема восприятия поэзии А. А. Фета в Чехии в свете теории рецепции поэтического произведения в иноязычной среде.....	47
2.1. Проблема перевода поэзии с близкородственных языков.....	47
2.2. Различие русской и чешской силлаботоники.....	54
2.3. Чешские переводчики А. А. Фета и их переводы.....	57
2.3.1. История чешских переводов стихотворений А. А. Фета.....	57
2.3.2. Чешские переводы А. А. Фета конца XIX века.....	63
2.3.3. Чешский поэт Иван Славик как переводчик А. А. Фета.....	74
2.3.4. А. А. Фет-метафизик в чешском восприятии.....	84
2.3.5. Ярослав Кабичек — переводчик А. А. Фета.....	90
2.3.6. Из последних находок: переводы А. А. Фета на чешский язык второй половины XX века.....	100
2.4. Отражение особенностей поэтики А. А. Фета в чешских переводах.....	105
2.5. Сопоставление чешских переводов стихотворений Фета.....	111
Заключение.....	128
Список литературы	137

Введение

Настоящая диссертация посвящена восприятию А. А. Фета в Чехии. Афанасий Фет — выдающийся русский поэт, имя которого известно всем. Он также был популярным для своего времени публицистом и переводчиком. Лирические шедевры Фета не потерялись среди неисчислимого богатства русской поэзии как XIX, так и XX в. Напротив, в каждую новую эпоху они открывают перед читателем особый смысл, новизну содержания и формы. Если в течение долгого времени лирика Фета воспринималась как импрессионистическая, пейзажная, или же его наследие сводилось к любовным романсам, то лишь сравнительно недавно в его поэзии начали открывать глубину и размах художественного смысла — вплоть до истинного космизма, проникновенного видения мира.

В XX в. о Фете писали Д. Д. Благой, Г. П. Блок, Б. В. Никольский, Б. Я. Бухштаб, М. Л. Гаспаров, Л. М. Лотман, А. Б. Муратов, Л. М. Розенблюм, А. Е. Тархов, И. Н. Сухих, Н. П. Сухова. В современном литературоведении все чаще обращаются к изучению поэтической мысли А. Фета: объектом исследования становится *феномен Фета* — поэта с тайной, загадкой, творчество которого рождает различные, даже противоположные интерпретации. В XXI в. появляются исследования совсем иной направленности, посвященные Фету, — работы В. А. Кошелева, Л. И. Соболева, В. А. Шеншиной и др. Большая исследовательская работа ведется учеными в рамках «Фетовских чтений», проводимых в Курском государственном педагогическом университете.¹ По инициативе курских ученых выпускается 20-томное собрание сочинений А. А. Фета — результат совместной работы исследователей из Курска, Великого Новгорода, Санкт-Петербурга и Твери. К 2014 г. выпущен 5-й том.²

¹ Место проведения литературных чтений выбрано не случайно: в селе Воробьевка находится усадьба поэта. По материалам чтений издаются сборники научных трудов. См. подробнее об этом: *Сорочан А.* Двадцать книг и XVIII Фетовские чтения (Курский государственный университет, 29 сентября — 2 октября 2003 г.) // НЛЮ. 2003. № 64. С. 432–435.

² *Фет А. А.* Сочинения и письма: в 20 т. Т. 5. Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. 696 с.

Кроме того, поэзия Фета в разное время волновала и теоретиков перевода. О Фете-переводчике писал К. И. Чуковский в книге «Высокое искусство»,³ задолго до него исследователь, профессор В. Лазурский,⁴ в XX в. — выдающийся переводчик и литературовед Н. М. Любимов.⁵ В «Книге о русской рифме» Давид Самойлов приводит в пример поэзию Фета.⁶ Совершенно отдельную главу может составить исследование вопроса о пародиях на Фета и его стихи, а также об упоминании имени поэта в стихотворениях того или иного автора. В разное время отдельные четверостишья Фету посвящали известные советские поэты. Назовем лишь несколько имен: В. Соколов, Е. Евтушенко, Я. Смеляков.⁷ Вопрос о пародиях на стихи Фета весьма обширен. Скажем лишь, что пародии писали и при жизни Фета (самая известная принадлежит Д. Д. Минаеву),⁸ его лирика не оставляла равнодушными многих и после смерти поэта. Весьма с неожиданной стороны этот вопрос раскрыт в книге О. Кушлиной «Страстоцвет, или Петербургские подоконники».⁹

Таким образом, в XX в. создана обширная база исследовательской литературы, касающейся творчества, биографии Фета. В XXI в. эта база постоянно пополняется, открывая нам крупного русского поэта с иных, ранее не ведомых широкому кругу читателей точек зрения. В XX в. поэзия Фета переводилась и на основные европейские языки: в переводе В. Константинова на болгарский, И. Славика (1964 г.) и Я. Кабичека (1974 г.) на чешский, на немецкий (1903 г.), на итальянский (1961, 1970, 1997 гг.), на английский (1921, 2001 гг.). При этом создаются новейшие переводы произведений Фета на европейские языки. Активную работу в этом направлении ведет Центр книги Рудомино при Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы. В период с

³ Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1968. С. 86–88.

⁴ Лазурский В. А. А. Фет как поэт, переводчик и мыслитель // Русская мысль. 1894. Февраль. С. 34–35.

⁵ Любимов Н. Перевод — искусство // Книга о переводе. М., 2012. С. 119–120.

⁶ Самойлов Д. Книга о русской рифме. М., 2005. С. 35, 215.

⁷ См. об этом: Богомолов Н. А. Традиции и новаторство в поэзии // Современная русская советская литература. М., 1987. С. 202–203.

⁸ См. об этом: Тимофеев Л. И. Основы теории литературы // Стиль и течение. Литературный процесс. М., 1959. С. 382–383.

⁹ Кушлина О. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001. С. 64–67.

2011 по 2012 г. вышли книги переводов из Фета на немецком,¹⁰ итальянском,¹¹ испанском.¹² Оставаясь одним из поэтов школьной программы, где ему уделялось не так много внимания, Афанасий Фет незримо присутствует в современной культурной жизни России. Так, о влиянии поэзии Фета, о любви к его поэзии можно прочесть в книге русского поэта Владимира Корнилова (1928–2002).¹³ Афанасию Фету Корнилов посвятил стихотворение «Сожаление» (1993 г.).¹⁴ Отдает должное крупному русскому классику и современная отечественная журналистика.¹⁵ Стихи Фета звучат во многих названиях, служа эпиграфом и задавая тон.¹⁶ Безусловно, личность такого масштаба не могла не заслужить внимания иностранного читателя, однако чешскому читателю Фет знаком меньше.

Отдельных научных работ о творчестве Фета и о его восприятии в Чехии нет. В предисловиях к изданиям переводов стихов Фета о нем писали И. Гонзик (в 1964 г.)¹⁷ и Я. Кабичек (в 1974 г.).¹⁸ Сведения о Фете есть в книге М. Заградки «Русская литература XIX века в контексте европейских литератур»,¹⁹ краткая справка о русском поэте со ссылками на известные издания переводов его стихов

¹⁰ *Фет А.* «Среди несметных звезд полночи...» / «Wohl flimmern Myriaden Sterne...». изд. Центр книги Рудомино, 2012.

¹¹ *Фет А.* «Уноси мое сердце в звенящую даль...» / «Portan lontano nel suono il mio cuore...» изд. Центр книги Рудомино, 2012.

¹² *Фет А.* «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук...» / «Mas solo en ti, poeta, ese sonido alado...» Центр книги Рудомино, 2011.

¹³ *Корнилов В.* Покуда над стихами плачут... Книга о русской лирике. М., 2009. С. 131–133.

¹⁴ Там же. С. 518–519.

¹⁵ В 2011 г. в «Российской газете» в рубрике «Календарь поэзии» Фету была посвящена статья «Мы с тобой отворили калитку...» (*Шеваров Д.* Мы с тобой отворили калитку // Российская газета. 2011. 11–17 авг. С. 30), приуроченная к 150-летию с того момента, как Фет вступил во владение хутором Степановка, а в 2012 г. газета «Аргументы и факты» отметила юбилейную дату со дня смерти поэта публикацией статьи «Классик неформата. 120 лет со дня смерти Афанасия Фета» (*Кудряшов К.* Классик неформата. 120 лет со дня смерти Афанасия Фета // Аргументы и факты. 2012. № 49. 5 дек.).

¹⁶ Фильм режиссера В. Мельникова «Луной был полон сад» (2000 г.); визитной карточкой сада живых бабочек «Миндо» в Санкт-Петербурге стало стихотворение Фета «Ты прав. Одним воздушным очертаньем...» (1884) (Сады Живых Тропических Бабочек «Миндо» // Музей бабочек в Санкт-Петербурге [Официальный сайт]. URL: www.sadbabochek.ru (дата обращения: 07.06.2014)).

¹⁷ *Honzík J.* Lyrický odkaz A. A. Feta // *Fet A. A. Večery a noci.* Praha, 1964. S. 7–22.

¹⁸ *Kabíček J.* Poznámka překladatele // *Fet A. Roční doby života.* Praha, 1974. S. 105–107.

¹⁹ *Zahrádka M.* Ruská literatura 19 století v kontextu evropských literatur. Olomouc, 2005. S. 90–91.

входит в состав «Словаря русско-чешских литературных взаимосвязей» (2008 г.)²⁰ Чешские исследователи упоминают о Фете лишь в сносках.²¹

Таким образом, **актуальность исследования** обусловлена необходимостью осветить историю восприятия А. А. Фета в Чехии — вопрос, который не исследовался ни российскими, ни чешскими учеными и представляет собой первую попытку в нашем литературоведении проследить судьбу творческого наследия поэта в Чехии. В ней не только дается обзор переводов Фета на чешский язык и критических отзывов о нем, но и анализируются причины позднего обращения к Фету в Чехии, сравнительно небольшого количества чешских переводов, отсутствия солидных изданий и специальных работ о творчестве русского лирика. Диссертация основывается на тщательном изучении всех доступных источников.

Новизна данной работы заключается в исследовании истории восприятия Фета в Чехии, поскольку данным вопросом до сих пор специально никто из ученых не занимался. Новой является попытка проанализировать причины отношения к Фету в Чехии в разные исторические периоды, вплоть до новейшего его восприятия. В ходе исследования были обнаружены и введены в научный оборот несколько переводов Фета на чешский язык, ранее не известных в научной литературе.

Степень изученности проблемы: при написании диссертации из имеющихся источников можно было опереться лишь на несколько работ чешских ученых. Личности и творчества А. А. Фета в своих работах касались Э. Германова (1964 г.), И. Гонзика (1964 г.), Р. Паролек (1977 г.), М. Задражилова (1995 г.),

²⁰ *Zahrádka M. a kol.* Slovník rusko-českých literárních vztahů. Ořtís: Ustí nad Orlicí, 2008. S. 77–78.

²¹ Единичная ссылка на имя Фета была обнаружена в работе О. Рихтерека 2012 г. (*Рихтерек О.* Русская поэзия как феномен чешского перевода // Новая русистика. 2009. № 1. С. 7), а также в публикации лекций по компаративистике И. Поспишила, где имя Фета как новоромантика упоминается наряду с другими русскими писателями и поэтами в рамках разговора о билитературности и полилитературности (*Pospíšil I.* Biliterárnost, poliliterárnost a větší srovnávací literární celky // [Электронный ресурс]. URL: http://nechodimnaprednasky.sk/stiahnut/prednasku/1420/427008/trnava_zaklady_teorie_literatury_texty.doc (дата обращения: 12.02.2011).

М. Заградка (2005, 2008 гг.).²² В русском литературоведении работ, посвященных восприятию творчества А. А. Фета в Чехии, нет.

Теоретическая и практическая значимость научного исследования: теоретическая значимость диссертации обусловлена тем, что в ней представлена картина восприятия Фета в Чехии. Работа может быть использована в курсе, посвященном восприятию русской литературы за рубежом, и в конкретных курсах по чешско-русским литературным взаимосвязям XIX–XXI вв.

В работе выдвигается **гипотеза**: А. А. Фета воспринимали и воспринимают в Чехии недостаточно глубоко. Основное освоение его творчества в Чехии проходит на протяжении XX столетия. Кроме двух сборников переводов (1964 и 1974 гг.), остальные переводы — эпизодические, а отдельные статьи на чешском языке не дают системного исследования его творчества.

В диссертации ставится **цель**: проследить историю восприятия творчества А. А. Фета в Чехии и показать особенности его рецепции на фоне исторической и литературной обстановки; дать обзор переводов Фета на чешский язык и критических отзывов о нем.

Задачи исследования:

- показать особенности восприятия творчества Фета в Чехии;
- проанализировать особенности обращения к творчеству Фета в чешской среде (сравнительно позднее обращение к Фету в Чехии — 1881 г.);
- проанализировать причины небольшого количества чешских переводов, а также отсутствие крупных изданий и специальных работ о творчестве русского лирика на чешском языке;
- показать динамику проявления интереса к Фету на фоне развития чешско-русских литературных связей;
- охарактеризовать творчество отдельных чешских переводчиков А. А. Фета;

²² *Hermánová E.* Poezie A. Feta a umělecké směřování 40–50 let // *Československá rusistika*. 1964. N 3. S. 145–153; *Honzík J.* Lyrický odkaz A. A. Feta; *Parolek R., Honzík J.* Ruská klasická literatura. Praha, 1977. S. 246–255; *Zadrazilová M.* Ruská literatura přelomu 19. a 20. Století. Praha, 1995. S. 51; *Zahrádka M.* Ruská literatura 19 století v kontextu evropských literatur; *Zahrádka M. a kol.* Slovník rusko-českých literárních vztahů. S. 77–78.

— дать анализ чешских переводов ряда стихотворений Фета и тем самым показать, каким предстает Фет для чешских читателей в переводе; попытаться раскрыть причину такого восприятия Фета в Чехии.

Работа базируется на изучении всех доступных источников. Основным **материалом исследования** послужили два сборника переводов стихотворений Фета на чешский язык (*Fet A. Večery a noci*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury a umění, 1964; *Fet A. Roční doby života*. Praha: Lidové nakladatelství, 1974), а также переводы отдельных стихотворений на протяжении XIX–XXI вв.

Методологию работы составляют:

1) *культурно-исторический подход*, который необходим при рассмотрении чешско-русских литературных взаимосвязей в разные периоды, начиная с середины XIX в. Он предполагает рассмотрение литературного процесса и истории чешской литературы 1850–1890-х гг. и литературной ситуации в Чехии XIX–XX вв.;

2) *сравнительно-типологический подход*, который необходим для изучения взаимосвязей чешской и русской литературы в разные периоды, начиная с XIX в., понимания специфики чешско-русских литературных взаимосвязей, выяснения возможностей и предпосылок восприятия творчества Фета в Чехии;

3) *биографический подход*, который предполагает рассмотрение более выразительных моментов биографии Фета и его чешских переводчиков, а также выступает как способ прочтения отдельных стихотворений Фета через личность автора;

4) *рецептивный подход*, с помощью которого в работе рассматривается восприятие стихотворений Фета разными поколениями читателей в разные эпохи;

5) *конкретный сопоставительный анализ*, который применяется при разборе, анализе и сопоставлении оригинала и чешских переводов стихотворений Фета.

Положения, выносимые на защиту:

1. Восприятие А. А. Фета в Чехии, хотя и шло с некоторым запаздыванием, дает картину постепенного и неуклонного нарастания интереса к русскому поэту.

Впервые вводится в научный оборот описание истории восприятия и переводов А. А. Фета на чешский язык.

2. Начало освоения творчества А. А. Фета в Чехии приходится на конец XIX в.: первый перевод 1881 г., первая статья (в чешской энциклопедии) 1895 г., где дается оценка Фета как поэта чистого искусства.

3. Наиболее интенсивный период восприятия А. А. Фета в Чехии — 1960-е — 1970-е гг., когда появляются книжные издания его стихов на чешском языке (1964 г. — переводчик И. Славик; 1974 г. — переводчик Я. Кабичек) и когда к его творчеству обращаются известные чешские литературоведы: Й. Германова (1964, 1972 гг.), Д. Жвачек (1974 г.), Р. Паролек, И. Гонзик (1977 г.).

4. А. А. Фет-метафизик чехам практически незнаком. Попытка представить Фета чешскому читателю как поэта-метафизика была предпринята переводчиком И. Славиком (один из переводов 1964 г.) и чешской исследовательницей М. Задражиловой (1995 г.).

5. В начале XXI в. А. А. Фет присутствует в чешском литературном сознании. Наибольший вклад в распространение сведений о Фете в этот период принадлежит чешскому ученому М. Заградке (раздел о А. А. Фете в книге «Русская литература XIX века в контексте европейских литератур» и словарная статья о А. А. Фете в «Словаре русско-чешских литературных связей»).

6. Анализ описанных переводов показал, что это высокохудожественные тексты, адекватные оригиналу: чешские переводчики не позволяют вольностей, строго следуя за оригиналом в передаче смысла, образной системы, композиционных, стихообразующих и ритмико-интонационных особенностей.

Апробация основных положений диссертации была проведена в форме докладов на международных научных конференциях и симпозиумах:

1) XXXVII Международная филологическая конференция «Славянские литературы и литературные взаимосвязи», 11–15 марта 2008 г., СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

2) Международная научная конференция «X Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова», 11–14 сентября 2008 г., СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

3) Международная научная конференция «IX Кирилло-Мефодиевские чтения», 13–16 мая 2008 г., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва).

4) Первые Андреевские чтения «Славянские литературы и литературные взаимосвязи», секция XXXVIII Международной филологической конференции, 16–20 марта 2009 г., СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

5) XI Международная научная конференция по переводоведению «Федоровские чтения», 20–23 октября 2010 г., СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

6) Диалог культур: Россия — Запад — Восток. Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения», 18–19 мая 2010 г., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва).

7) Третьи Андреевские чтения «Славянские литературы и литературные взаимосвязи», секция XL Международной филологической конференции 14–19 марта 2011 г., СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

8) Четвертые Андреевские чтения «Славянские литературы и литературные взаимосвязи», секция XLI Международной филологической конференции, 26–31 марта 2012 г. СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

9) II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», секция «Современное состояние межславянских языковых, литературных и культурных связей», 21–24 марта 2012 г., МГУ им. Ломоносова (г. Москва).

10) XII Международная научная конференция по переводоведению «Федоровские чтения», 17–20 октября 2012 г., СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

11) Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие. 1150-летие славянской письменности», секция «Славянские

литературы: история и современность», 20–21 мая 2013 г., Институт славяноведения РАН (г. Москва).

12) Пятые Андреевские чтения «Славянские литературы и литературные взаимосвязи», секция XLII Международной филологической конференции, 11–17 марта 2013 г., СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

Основные результаты исследования нашли отражение в научных статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1) *Корзинина А. А.* Восприятие творчества А. А. Фета в Чехии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Научный журнал. № 2. Т. 1. Филология. СПб., 2012. С. 33–39.

2) *Корзинина А. А.* Исследование чешско-русских литературных взаимосвязей на современном этапе и место в них А. А. Фета // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Научный журнал. № 4. Т. 1. Филология. СПб., 2013. С. 227–236.

3) *Корзинина А. А.* К вопросу о религиозных воззрениях А. А. Фета и их чешском восприятии // Вестник Тверского государственного университета. Научный журнал. № 1. Филология. Тверской государственный университет, 2014. С. 299–303.

Структура и объем диссертации: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, насчитывающего 180 наименований. Общий объем работы составляет 151 страницу.

Глава 1. История восприятия А. А. Фета в Чехии

1.1. Восприятие А. А. Фета в Чехии в XIX и первой половине XX века

1.1.1. Восприятие А. А. Фета в Чехии при жизни и в первые годы после его смерти

Тесные связи между чешской и европейскими литературами существовали всегда. Однако отношение к России и русской культуре в Чехии XIX в. было особенным. Россия в период чешского национального возрождения представлялась чехам оплотом всего славянства. Вместе с тем переводов из славянских литератур на чешский язык в этот период было крайне мало, что многие исследователи объясняют политической обстановкой в Австрийской империи (с 1867 г. — Австро-Венгрия), в состав которой входила Чехия.²³ В конце XIX в. Чехия переживала общественный кризис, обусловленный внутренней политической борьбой и борьбой за освобождение от гнета Австро-Венгрии и расширение чешских полномочий. Политическая ситуация отражалась в литературном процессе. В чешской литературе этого периода происходят главные перемены и намечаются основные тенденции дальнейшего развития. С одной стороны, продолжают работать маевцы и руховцы, еще творчески активны люмировцы, с другой — начинает очень активную деятельность новое молодое поколение, которое, не имея вначале своего печатного органа, впоследствии (в конце века) полностью подчинило своим потребностям уже существовавшие

²³ Ко времени чешского национального возрождения (конец XVIII в.) все чешское городское население говорило на немецком. Чешский язык был дискредитирован, низведен до речи простонародья. Притом диалектов было настолько много (особенно в Моравии), что люди из разных деревень могли не всегда понимать друг друга. Официальным языком был немецкий, и люди использовали его, просто чтобы договориться о чем-либо в каком-либо ведомстве. Образование, новинки научных достижений, литературы — все было на немецком. К началу XIX в. немецкий просто вытеснял чешский среди городского населения. Собственно, ситуация была настолько критична, что восстанавливать и возвращать чешский язык к уровню письменного и литературного пришлось синтетически. Возведение чешского языка в статус обязательного для всеобщего изучения и написание «Чешской грамматики» (сначала на немецком Й. Добровским, а затем на чешском его преемником Й. Юнгманом, создавшим чешско-немецкий словарь) привели к тому, что уже ко второй трети XIX в. чешский язык сильно укрепился, вышел на новый уровень; стали появляться произведения на чешском, имеющие непреходящую художественную ценность.

журналы «Нива» (1891–1897) и «Весна» (1882–1897). Силами нового литературного поколения были открыты журналы «Розгледы» (1892–1908), «Модерни ревю» (1895–1925) и др., на страницах которых проходили пробу новейшие течения в литературе — символизм, импрессионизм, неоромантизм, натурализм.²⁴ Выступления молодых против своих старших коллег переросли в Чехии этого периода в небывалую литературную борьбу: старшее поколение видело корень зла в Австро-Венгерской империи и противопоставляло ей чешский народ как национальный коллектив, подкрепляя свое мнение примерами из истории своего народа. В первые десятилетия XIX в. появляются и первые отдельные переводы с русского Н. М. Карамзина, В. Л. Пушкина, а уже в 1820-е гг. чешские журналы печатают русских авторов более активно: большой популярностью пользовались прежде всего переводы Карамзина, но переводят и Державина, и Кантемира.²⁵ К концу 1830-х — началу 1840-х гг. (когда Фет начинает свою поэтическую карьеру — в 1840 г. 19-летний поэт выпускает первую книгу)²⁶ в Чехии меняются требования к переводам. К этому моменту переводы уже сыграли свою роль в самом существовании и обогащении чешского языка, и теперь посредством переводов можно было донести до читателя литературные новинки и идеи. Таким образом, важным становится вопрос о том, что именно переводить. В то время как в России, вскоре после выхода «Лирического Пантеона» Фета, его активно печатают журналы «Москвитянин» и «Отечественные записки», в Чехии в 1840-е гг. интерес к лирике ослаб: общество пережило уход крупных русских поэтов Пушкина и Лермонтова, и в центре

²⁴ Житник В. К. Чешская литература на рубеже XIX и XX веков // История всемирной литературы: в 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 3. М., 1985. С. 450–459.

²⁵ Самым активным популяризатором русской поэзии в 1820-е гг. был Франтишек Ладислав Челаковский (1799–1852). Будучи собирателем и издателем славянских народных песен, он перевел множество русских песен. В 1829 г. вышел его сборник «Отголоски русских песен» — известнейшее произведение периода чешского романтизма, который подготовил почву для восприятия русской поэзии того периода. Впоследствии Челаковский познакомил чешского читателя с такими русскими поэтами, как А. Л. Дельвиг, К. Н. Батюшков, И. И. Козлов, И. А. Крылов и др. Кроме того, переводы А. С. Пушкина стали первыми стихотворными переводами произведений великого русского поэта на чешский язык.

²⁶ «Лирический Пантеон» должен был принести юному поэту громкую славу, но этого не получилось. Однако книга была замечена. В «Библиотеке для чтения» ее обругал О. Сенковский (Барон Брамбеус), в «Отечественных записках» похвалил П. Кудрявцев; В. Г. Белинский посчитал, что «скупое», добавив в письме будущему шурину Фета В. П. Боткину: «А г. Ф. много обещает!» (Сухих И. Н. Шеншин и Фет: жизнь и стихи. СПб., 1997. С. 6).

внимания читающей чешской публики была главным образом проза, в частности роман, а поэзия в журналах лишь заполняла пустоты. К Фету в 1840-е гг. чехи не обращаются, так как его имя им не знакомо, а переводы отдельных стихотворений Фета заполнили такие пустоты в чешских журналах «Люмир» и «Светозор» только в 1881 и 1884 гг.²⁷

Во второй половине 1840-х гг. в чешском обществе витают надежды на обретение национальной самостоятельности и, как следствие, появляются переводы политической лирики: К. Сабина переводит стихотворение Пушкина «Война», Коубек — его же «Клеветникам России». Наряду с этим продолжают публиковаться переводы Ф. Челаковского А. Дельвига, К. Батюшкова, И. Козлова, И. Крылова и переводы русской поэзии в народном духе: «Конек-Горбунок» Ершова и «Баллада» Пушкина.²⁸ Но главное внимание в 1840-е гг. у чехов отдано русской прозе. Гавличек-Боровский переводит Гоголя (дважды печатается перевод «Тараса Бульбы», выходит даже собрание сочинений Гоголя). Гоголь на тот момент был самым любимым и самым читаемым автором чехов. В этот же период публикуется перевод «Капитанской дочки» Пушкина. Такая свободолобивая, патриотичная проза нашла живой отклик среди чешских читателей в конце 1840-х гг.

Восприятие поэзии Фета в России в этот период было далеко не однозначным. Критике подвергались его, как считалось, новаторские стихи. Мнение о Фете как о поэте без идеи было весьма распространенным.²⁹ Ряд современников воспринимал Фета как кавалерийского офицера, как человека ограниченного, простоватого. На это указывают письма Тургенева к Фету и Толстого к Боткину. Фета упрекали в том, что его стихи не биографичны, из них выпущено все необщее, все, что относится к личности поэта, и друзья не видели

²⁷ Подробнее об этом см. ниже (§ 4 ч. 4 гл. 2).

²⁸ См. подробнее об этом: *Жакова Н. К.* Теория и практика перевода. Русская поэзия в чешских переводах в первой половине XIX века: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 8–9.

²⁹ *Ранчин А. М.* Путеводитель по поэзии А. А. Фета. М., 2010. С. 74.

связи между его стихотворениями и событиями его жизни.³⁰ При этом несомненный талант поэта признавало большинство его современников.³¹

На восприятие Фета в Чехии при его жизни могли оказать влияние мнения Белинского и Чернышевского: заметив Фета в самом начале его творческого пути и признав в нем одаренного поэта, позднее они изменяют свое мнение о его творчестве.³² Поскольку русские журналы были доступны чешским литераторам, такое отношение к Фету могло повлиять на его чешское восприятие в конце 1840-х гг.: имя Фета чехи знают, но со слов русских литераторов считают его поэтом второго ряда и внимания ему не уделяют.³³

1850-е гг. в Чехии ознаменованы поражением Пражского восстания (1848 г.) и угрозой усиления германизации чешского общества, когда было отменено равноправие чешского и немецкого языков, преследуются чешские возрожденцы Тыл, Сабина, Гавличек-Боровский. Чешская литература обращается к родному фольклору: очень популярны баллады К. Я. Эрбена, произведения Б. Немцовой, с одной стороны, и гремят переводы с русского — с другой. Именно в 1850-е гг. растет популярность русской поэзии: переводят прежде всего Пушкина и Лермонтова, но знакомятся чехи в переводах и с Кольцовым, Жуковским,

³⁰ В переписке Фета с Полонским последний упрекает поэта в том, что по его стихам нельзя написать его биографии; Фет же не соглашается и считает, что в его стихах только факты и факты. См. об этом: *Бухштаб Б. Я.* Творческий труд Фета // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 1. М., 1973. С. 3–14.

³¹ Из воспоминаний Фета известно, что решающую роль в его стихотворной карьере сыграл И. И. Введенский, по заказу которого появились первые стихи поэта и который произнес: «Вы несомненный поэт, и вам надо писать стихи». С этого дня, по словам самого Фета, он ежедневно писал новые стихи, все более и более заслуживающие одобрения Введенского. Аполлон Григорьев, друг Фета, восхищался его стихами и собирал его наброски. М. П. Погодин показал тетрадку стихотворений Фета Н. В. Гоголю, который отозвался о поэте как о несомненном даровании. В. С. Соловьев определял, что в поэзии Фета вечная красота природы и бесконечная сила любви составляют главное содержание чистой лирики. См. об этом: *Фет А.* Ранние годы моей жизни // Фет А. Воспоминания. М., 1983. С. 136, 141.

³² Белинский считал его самым даровитым поэтом из всех живущих в Москве, о чем он писал в 1843 г. в «Отечественных записках». Позднее, в обзоре «Русская литература в 1843 году», Белинский, который, по его собственному признанию, не читал стихов, а только перечитывал Лермонтова, обращает внимание на «довольно многочисленные стихотворения г. Фета, между которыми встречаются истинно поэтические». Как известно, позднее Белинский станет защищать социальное направление в литературе, так называемую натуральную школу, и больше к Фету обращаться не будет. В письме от 6 февраля 1843 г. к Боткину, будущему теоретику «чистого искусства», он отметит ограниченность содержания стихов Фета (Отечественные записки. 1843. № 10 (приводится по: *Розенблюм Л. М.* А. Фет и эстетика «чистого искусства» // А. А. Фет и его литературное окружение. Литературное наследство. Т. 103. Кн. 1. М., 2008. С. 10)). Чернышевский, будучи противником чистого искусства, все же ставил Фета сразу после Некрасова, считая его вторым из поэтов-современников. Как указывает в своей работе А. М. Ранчин, впоследствии это мнение Чернышевского было явно изменено, поскольку в кругу литераторов «Современника», куда входил Чернышевский, Фет слыл человеком небольшого ума, а его лирика — примитивной (*Ранчин А. М.* Путеводитель по поэзии А. А. Фета. С. 64).

³³ Подробнее об этом см. ниже (ч. 3 гл. 1).

Подолинским. Выходят в свет хрестоматии и антологии русской поэзии, большое распространение получает публикация параллельных текстов — переводов вместе с оригиналами.³⁴ Следствием большого количества переводов из русской литературы стало появление обзорных статей по русской литературе,³⁵ в которых говорится об ушедших русских поэтах и писателях. Статья В. Ч. Бендла 1855 г. имела программное значение для определения путей развития чешской литературы. Рассказывая о судьбе русских писателей, ушедших на пике своего творческого расцвета, он отмечал свободолюбие их творчества. В его работе среди прочих речь идет о Грибоедове, Дельвиге, Гоголе, Кольцове, Пушкине и Лермонтове. Очевидно, что в этой статье нет места начинающему русскому поэту А. Фету, современнику автора, так как речь идет о переоценке литературных ценностей, о крупных русских поэтах; на примерах поэзии Пушкина и Лермонтова подчеркиваются достоинства народа, который борется за свою независимость. Бендл пишет в основном об уже ушедших поэтах. Фет в этот период не был еще широко известен в России; видимо, это и повлияло на то, что имя Фета Бендл не называет.

В конце 1850-х гг. появились первые переводы произведений И. С. Тургенева на чешский язык. К 1880-м гг. в чешских переводах вышли почти все романы и повести писателя, и, как отмечает А. П. Соловьева, творчество Тургенева прочно вошло в чешскую литературную жизнь.³⁶ Такое отношение к Тургеневу в Чехии представляется важным при рассмотрении чешского восприятия Фета в этот период, так как известно, что Тургенев принимал непосредственное участие в редакции его стихов, и мнение о Фете такого крупного писателя могло повлиять на мнение чешских критиков и литераторов.³⁷

³⁴ См. об этом: *Жакова Н. К.* Из истории чешско-русских литературных взаимосвязей. СПб., 2010. С. 19.

³⁵ Так, Ф. Б. Коржинек в «Часописе чешского музея» в 1853 г. публикует статью о Лермонтове «Лермонтов и крупнейшие поэты русские»; вслед за ним (1855 г. в альманахе «Лада Ниола») выпускает обзорную статью о русской литературе «Судьба певца “Бахчисарайского фонтана” и других поэтов русских» В. Ч. Бендл, крупнейший переводчик Пушкина (Там же. С. 20–21).

³⁶ *Соловьева А. П.* И. С. Тургенев и чешско-русские связи 60–80-х годов XIX века // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения / редколл.: М. Бакош, И. К. Горский и др. М., 1968. С. 323–347.

³⁷ Правилom Фета смолоду и до старости (об этом писал Б. Я. Бухштаб) было посылать готовые стихотворения на просмотр друзьям-«ценителям». Сначала это был А. Григорьев, потом Дружинин, Боткин, Некрасов и, главным образом, И. С. Тургенев, который, как известно, в 1850 г. редактировал стихи поэта, убирая

Ни один русский писатель не оказывал в то время такого воздействия на развитие чешской литературы. Произведения Тургенева привлекали своей крестьянской проблематикой, чрезвычайно актуальной для чешской литературы XIX в. Все ведущие чешские литературные журналы 1860–1880-х гг. помещали не только переводы произведений Тургенева, но и статьи и исследования о его жизни и творчестве. О Тургеневе и его влиянии на чешскую литературу в 1960-х гг. писал И. Гонзик, который представлял анализ статей о русском писателе его первых чешских критиков К. Сабины и Й. Фрича, подчеркивая, что они ценили прежде всего гражданский пафос русского прозаика, а в XXI в. — М. Заградка.³⁸ Как отмечает А. П. Соловьева, Ян Неруда говорил в своей статье о Тургеневе, что ценит его прежде всего как художника истинно национального, русского, подчеркивая его огромное влияние на развитие чешской прозы 1860–1880-х гг.³⁹ Таким образом, чехи в этот период были очень увлечены прозой Тургенева. Из поэтов переводят Пушкина и Лермонтова, а из современников — Некрасова. Именно в 1860–1870-е гг. поэзия Некрасова приобрела в Чехии известность: она была созвучна с реалистической поэзией Я. Неруды, В. Галека, А. Гейдука, Р. Майера и других чешских поэтов.⁴⁰ Известно неоднозначное мнение Некрасова о Фете; в печатном отзыве 1866 г. он говорил, что Фет — родоначальник тех поэтов, «которые сами не знают, что будут петь». Чуть раньше он говорил, что ни

концовки, переделывая строфы. Затем были Л. Толстой, Вл. Соловьев; главным «злым покровителем» был Н. Н. Страхов, который также неважно отзывался о фетовской поэзии. Сам Фет говорил, что не решается ничего печатать без одобрения Вл. Соловьева и Н. Н. Страхова. Последний особенно строг и не пропускает ни малейшего изъяна. Критики вмешивались в вопросы и стиховой техники, и подбора лексики и просто требовали, как Тургенев: что вычеркнуто совсем — выкинуть, что подчеркнуто — переменить. Фет, ревностно отстаивая свой текст, был все же вынужден соглашаться с большинством. Так объясняются радикальные изменения в прижизненных переизданиях поэтических сборников поэта. Причиной подобного подчинения Фета своим критикам разные исследователи считают неуверенность поэта в себе, отсутствие дара самооценки, неспособность отбрасывать и изменять неудачно возникшее. Главной же причиной, по мнению Б. Я. Бухштаба, является один недостаток, странный у такого большого поэта: всю жизнь он был не в ладах с грамматикой. Такие досадные ошибки нуждались в корректировке и, конечно, вызывали со стороны друзей Фета насмешки. Большое количество пародий на стихи Фета вызывало неприятие его поэзии критикой: в течение всей творческой жизни Фета его стихи обвиняли в непонятности, неопределенности, запутанности, бессмысленности. См. об этом: *Бухштаб Б. Я. Творческий труд Фета. С. 3–14; Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX века) / ред. В. Н. Орлов. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л., 1960. С. 514–515.*

³⁸ Гонзик И. Тургенев и чешская литература // И. С. Тургенев (1818–1883–1958): сборник. Орел, 1960; *Zahrádka M. Turgeněv a próza poloviny XIX. století // Ruská literatura 19 století v kontextu evropských literatur. Olomouc, 2005. S. 101–125.*

³⁹ Соловьева А. П. И. С. Тургенев и чешско-русские связи 60–80-х годов XIX века. С. 326.

⁴⁰ Подробнее об этом: *Германова Е. Н. А. Некрасов и чешская поэзия в эпоху Яна Неруды и Витезслава Галека // Русская литература. Историко-литературный журнал. 1958. № 3. С. 228–238.*

в одном русском авторе после Пушкина не почерпнет человек, понимающий поэзию, столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет.⁴¹

Таким образом, представления о русской литературе у чехов в конце 1850-х гг. были беспорядочны. Когда А. Н. Пыпин, молодой ученый, недавний ученик В. И. Ламанского, впервые приехал в 1858 гг. в Прагу, он был поражен скудостью и случайностью познаний о России и русской культуре. Русская литература представлялась одной «Русской беседой», знали Тургенева, Гоголя, Пушкина, немножко Лермонтова и только; о новом понятия не имели. Пыпин написал ряд статей о русской литературе для «Журнала Чешского королевского музея» («Časopis muzea Království českého») с тем, чтобы познакомить чешского читателя с современной русской литературой.⁴² Он впервые знакомит чехов с Л. Толстым. Пыпин называет имя Фета, но отдает предпочтение среди поэтов Некрасову. Творчество Тургенева и Некрасова, которое в Чехии 1850–1870-х гг. было очень популярно, их личности, которые имели большой авторитет среди чешских писателей и критики, возможно, их критичное отношение к Фету, — все это повлияло на то, что переводов Фета чехи в 1860–1870-е гг. не осуществляли, хотя его имя было им знакомо. Кроме того, в 1870–1880-е гг. чехи знакомятся с творчеством Толстого, его произведения начинают переводить, на чешском выходят «Война и мир» (1873 г.) и «Анна Каренина» (1881 г.), а далее хлынет поток переводов великого русского классика, в 1887 г. даже начнется издание первого чешского собрания сочинений Толстого.⁴³ Многие чешские писатели испытали влияние творчества Толстого: И. М. Порочкина называет имена А. Ирасека, А. Сташека, Й. Голечека, В. Дыка. Свои стихотворения ему посвятили

⁴¹ Видимо, это связано с личным отношением к Фету: первая серьезная размолвка с «Современником» Некрасова, где Фет регулярно печатался, возникла в декабре 1857 г. не на идейной почве, а на почве задержки гонорара. Гонорар был уплачен, но, получив расчет, Фет написал Некрасову письмо с уведомлением о прекращении сотрудничества. Глубокая неудовлетворенность Фета не ограничивается лишь «Современником», он недоволен литературной ситуацией в целом. С 1858 г. стихи Фета уже не идут нарасхват, постепенно утрачивают интерес у публики, а значит, и у редакторов журналов. К концу 1850-х гг. Фет принимает решение уйти из литературы. См. об этом: *Переписка* с В. П. Боткиным 1857–1869 / вступит. статья, публикация и комментарии Ю. П. Благоволиной // А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1. С. 164, 166–167.

⁴² *Письма* А. Н. Пыпина о русской литературе в чешском журнале (публикация К. И. Ровды) // Литературные связи славянских народов. Исследования. Публикации. Биография / отв. ред. В. Н. Баскаков; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л., 1988. С. 237–273.

⁴³ *Порочкина И. М.* Л. Н. Толстой-художник в чешской критике конца XIX — начала XX века // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. С. 349.

А. Сова, Я. Врхлицкий, А. Гейдук, Ф. Шрадек.⁴⁴ М. Заградка пишет о том, что увлечение Толстым среди чехов было настолько сильно, что в 1880-х гг. чехи имели личные контакты с писателем: с ним встречались Т. Г. Масарик, музыковед Неедлы, педагог Велеминский, политик Крамарж.⁴⁵ Таким образом, обращению к переводам сборников стихотворений Фета в 1870–1880-е гг. помешало увлечение чехов русским романом. Первые отдельные стихотворения Фета в чешском переводе появляются в 1880-х гг., когда и на родине к Фету приходит признание: в 1880-е гг. он создает весь корпус своих переводов из римских поэтов-классиков, его философским увлечением становится Шопенгауэр, которого он начинает переводить еще в 1879 г. В 1885, 1888, 1891 гг. выходят три выпуска «Вечерних огней». В 1889 г. Фет празднует юбилей Музы (пятидесятилетие со дня выхода его первой книги), в феврале того же года он получил камергерское звание, был представлен императору, — Фет на вершине официального признания.⁴⁶ В 1925 г. Г. Адамович пишет в своих «Литературных беседах»: «Лет 40–50 назад увлечение Фетом было всеобщим. Правда, умница Тургенев говорил о нем с нескрываемым пренебрежением. Правда, Толстой решительно предпочитал ему Тютчева.⁴⁷ Но это были исключения. В массе же все критики, настроенные не слишком позитивно, не склонные к полной базаровщине и снисходительно допускавшие право искусства на существование, признавали Фета единственным поэтом эпохи и говорили о его поэзии как о “священном уголке Муз”, отрадном убежище их в “этот грубый век прогресса и матерьялизма”».⁴⁸ Но наряду с этим все еще

⁴⁴ Там же. С. 358.

⁴⁵ *Zahrádka M. Tolstoj // Ruská literatura 19 století v kontextu evropských literatur.* S. 169.

⁴⁶ П. И. Чайковский в письме от 26 августа 1888 г. к К. Р. написал, что «Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область, что он не просто поэт, скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом». Фет откликнулся на это высказывание в ответном письме к К. Р. от 8 октября того же года: «Чайковский тысячу раз прав, так как меня всегда из определенной области слов тянуло в неопределенную область музыки, в которую я уходил, насколько хватало сил моих» (*Письмо К. Р. от 8 октября 1888 г. // А. А. Фет и его литературное окружение. Литературное наследство.* Т. 103. Кн. 2. М., 2011. С. 728).

⁴⁷ Известны отношения Фета с Толстым и его семьей: их связывала многолетняя дружба и переписка. Однако длятся близкие дружеские отношения до «Анны Карениной», после написания которой Толстой приходит к новым убеждениям и религиозным воззрениям, тем самым, как пишет И. Н. Сухих, «воспринимая помещика Шеншина как часть того образа жизни, который он хочет отряхнуть со своих ног. Формально отношения продолжают, но более близок Фет становится с С. А. Толстой, которая, кстати, была на похоронах Фета и положила ему на грудь пышную живую розу» (*Сухих И. Н. Шеншин и Фет: жизнь и стихи.* С. 12).

⁴⁸ *Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные беседы: в 2 кн.* СПб., 1998. Кн. 2. С. 383.

продолжают выходить негативные рецензии на переиздания «Вечерних огней».⁴⁹ В последние годы жизни Фет продолжал писать мемуары, переводить. Он общался со своими почитателями из нового поколения — Вл. Соловьевым, Л. Лопатиным, Н. Гротом. К этому же периоду (1886–1892 гг.) относится очень важная для исследователей творчества поэта переписка Фета с великим князем Константином Константиновичем — молодым начинающим поэтом К. Р.⁵⁰

В Чехии в конце 1890-х гг. развитие литературного процесса набирает силу: поколение молодых чешских литераторов, к которым причисляли себя Й. Махар, Ф. Шальда, А. Сова, О. Бржезина, В. Мрштик и др., выдвигали лозунг о свободе личности в общественной жизни и полноты раскрытия индивидуальности — в творческой. В октябре 1895 г. в журнале «Розгледы» появился манифест «Ческа модерна», авторами которого были Й. Махар и Ф. Шальда. Манифест подписали А. Сова, О. Бржезина, В. Мрштик и др. Отрицая модные направления (натурализм, символизм, декаданс) и выдвигая требование свободы слова, приверженцы манифеста пропагандировали связь литературы с жизнью. Распад чешской модерна дал чешской литературе Й. Махара — крупного представителя реалистического направления поколения 1890-х гг. Он также продолжил линию противостояния люмировцам во главе с Я. Врхлицким, пропагандируя стремление

⁴⁹ Фет реагирует болезненно, называя критиков «шутами гороховыми». Речь идет о рецензии В. Буренина на 4-й выпуск «Вечерних огней», который высказался по поводу стихотворения «На качелях»: «Представьте себе 70-летнего старца и его “дорогую”, “бросающих друг друга” на шаткой доске» (подробнее см: *Бухштаб Б. Я.* Творческий труд Фета // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 1. М., 1973. С. 3–14). К. Н. Леонтьев, писатель и философ (в конце жизни — монах Климент), «умнейший человек, имевший пророческий дар, был в дружеских отношениях с Фетом. Он любил его ранние стихи, но по поводу “Вечерних огней” в 1889 г. в Оптиной Пустыни высказался нелестно: “Люблю тебя!.. Не понимаю!..”. Леонтьев пишет о том, что хотел было советовать Фету о любви умолкнуть, но о. Амвросий сказал “не надо” и он был послушен. Отец Амвросий (уже к тому времени немощный, весь день проводил с народом, который ехал к нему как к духовному учителю и прозорливцу), как говорит м. Лазарь, Фета скорее всего не читал, мог знать о нем из бесед с Леонтьевым, но мнение о поэте у него было правильным» (*Монах Лазарь (Афанасьев В. В.). «Там человек сгорел!» Афанасий Фет и Мария Лазич: жизненная трагедия как источник поэтического творчества* // Русский литературоведческий альманах. Вып. 2: сб. статей к юбилею В. Н. Аношкиной (Касаткиной). М., 2011. С. 257–258).

⁵⁰ Общение носило преимущественно эпистолярный характер: великий князь жил в Петербурге, а Фет — в Москве или в Воробьевке; таким образом, личных встреч было немного. Первая встреча состоялась в декабре 1887 г., лишь через год после первого обмена письмами. Это послужило началом теплых, доверительных отношений между двумя поэтами. Фет и К. Р. обмениваются стихами, рассуждают о вдохновении, правилах стихосложения. По мнению исследователей, это были скорее отношения ученика, стремящегося найти свой путь в поэзии, и учителя. Как указывает М. И. Трепалина, в эти годы К. Р. сформировался как самостоятельный поэт, на процесс становления которого Фет оказал значительное влияние. Для Фета это период подведения итогов, время создания «Вечерних огней», «Моих воспоминаний». Кроме того, их переписка свидетельствует о признании его музыки со стороны царской семьи, чем Фет очень дорожил. См. об этом: *Трепалина М. И.* Переписка с Великим князем Константином Константиновичем (К. Р.) 1886–1892 // А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. С. 551.

к простоте, отход от злоупотребления метафорами и строфами, перегруженности образами.⁵¹ Ранним импрессионистом среди молодого поколения поэтов был А. Сова — автор великолепной пейзажной лирики (сборники «Цветы интимных настроений», 1891 г.; «Мы еще раз вернемся», 1900 г.), его называют певцом добра и красоты. А. Сова первым в чешской поэзии прибегнул к художественным методам импрессионизма и поэтике символизма. В 1881 г. Я. Врхлицкий вместе с В. Сладеком приходит к идее о популяризации переводов иностранной поэзии на страницах журнала «Люмир», где выходят стихотворений Фета в переводах Сладека.

В произведениях авторов старшего поколения, к которым относятся Я. Врхлицкий, С. Чех, Й. В. Сладек и др., в этот период становится значимым политический компонент, и можно сказать, что чешская политическая поэзия в 1890-е гг. переживает свой расцвет.⁵² Несмотря на признание творчества Фета в России, в конце XIX в. его чистая поэзия не отвечала интересам чехов. Даже его уход в 1892 г. остался в Чехии незамеченным. Это можно связать с тем, что в чешской литературе начинается приобщение к европейской культуре и наряду с русским романом в Чехию проникают произведения французского натурализма. Чехи знакомятся с творчеством Э. Золя. В конце века начинают появляться отдельные переводы произведений А. П. Чехова («Чайка», 1898 г.) и М. Горького.⁵³ Именно в это время в 1895 г. в томе «Научной энциклопедии Отто»⁵⁴ появляется первая статья, посвященная Фету.

Таким образом, к концу XIX в. в Чехии имя Фета было известно сначала по статье Пыпина 1858 г., затем по переводам Сладека и Халупы (1881 и 1884 гг.) и, наконец, по энциклопедической статье о нем, вышедшей уже после его смерти в

⁵¹ Махар приближает язык поэзии к простому разговорному языку, и благодаря этому и актуальности содержания стихи его приобретают небывалую популярность.

⁵² В 1890 г. В. Сладек создает «Сельские песни и чешские сонеты»; в 1895 г. С. Чех пишет поэму «Песни раба»; патристической лирике полностью отдаются Й. Махар, Э. Красногорская и А. Гейдук.

⁵³ См. об этом: *Ботура М.* Ранние рассказы и повести М. Горького в оценке чешской критики 1895–1903 гг. // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. С. 359–370; *Сватоньова И.* «Спор» о Чехове и Ибсене (о резонансе их пьес в Чехии в начале XX в.) // Там же. С. 371–380.

⁵⁴ Крупнейшая универсальная энциклопедия на чешском языке, изданная в 1888–1909 гг., которая до сих пор остается актуальным источником информации по целому ряду направлений. Названа по имени инициатора ее создания и издателя — Яна Отто (1841–1916).

1895 г. Отсутствие специальных работ о крупном русском поэте было связано с тем, что сама политическая и общественная обстановка в Чехии в конце XIX в. оказывала влияние на развитие внутреннего литературного процесса: общественные разногласия внутри самой Чехии, противоречия между представителями разных поколений чешских писателей и, наконец, борьба за политическую независимость в конце столетия не могли не сказаться на отсутствии интереса к лиричной, предсимволистской поэзии русского классика, уход которого в конце века прошел незамеченным и в самой России. Можно сказать, что в XIX в. при жизни поэта для широкого чешского читателя Фет как поэт был почти незнаком из-за отсутствия в этот период какой-либо подборки его переводов. Появление отдельных переводов его стихотворений в чешских журналах говорит о том, что Фет присутствовал в литературном сознании чехов, но лишь как один из русских или один из славянских поэтов. В самой чешской поэзии конца XIX — начала XX в. намечаются тенденции развития модернизма, увлеченность современной проблематикой, остротой социальных процессов, а лирика Фета — певца русской природы не отвечала этим стремлениям. Кроме того, в конце века, обращаясь к русской литературе преимущественно за образцами прозы (Тургенев, Толстой), чешские авторы не проявляли интерес к русским поэтам-лирикам. Стремление к символизму в лице Совы и Бржезины, видимо, могли в дальнейшем привести чешскую поэзию к широкому развитию символизма, и имя Фета прозвучало бы в чешских переводах, но развитие чешской поэзии увело чешского читателя от романтической чистой лирики. Из русских поэтов отвечал общественным и политическим требованиям чехов лишь Некрасов, переводы из которого и делались в это время. Может быть, сказалось и прижизненное отношение к Фету в России его современников и русской критики. Чехам знакомы были Тургенев, Некрасов, Толстой, а те, как известно, весьма противоречиво отзывались о его творчестве, что могло быть известно чехам как из личных контактов, так и по русским журналам. Таким образом, к концу XIX в. чехи, постепенно переоценивая книжные ценности, отходят от русской поэзии, оставаясь верными лишь Пушкину и Лермонтову, частично Тютчеву, а из новых

поэтов — Некрасову, отдав предпочтение, с одной стороны, русскому роману, а с другой — реализму русской драмы. Несмотря на то, что имя Фета было знакомо чехам по переводам отдельных стихотворений в «Люмире» и «Светозоре», письмам Пыпина, по статье в «Научной энциклопедии Отто», войти в чешскую литературу ему в этот период, будто, помешали его ближайшие коллеги, принимавшие активное участие в стихотворной судьбе поэта, — Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой.

1.1.2. Восприятие А. А. Фета в Чехии в первой половине XX века

Начало XX в. в России — это эпоха поэзии символизма. Казалось бы, имя Фета как предшественника русского символизма, ушедшего совсем недавно, получившего в конце жизни признание как крупный русский поэт, должно было звучать в чешской литературной среде начала XX в., но ситуация сложилась иначе. Чешский символизм — явление более камерное, чем символизм русский, его представителей не так много. Самый крупный из них — О. Бржезина (1868–1929). Его поэзия, насыщенная метафорами, не пользовалась широкой популярностью среди современников, ибо была сложна для понимания, хотя сам он стал большим авторитетом для чешских поэтов первой трети XX в. Его личная библиотека на русском языке состояла из почти всех основных произведений Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Горького. Русскую поэзию он предпочитал читать в оригинале: в его распоряжении были оригиналы произведений Крылова, Веневитинова, Языкова, Апполона Майкова, а также собрания стихотворений Тютчева и Фета. В переводной части библиотеки стихотворений Фета не было.⁵⁵ Но в своих поздних высказываниях о русской поэзии Бржезина отмечал: «Поляки — единственный славянский народ, непрерывно участвовавший в духовной жизни Европы и достигший в своей поэзии высшей степени

⁵⁵ Приводится по: Каменская В., Малевич О. Отокар Бржезина и Россия // Отокар Бржезина. Строители Храма. СПб., 2012. С. 467–468.

совершенства. Русской поэзии это касается не в такой мере. Единственный, кто здесь может быть назван, это все предвосхитивший Пушкин... Последователи Пушкина — Тютчев, Фет, Надсон, Бальмонт — не достигают его уровня, равно как и Блок».⁵⁶ Тот факт, что крупный чешский поэт, почитаемый и ценимый современниками, поставил Фета в один ряд с крупными русскими поэтами разных периодов развития русской литературы и отмечает его как последователя Пушкина, позволяет говорить о наличии сведений о Фете в чешской поэтической среде в данный период. Конечно, восприятие Фета Бржезиной — лишь частный случай, объяснимый увлечением чешского поэта символизмом и искавшего в русской поэзии вдохновения для личного поэтического творчества, но так или иначе факт присутствия Фета мы отмечаем. Здесь вырисовываются параллели творческих судеб чешского и русского поэтов: Бржезина, как и Фет, своей поэзией и увлечением чистым искусством выбивался из общего литературного процесса эпохи, его лирика вызывала острую критику и пародии.⁵⁷ Можно говорить о том, что Фета чехи все же знали, были знакомы с его поэзией, но не переводили, отдавая предпочтение Пушкину, Лермонтову, Брюсову (перевод 1913 г. Ф. Кршички из Брюсова был очень популярен в Чехии), а также русскому фольклору («Былины, древние русские богатырские песни» в переводе А. Курца 1925 г.). Конечно, как и во все периоды истории, особую роль для чехов играло восприятие всего нового через немецкий язык. В 1903 г. выходит книга переводов стихотворений Фета на немецком языке (*Gedichte von A. A. Fet, autorisierte Verdeutschung im Vermass des russischen Originals von Friedrich Fiedler. Leipzig: Philipp Reclam, 1903*). Это позволяет говорить о том, что с творчеством русского поэта в начале века чехи могли быть знакомы в том числе и через немецкий перевод Ф. Фидлера.

У чешских и русских символистов, тем не менее, есть общие черты: неприятие своей эпохи и трагическое мироощущение. Они во многом опирались на собственные традиции (Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Тютчев, Фет,

⁵⁶ Там же. С. 469.

⁵⁷ Там же. С. 457.

Вл. Соловьев в России, Маха, Врхлицкий, Зейер в Чехии). И у тех, и у других были свои теоретики и критики: в России — Вл. Соловьев, Брюсов, Белый, Иванов, в Чехии — Ф. Шальда, А. Прохазка, И. Карасек из Львовиц. Пути развития чешского и русского символизма и сходились, и различались. Но влияние и присутствие русских поэтов-символистов в Чехии очевидно.

В начале XX в. постепенно возникали связи между чешскими и русскими символистами, публиковались чешские рецензии на сборники русских поэтов. Активнее всех в этом направлении работал журнал «Модерни ревю», в котором появлялись рецензии и статьи о современной русской литературе. Кроме того, этот журнал чешских символистов налаживал контакты и обменивался материалами с русскими журналами «Весы» и «Аполлон». Брюсов стал для «Модерни ревю» самым прогрессивным, выдающимся русским поэтом, который также интересовался чешскими авторами и переводил их.⁵⁸ В этот период систематически выходят статьи, очерки и просто обзоры русской литературы. Наиболее активно следил за новейшими тенденциями развития русской литературы журнал «Словански пршеглед», в котором в постоянной рубрике «Из славянской поэзии» помимо русских поэтов-классиков Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, А. К. Толстого, Полонского, Апухтина, Надсона, печатались переводы Скитальца, Величко, Фофанова, Лохвицкой, Вл. Соловьева, Минского, Мережковского, Бальмонта. Переводов из Фета в этих журналах мы не находим.

Чешские слависты и переводчики Б. Прусик, Й. Фолпрехт, Ф. Таборский, П. Матернова и др. пропагандировали русскую поэзию. О русской литературе в чешских изданиях писали русские и польские авторы (так, в «Письмах из Петербурга» публиковала сведения о новинках русской литературы Р. Р. Бодуэн де Куртене).

Однако большинство названных критиков были сторонниками реализма, и символисты их не очень интересовали, к символизму они относились скептически. Публикаций переводов из Фета, сведений о нем как о крупном русском поэте или же предшественнике русских символистов в этот период не

⁵⁸ Подробнее об этом см.: Там же. С. 459–460.

было. Это объяснимо критическим отношением к символизму как таковому в чешских переводческих кругах в начале XX в. Кроме того, истоки символизма чехи видели во Франции (Врхлицкий обращается в конце века к французскому символизму, его переводы французских поэтов сыграли свою роль в развитии чешской поэзии), т. е. именно Франция воспринималась как первоисточник символизма.⁵⁹ Кроме французской поэзии внимание чехов привлекала польская поэзия данного периода, и чехи постоянно обращались к ней за поэтическими образцами. Истоки русского символизма их не интересовали. Тот факт, что русские символисты называли Фета своим предшественником, остался незамеченным чехами. Интерес вызвал русский символизм уже в своем расцвете, когда стали переводить на чешский язык крупных русских поэтов-символистов, хотя и их путь к чешскому читателю был тернист. Выбор русских авторов был сугубо индивидуален и обусловлен личными вкусами переводчиков и литераторов. Фет как поэт-романтик, лирик, пейзажист, тем более писавший в прошлом веке, их не интересовал. Хотя русских поэтов-классиков чехи печатают и говорят о них постоянно, через Фета они как бы перешагнули, не заметив его. Литература, как известно, зависит от политической ситуации и общественных настроений, и именно этот период в Чехии был весьма неблагоприятен для такого рода поэзии. В начале XX в. все внимание чехов было приковано к русской революции: положение дел в России казалось им похожим на ситуацию в Чехии. Поэтому символистская поэзия не получила должного расцвета, но явление символизма в поэзии интересовало чехов как новейшее мировое течение в поэзии. Интерес вызывали новейшие французские, польские и русские авторы, как идущие в ногу со временем. А классики оставались классиками — их продолжали печатать, переводить, обращаться к ним. Фет в этот список для широкого чешского читателя не попал, его знал лишь узкий круг чешских литераторов,

⁵⁹ Хотя, как отмечают В. Каменская и О. Малевич, сведения о русском символизме стали проникать в Чехию с начала 1890-х гг. С 1888 г. в чешской печати появляются сведения о духовном отце русских символистов Вл. Соловьеве и переводы его статей и стихов в журналах «Освета», «Весна», «Словански пршеглед». После его смерти статьи о нем публиковали слависты и переводчики Й. Микш, А. Врзал, Б. Прусик, П. Матернова. Большую популярность среди чешских поэтов имел Бальмонт, с которым чешского читателя знакомил Й. Микш (журнал «Освета») и П. Матернова (журнал «Славянский пршеглед»). Журнал «Глидка», издававшийся в Брно, впервые опубликовал сведения о Брюсове и А. Добролюбове в конце 1890-х гг. (Там же. С. 467–469).

которые, как Бржезина, знали русскую классику в оригинале. Критическое отношение к русскому символизму поддерживали многие чешские издания, прежде всего «Наше доба» — журнал партии Т. Г. Масарика. Как отмечает О. Малевич, отношение к русскому символизму впоследствии изменилось. После переводов на чешский язык в 1911–1913 гг. работ и книг С. А. Венгерова на страницах чешских журналов появляется все больше русских поэтических имен. Переводятся не только Бальмонт, Брюсов, Мережковский, Гиппиус и Сологуб, но и Анненский, Блок, Белый, В. Иванов, Волошин, Вл. Соловьев. В журналах Шальды «Новина» и «Ческа култура» печатаются статьи, посвященные поискам в новейшей русской литературе, выходит издание «Библиотека славянских авторов». В 1910–1911 гг. Й. Фолпрехт публикует обзор критических выступлений русских символистов, в эти же годы выходит статья Я. Бартоша «Ренессанс русской литературы», где дается обзор имен русского модернизма. Но ни слова в этих изданиях мы не находим о Фете, о его поэзии, о его связи с поэзией русского символизма. По словам О. Рихтерека, в начале века в чешской переводной литературе значительное положение занимают работы Д. Мережковского, З. Гиппиус и Л. Андреева — представителя русской прозы и драмы, испытывающего в своем творчестве влияние злободневного в то время в Чехии импрессионизма.⁶⁰ Кроме того, начало XX в., ознаменованное в русской истории бурными политическими выступлениями, оказало влияние на литературный процесс в Чехии: появились произведения — отклики на русские события. С. Чех пишет поэму «Степь», которая так и осталась неоконченной, Й. Махар создает ряд стихотворений, посвященных России, среди которых «Россия в январе 1905 года», а А. Сова в 1906 г. публикует революционную книгу «Приключения отваги», где есть стихи, посвященные русской революции 1905 г. Чехия в начале века (1918 г.) обрела политическую независимость — была создана республика, во главе которой встал первый президент Т. Г. Масарик. Происходит крутой поворот в русско-чешских отношениях вообще и в

⁶⁰ Рихтерек О. К вопросу о чешском восприятии русской литературы «Серебряного века» // Slavica Litteraria. 2012. Vol. 15. N 1. S. 26–27.

литературных в частности. Интерес среди чехов к жизни Советской России был велик: создано Общество культурного и экономического сближения, осуществлялись поездки в Россию писателей коммунистической ориентации, чехи обращались к переводам новой советской литературы.

События 1917 г. вызвали большой поток эмиграции из рухнувшей Российской империи. Прага была колыбелью, принявшей русских эмигрантов и предоставившей им возможность продолжать свою работу уже в Чешской Республике.⁶¹ Принято связывать данный период чешской истории с так называемой Русской акцией. Все русские интеллигенты независимо от области специализации вели себя в эмиграции очень активно: создавались содружества, общества, кружки, издавались журналы, т. е. велась активная общественная и научная работа по популяризации и развитию русской культуры в целом, что находило огромную поддержку среди чехов. Никаких сведений о Фете в восприятии чехов или популяризации его поэзии в Чехии в 1920-е гг. мы не находим. Возможно, это связано с тем, что сама чешская поэзия также была на подъеме, а русская поэзия была популярна как поэзия русской эмиграции. Здесь следует отдельно отметить деятельность русского филолога Альфреда Бема — ученика Венгерова, Шахматова, Срезневского, который объединил русских поэтов в Праге в «Скит поэтов». Здесь творило молодое поколение — Т. Ратгауз, В. Лебедев, А. Головина, А. Эйсер и др., читали свои стихи В. Ходасевич, И. Северянин, М. Цветаева. Кроме того, А. Бем в 1925 г. в Праге выступил

⁶¹ В 1920-е гг. столицу Чехии называли Русскими Афинами, Русским Оксфордом, так как это была столица науки и образования русской эмиграции. В Праге работали: Русский юридический факультет Карлова университета (его задачей была подготовка новых политических кадров для России, которая, как виделось многим эмигрантам, переживет страшные времена и все же встанет на демократические рельсы); Педагогический институт; Институт коммерческих знаний; общественный Русский народный университет; Институт сельхозкооперации. В Праге же были созданы семинарии, работал Русский зарубежный архив. Русская Прага 1920-х гг. просуществовала до начала Второй мировой войны. Здесь нашли свое пристанище и возможность работать биолог М. Новиков, философ Г. Флоровский, юристы Н. Тимашев и С. Завадский, византолог Н. Кондаков, литературоведы А. Бем и Р. Якобсон. В Праге того периода было несколько десятков тысяч русских; как известно, Набоковы уезжали из России через Прагу, здесь жили русские писатели А. Аверченко, В. Немирович-Данченко, Е. Чириков, М. Цветаева; политики В. Чернов, С. Маслов, А. Аргунов (их силами выходили журналы «Воля России», «Знамя России», «Вестник Крестьянской России»). Кроме того, в Прагу были приглашены доучиваться 250 студентов-техников и около 700 студентов-универсантов. Чехословакия в 1920-е гг. поддержала русскую эмиграцию, прежде всего финансово (потрачено было около 5 % среднегодового бюджета Республики), в стране была создана система среднего и высшего образования для служившей в Белой армии молодежи, что давало рабочие места для русских преподавателей и профессоров, волею судьбы оказавшихся в Чехословакии.

инициатором установления ежегодного русского праздника Дня русской культуры, с тем чтобы приурочить его ко дню рождения Пушкина 6 июня. Однако творчество Фета русские эмигранты в Чехии не затрагивали. В самой Чехии интерес вызывала современная Россия, чехи стремились познакомиться с творчеством русских современников — Блока, Маяковского, Есенина — и стремились переводить именно их произведения. Стихи Фета не были актуальны и не представляли интереса для перевода. Другим видным деятелем в области филологии в Праге был Р. Якобсон — основатель Пражского лингвистического кружка. Он объединял вокруг себя талантливых филологов, как чехов, так и русских. Среди многих его исследований наиболее важным представляется работа «О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским» (1923 г.), но и здесь имя Фета не упоминается.

1940-е гг. в мировой истории очерчены трагическими событиями Второй мировой войны, Чехословакия уже в 1939 г. была оккупирована. В этот период взгляды чехов вновь обращены к русскому народу и, конечно, к русской литературе: чехи широко отметили 100-летие со дня смерти Пушкина, 100-летие гибели Лермонтова. Это породило новую волну переводов: выдающийся чешский поэт Й. Гора в 1937 г. переводит «Евгения Онегина», в 1939 г. выходит его же перевод «Демона», начато юбилейное издание Лермонтова в трех томах. В 1940 г. появляется первое книжное издание Тютчева в переводе М. Матулы. Фета среди переводимых и изданных русских авторов по-прежнему нет.

Таким образом, восприятие А. А. Фета в Чехии в первой половине XX в. сводилось к тому, что имя его было чехам знакомо, свидетельством чему может послужить высказывание крупного чешского поэта О. Бржезины о русской поэзии, где среди крупных поэтических имен, он называет Фета, и наличие книги о Фете на немецком языке 1903 г. издания. Однако отсутствие переводов говорит о том, что Фет — предшественник русских символистов чехов не интересовал, истоки символизма они видели во Франции и увлекались переводами из французской поэзии. В этот же период сама чешская поэзия находилась под большим влиянием со стороны польской. Из русской поэзии чехов в начале XX в.

привлекали современные авторы: Мережковский, Гиппиус, Бальмонт, Брюсов и др. Истоки русского символизма в лице Фета их не интересовали. На восприятие Фета в Чехии в первой половине XX в. не повлияла и деятельность русских эмигрантов, которые не упоминают его имя в своих трудах. Исторические события начала века, появление символизма отвлекли внимание чешских переводчиков и поэтов от поэзии Фета. В 1940-е гг. обращению к Фету помешали события Второй мировой войны, а также 100-летие со дня смерти Пушкина и Лермонтова, которые чехи, несмотря на военное время, широко отметили.

1.2. Рецепция творчества А. А. Фета в Чехии во второй половине XX — начале XXI века

Чешско-русские литературные взаимосвязи после 1945 г. и вплоть до 1989 г. развивались в условиях политики социализма. В первые послевоенные годы страна разделяла радость от победы СССР во Второй мировой войне, и отношение к Советскому Союзу было как к освободителю Чехословакии. Но вскоре, оказавшись в социалистическом лагере, Чехословакия была вынуждена жить в условиях тоталитаризма с его ограничениями и запретами. Социалистические идеи охватывали весь круг культурных вопросов, в том числе литературу и литературные взаимосвязи. Изучение русского языка и литературы в школах социалистической Чехословакии было обязательным. Таким образом, можно сказать, что чешско-русские литературные отношения второй половины XX в. переживали расцвет. К этому периоду уже был создан так называемый золотой фонд русской классической поэзии: были переведены на чешский язык А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев. В 1950–1960-е гг. осуществляется наибольшее количество переводов русской прозы: Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов. Активно переводилась советская литература: М. Шолохов, М. Горький, К. Федин и многие другие идеологически правильные авторы. Интерес ко всему русскому был насаждаем, но тем самым расширял

горизонты чешского читателя в области знакомства с русской литературой и ее изучения. Однако в 1950-е гг. переводов из Фета на чешский язык так и не появилось: чехи, очевидно, обращались к поэтам первого ряда. Вместе с тем отсутствие интереса к крупному русскому поэту можно объяснить кризисом в самом чешском литературном процессе 1950-х гг., вызвавшим критику культурной политики в целом среди поэтов и писателей (дискуссии развернулись на страницах чешской «Литературной газеты» в 1957 г. и в журнале «Кветы»), следствием чего стали репрессии.⁶² Таким образом, чешская поэзия 1950-х гг., в которой идут процессы активной борьбы с насаждаемой линией идеологически правильного развития, активно развивается, черпая вдохновение не в переводах, а у себя на родине, в собственной поэзии предшествующей эпохи.⁶³ Переводам из Фета в этом чешском литературном процессе, где наравне с поэтами набирали популярность прозаики Й. Шкворецкий, М. Кундера, Б. Грабал, И. Клима, П. Когоут, Л. Вацулик, и в потоке переводной западной литературы места не нашлось. Несмотря на то что в 1950-е гг. осуществляется наибольшее количество переводов русской литературы, из русской поэзии в этот период вновь издавали лишь С. Есенина и ранее запрещенного И. Бунина.⁶⁴ К Фету чешские поэты-переводчики не обращаются, очевидно, будучи заняты чешскими путями развития поэзии.

1960-е годы — особенный период для чешской литературы. В 1964 г. в Праге выходит первый сборник переводов стихотворений Фета, в эти же годы

⁶² Первыми о кризисе в литературе заговорили поэты Ф. Грубин и Я. Сайферт на съезде Союза писателей весной 1956 г., где они подвергли критике культурную политику, говорили о судьбе репрессированных писателей, а современную чешскую поэзию сравнили с лебедем, замерзшим во льду. Впоследствии Ян Гроссман также открыто заговорит о кризисе в литературе. В 1959 г., после будапештских событий, литературную Чехию захлестнула волна чисток: закрыт журнал «Кветен», запрещена к изданию уже готовая книга прозы Б. Грабала, чистки коснулись и издательства «Чехословацкий писатель». Многие литературные деятели были вынуждены работать в иных областях культуры. См. об этом: *Lehár J., Stich A., Janáčková J., Holý J. Česká literatura od počátků k dnešku*. Praha, 2006. S. 754–756.

⁶³ Такими поэтами 1950-х гг. были Ф. Грубин, О. Микулашек, Я. Скацел. Они развивали в чешской лирике традиции Ф. Галаса. Группа поэтов объединилась вокруг журнала «Кветы»; подобно советским поэтам того периода, они дискутировали о поэтике, экспериментировали со стихотворными формами, противопоставляли идеологически верной линии развития поэзии правду повседневности. См. об этом: *Ibid.* S. 756.

⁶⁴ *Jesenin S.* 1) *Básně: výběr z díla / z ruských originálů* přel. Z. Bergrová a kol.; výběr uspořádal a doslov napsal J. Rumler. Praha, 1955. 348 s.; 2) *Anna Sněgina / z ruš. přel. Josef Hora*. Praha, 1959. 58 s.; *Bunin I.* 1) *Vesnice / přel. Ruda Havráňková; předmluvu napsala L. Dušková*. Praha, 1957. 228 s.; 2) *Mítova láska / z rus. originálu přel. J. Zábrana*. Praha, 1958. 109 s.

появляются первые литературоведческие статьи, посвященные его творчеству. Обращение к Фету в 1964 г. можно объяснить тем, что 1960-е гг. для чешской поэзии были наиболее благополучными: идеологическое давление ослабилось, престиж литераторов поднимался, культура получала государственные дотации на развитие, стали возможны издание множества журналов, книг, создание театральных постановок.⁶⁵ В поэзии царствовала интимная лирика: темы природы, любви, страсти. Поэтика таких поэтов, как В. Голан, О. Микулашек, В. Завада, Ф. Грубин, казалось, перекликалась с поэтикой Фета, однако к переводам они не обращаются. В 1960-е гг. по-прежнему переиздают произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, по словам Рихтерека, как правило, с акцентом на потенциальные революционные или социальные аспекты их творчества.⁶⁶ Но чешская поэтическая ситуация 1960-х гг. позволила воспринять поэзию Фета в переводе поэта И. Славика, отвечающую тенденциям чешского поэтического развития этого периода.

В 1970–1980-е гг. на чешско-русских литературных связях лежит тень событий 1968 г. и их последствий в политической и культурной жизни страны. Чешская литература 1970–1980-х гг. развивается в трех направлениях: официальная литература, литература самиздата и литература изгнания. Процесс развития самой чешской литературы очень интенсивен: интерес чехов обращен к самиздатовской литературе, литературе писателей-эмигрантов,⁶⁷ а поэтическая ниша закрыта собственно чешской поэзией, где продолжают активно творить Я. Сайферт, О. Микулашек, Я. Скацел, Л. Кундера. Развитие чешского диссидентского движения конца 1970–1980-х гг., участниками которого были писатели В. Гавел, П. Когоут, З. Млинарж, Й. Гаек, Й. Динстбир, во многом

⁶⁵ В. Голан получил государственную премию, в 1964 г. была издана книга «Трусы» диссидента Й. Шкворецкого.

⁶⁶ Рихтерек О. К чешскому восприятию русской поэзии / глава в коллективной монографии // Dohnal J., Zelenka M. *Dialogy o slovanských literaturách. Tradice a perspektivy*. Brno, 2012. S. 171.

⁶⁷ С 1970 г. чешская эмигрантская литература приобрела большой масштаб: значительная часть выдающихся чешских авторов этого периода печатались за границей. К таким авторам принадлежали Я. Чеп, И. Блатный, М. Соучкова, Й. Шкворецкий, который вместе с женой З. Саливаровой руководил самым крупным зарубежным издательством чешской эмигрантской литературы «Sixty Eight Publishers» в Торонто. Подробнее об этом: *Lehár J., Stich A., Janáčková J., Holý J. Česká literatura od počátků k dnešku*. S. 864–884.

подготовившее события Бархатной революции 1989 г.,⁶⁸ казалось, должно было отвлечь внимание переводчиков и исследователей от творчества Фета, но именно в этот период рецепция Фета в Чехии наиболее интенсивна: выходит новый сборник переводов (1974 г.) и критические статьи о нем.⁶⁹

После Бархатной революции 1989 г. на чешский книжный рынок хлынули потоки ранее запрещенной чешской, западной немецкой литературы и литературы англоговорящих стран. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. отсутствие интереса к Фету объяснимо обилием ранее запрещенной чешской и западной литературы на чешском книжном рынке. В этом потоке из русских авторов интерес представляло лишь диссидентское направление русской литературы. В 1990-е гг. чешского читателя интересовали переводы Б. Пастернака, М. Булгакова, В. Шаламова, А. Солженицына, А. Платонова, И. Бунина, т. е. все внимание переводчиков было обращено на ранее запрещенную русскую литературу.⁷⁰ Очевидно, что в этот период переводы классической поэзии, как известно, требующие высшего мастерства, упорства, тщательности переводчика, не были актуальны. Кроме того, не будем забывать и о коммерческой составляющей переводной литературы: сферу интересов читателей в 1990-е гг. формируют уже издательства. Издание переводов Фета — лирика, классика русской литературы, очевидно, представляется коммерчески не выгодным проектом. Это касается не только имени Фета. Н. Волкова, ссылаясь на опрос, проведенный ею среди крупных чешских издательств, говорит о катастрофическом положении переводов из русской поэзии. В современной Чехии можно найти переводы из И. Бродского, В. Высоцкого, Б. Окуджавы, А. Галича, Е. Евтушенко, Б. Ахмадуллиной,

⁶⁸ 1 января 1977 г. группа чешских и словацких правозащитников опубликовала в Чехословакии манифест о правах человека «Хартия-77». Против участников «Хартии-77» сразу же начались политические репрессии. Одним из основателей общества был будущий президент Чехии, писатель В. Гавел. См. об этом: Ibid. S. 866–869; Калинина О. Уроки истории: «Хартия-77» и «Антихартия» // www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/uroki-istorii-xartiya-77-i-antixartiya (дата обращения: 14.07.2015).

⁶⁹ Подробнее об этом ниже (ч. 3 гл. 1).

⁷⁰ Подробнее об этом пишет О. Рихтерек в главе «К чешскому восприятию русской поэзии» в коллективной монографии: Dohnal J., Zelenka M. *Dialogy o slovanských literaturách*. S. 171–172.

А. Вознесенского, Е. Рейна — и ничего из классиков русской поэзии.⁷¹ На помощь приходит Интернет, который занял передовые позиции в области межкультурной коммуникации как свободный, независимый инструмент стирания межкультурных границ и сближения наций. Журналы, созданные во всемирной паутине в конце XX в., не нуждались в коммерческом одобрении издателей и до сих пор обладают наибольшей свободой при выборе переводческого материала. Создателями такого рода изданий, как правило, были и остаются молодые филологи, закончившие или заканчивающие чешские философские факультеты, испытывающие потребность писать, сравнивать, публиковаться. Так, в чешском журнале «Texty» (главный редактор — Р. Кочик) в 1996 г. были напечатаны переводы отдельных стихотворений Фета.⁷²

Отдельную роль в восприятии Фета в Чехии во второй половине XX в. должны были бы играть учебники и хрестоматии по русской литературе. Но за этот период мы обнаружили только два стихотворения Фета в переводе Я. Кабичека («Только в мире и есть...» (1883) и «Нет, не жди ты песни страстной...» (1858)) в «Хрестоматии по русской литературе» 1983 г.,⁷³ редакторами, которой были известные ученые-русисты М. Грала, М. Егличка и Я. Вавра.

В начале XXI в. учебники и хрестоматии издавались в Чехии весьма скромно и скудными тиражами, однако все же играли теперь уже ознакомительную роль. Сведения о Фете мы нашли в «Словаре русских, украинских и белорусских писателей», вышедшем в 2001 г. в Праге под редакцией И. Поспишила, где автор говорит о Фете как о «русском поэте, прозаике, публицисте и переводчике».⁷⁴

⁷¹ Подробный обзор того, что переводили, читали и что из русской литературы пользовалось читательским интересом в Чехии после 1989 г., дан в статье: Волкова Н. Заложница истории. Русская литература в Чехии // Знамя. 2009. № 12. С. 188–192.

⁷² Подробнее об этом в гл. 2 (§ 6 ч. 4).

⁷³ «Jen na tomto světě vrhá stíny...»; «Čekáš píseň? Vždyť jí není...» // Čítanka ruské literatury I. Stará a klasická literatura. Praha, 1983. S. 228–229.

⁷⁴ Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů. Praha, 2001. S. 214–215.

В 2009 г. в Чехии была издана «Хрестоматия русской литературы» С. Михловой,⁷⁵ которая заново знакомила современного чешского читателя с русской литературой. В хрестоматии даны краткие биографические сведения об авторах, фрагменты из произведений на чешском языке, а также ссылки на интернет-страницы, содержащие более подробные сведения о данном авторе, что представляется наиболее ценным в условиях современной коммуникации. Таким образом, именно подобные издания, привлекающие современного читателя, имеющего уже так называемое клиповое сознание, своей организацией и подачей материала, и играют ведущую роль в ознакомлении с русской литературой. Однако несмотря на то что автор-составитель издания С. Михлова — русская эмигрантка в Чехии, она не включила в свою книгу русского поэта-классика А. Фета.

Вместе с тем отметим интересный факт обращения к стихам Фета в современной Чехии. Мы обнаружили стихотворение Фета «Хандра» в переводе И. Славика в книге известного поэта-переводчика Л. Кундеры «Я пью чай»,⁷⁶ посвященной стихам о чайной церемонии. Упоминание русского классика в рамках книги такого формата представляется очень неожиданным и заслуживает внимания как еще одна возможность для чешского читателя познакомиться с творчеством Фета.⁷⁷

Можно говорить и о том, что новейшему восприятию русского поэта в современной Чехии вновь способствует немецкое посредничество. Теперь, как это и было до советского периода в истории Чехии, все новинки научной и литературной сферы чехи получают через немецкий язык и через переводы с него (конечно, помимо английского, который господствует во всем мире как основной язык общения). В 2009 г. вышла книга о А. А. Фете на немецком языке,⁷⁸ занявшая достойное место в каталоге Национальной библиотеки в Праге наряду с

⁷⁵ Michlová S. Čítanka ruské literatury. Praha, 2009.

⁷⁶ Kundera L. Piju čaj. Brno, 2003. S. 161.

⁷⁷ Книга вышла в 2003 г. в рамках проекта «Поддержка издания чешской и переводной литературы». В содержании мы найдем переводы с восточных языков, собственные стихи Л. Кундеры и антологию переводов стихотворений, не принадлежащих его перу, куда и помещен перевод И. Славика из сборника 1964 г.

⁷⁸ Schneider S. An den Grenzen der Sprache: eine Studie zur «Musikalität» am Beispiel der Liryk des russischen Dichters Afanasij Fet. Berlin, 2009.

новинками, изданными на русском языке в России в первое десятилетие XXI в. Также в 2009 г. в издательстве Славянского отдела Чешской академии наук совместно с немецким издательством в Дрездене вышла коллективная монография «Проблематика Восток-Запад в европейских культурах и литературах»,⁷⁹ где упоминание имени Фета как переводчика Гёте и как предшественника русских символистов звучит на немецком в статьях немецкого и венгерского ученых.⁸⁰ Важно, что эта монография — коллективный труд чешских и немецких ученых, изданный по итогам совместной конференции; в нее вошли статьи как на немецком, так и на чешском языке.

Таким образом, чешское восприятие Фета во второй половине XX — начале XXI в. прошло через сложные оценочно-интерпретационные этапы: если в послевоенные годы чехи обратились к русской культуре за созданием «золотого фонда» русской поэзии, но поздний романтик Фет не привлек их внимание, то в 1960-е и 1970-е гг. его поэзия нашла отклик у чешского читателя, так как соответствовала тенденциям развития собственно чешской поэзии: смягчался официальный гнет и получили возможность печататься чешские поэты, чье творчество было проникнуто настроениями интимной лирики (Сайферт, Голан, Микулаше и др.).

В конце XX — начале XXI в., когда распался Советский Союз и Чехословакия прекратила совместное существование, для чехов наступил период «замкнутости на себе». Отсюда и отсутствие взаимного интереса между чешской и русской литературой, и, как следствие, отсутствие новых переводов Фета или переизданий уже имеющихся. В Чехии начала XXI в. все, что было запрещено к публикации режимом в середине XX в., вызывало огромный интерес издателей и самих читателей, поэтому и поэзию Фета не переводили, — не издавали не только Фета, но и других русских поэтов-классиков, кроме Пушкина. Несмотря на отдельные биографические сведения о нем, известные чехам по «Словарю русских, украинских и белорусских писателей» 2001 г., книге М. Заградки

⁷⁹ Die Ost-West Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen: ausgewählte Aspekte kollektive Monographie. Slovanský ústav AVČR, 2009.

⁸⁰ Ibid. S. 372, 399.

«Русская литература XIX века в контексте европейских литератур» (2005 г.), Словарю русско-чешских литературных связей (2008 г.), а также по современным русско- и немецко-язычным публикациям, Фет в современном чешском восприятии выступает как поздний романтик, оказавший немалое влияние на русскую поэзию перелома столетий и поэзию XX в. Однако к переводу его стихотворений современные чешские переводчики и поэты пока не обращались, за исключением публикаций 1996 г. (переводы Р. Кочика двух стихотворений).

1.3. Критическое осмысление творчества А. А. Фета в Чехии

На фоне крупных фигур русской поэзии Фет в представлении чешской критики выглядел очень скромно. Безусловно, чехи знали о Фете еще при его жизни. Подтверждение этому — упоминание его имени А. Н. Пыпиным в «Письмах о русской литературе», напечатанных в пражском «Журнале Чешского королевского музея» в 1858–1859 гг. Оказавшись в Праге и соприкоснувшись с чехами, Пыпин сразу обнаружил, что их представления о русской литературе не только ограничены, но и искажены. Когда редактор чешского журнала обратился к Пыпину с просьбой написать статью о современной русской литературе, тот откликнулся на эту просьбу, выбрав для работы жанр писем, обращенных к В. Ганке, на тот момент библиотекарю Национального музея, с которым Пыпин проводил много рабочего времени и был дружен. Ганка сразу же перевел письма на чешский язык, и они были опубликованы в журнале. Имя Фета звучит в первом письме о русской литературе, датированном 3 декабря 1858 г. На фоне воспевания поэзии Некрасова как одного из самых оригинальных и энергичных выразителей дум современного поколения наряду с Майковым, Полонским, Тютчевым в письме упоминается и Фет в качестве «любезного имени для русского читателя». Стихотворения Фета, по словам Пыпина, отличаются чисто лирическим характером; личные впечатления, мечты, радости и печали поэта, описания природы — вот их существенное содержание. «Фет в особенности отличается легким, игривым характером воззрения и самой формы; стих его может дать

превосходные образцы мелодичности, мягкости и подвижности русской речи».⁸¹ Пыпин упоминает о Фете как о переводчике: «Он удачно переводит Гейне, оригинальность которого несколько сродни его таланту. Года два назад издал он весьма хороший перевод “Од” Горация».⁸² Предполагаем, что такое безразличное отношение к Фету могло сформироваться у Пыпина по двум причинам: из-за отношения современников к Фету и из-за довольно непростых на тот момент отношений Фета с Некрасовым.

В 1895 г. в томе «Научной энциклопедии Отто» появляется статья, посвященная Фету, где дается краткая биографическая справка о поэте и его стихотворных сборниках 1839 г., его переводах с немецкого Гете, Шиллера, Гейне, Шопенгауэра, о вышедших в 1890 г. в Москве «Воспоминаниях»; лучшим его сборником называются «Лирические стихотворения» (1894 г.), изданные в Петербурге совсем недавно, за год до выхода энциклопедии. Интересно, что в статье Фет представлен как непревзойденный лирик, «несмотря на то что он не является поэтом первого ряда», поэт «чистого искусства», певец любви и красоты природы. «Его поэзия, уходящая куда-то за пределы мира к источнику небытия, вечной красоты, отмечена чисто русским пессимизмом с мистическим оттенком... Это относит его к кругу писателей 40-х гг. ...его стих особенно музыкален... нежные мелодии его обрели незаурядную популярность, однако критика зачастую умышленно их игнорировала, и Фет в период борьбы разных литературных направлений становился часто предметом пародий. Будучи человеком незаурядного образования, Фет обогатил русскую литературу своими ценными переводами».⁸³

Наличие отдельных переводов стихотворений Фета в чешских журналах в 1880-е гг. и энциклопедическая статья о нем также говорят о том, что его имя было знакомо чешскому читателю XIX в.

⁸¹ *Письма* А. Н. Пыпина о русской литературе в чешском журнале (публикация К. И. Ровды) // Литературные связи славянских народов. Исследования. Публикации. Биография / отв. ред. В. Н. Баскаков; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л., 1988. С. 250.

⁸² *Письма* А. Н. Пыпина о русской литературе в чешском журнале / публикация К. И. Ровды // Литературные связи славянских народов / отв. ред. В. Н. Баскаков. Л.: Наука, 1988. С. 250.

⁸³ *Fet* // *Ottův slovník naučný*. IX díl. Praha: Vydavatel a nakladatel J. Otto v Praze, 1895. S. 145–146.

Литературоведческие труды, посвященные творчеству Фета, появляются в Чехии только в 1960–1970-е гг. (несмотря на то что в Советском Союзе предшествующее десятилетие дало новый толчок для исследователей: появилась работа Б. Я. Бухштаба, который заговорил о Фете как о лирике природы и творце прекрасного).⁸⁴ О Фете писали известные чешские ученые Э. Германова, Д. Жвачек, Р. Паролек, И. Гонзик.⁸⁵

В 1960–1970-е гг. в Советском Союзе полемика о традиции и новаторстве в поэзии имеет большой резонанс. В связи с этим обращение к «тихой» поэзии Фета, с одной стороны, и критика его традиции — с другой, отражаются и в литературоведческих кругах, и в самой русской поэзии этого периода. По мнению О. Рихтерека, то, что книги Фета были введены в чешскую переводную литературу лишь в более свободной атмосфере 1960-х гг., связано с соответствующим общественно-политическим контекстом не только в принимающей чешской культуре, но и — в особенности после 1948 г. — в исходной русской культуре.⁸⁶ Именно в этот период в Чехии появляются литературоведческие труды, посвященные творчеству Фета. В статье Э. Германовой «Поэзия А. Фета и художественное направление 40–50 годов» (1964 г.)⁸⁷ говорится о Фете как о поэте, способном перенести читателя в определенную эмоциональную атмосферу, для которого поэтическая мысль должна говорить не о влиянии одного предмета на другой, а о самих предметах, оставляя право за читателем домысливать и прочувствовать их взаимоотношения. Э. Германова указывает на то, что поэзия Фета была удалена от актуальных жизненных проблем, появившихся в переломный момент русской истории, его поэтический мир был недостижим для реальной проблематики той исторической

⁸⁴ Б. Я. Бухштаб подготовил научные издания стихов Фета, где за главный принцип исследования впервые был принят жизненный принцип самого поэта. Ученый исследовал жизненный путь поэта, своеобразие его личности, сочетающей в себе практичность и лиричность, характер философских влияний, поэтических склонностей и интересов (*Бухштаб Б. Я.* Фет. // История русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 8. Литература шестидесятых годов. Ч. 2).

⁸⁵ *Hermanová E.* Poezie A. Feta a umělecké směřování 40–50 let // Československá rusistika. 1964. N 3. S. 145–153; *Žváček D.* // Ostravský Večerník. 1974 (приводится по: *Zahrádka M. a kol.* Slovník rusko-českých literárních vztahů. Ořtís, 2008. S. 77–78); *Parolek R., Honzík J.* Ruská klasická literatura. S. 246–255.

⁸⁶ *Рихтерека О.* Русская поэзия как феномен чешского перевода // Новая русистика. 2009. № 1. С. 7.

⁸⁷ *Hermanová E.* Poezie A. Feta a umělecké směřování 40–50 let. S. 151.

эпохи, в которой он жил. Его лирика, лишенная определенной темы и философской идеи, в отличие от поэзии его антипода Некрасова отрицала наличие какой-либо идеи, кроме самого лирического сюжета.⁸⁸ В 1972 г. Э. Германова включает имя Фета в состав своего «Словаря русских писателей: от начала русской литературы до 1917 года».⁸⁹ Помимо биографической справки о Фете там сказано: «Творчество Фета заняло в литературе своего периода совершенно особое место. За исключением стихотворений, написанных в духе античности, его природная и интимная лирика абсолютизировала чувственное восприятие реальности и уводила от повседневности».⁹⁰

В книге «Русская классическая литература» (авторы Р. Паролек и И. Гонзик позиционировали это издание как энциклопедию классической русской литературы и ее современного изучения) Фет показан как поэт, который, «подобно Ф. Тютчеву и А. Толстому, мог бы сыграть знаменательную роль в русской поэзии в качестве поэта, до определенной меры компенсировавшего, пусть в наиболее хрупких сферах человеческого бытия, ослабление великолепной всесторонности в литературных направлениях, каковой была, собственно, лирика 1820–1830-х гг., если бы ведущим направлением в литературе не стала литература эпическая и общественно-политическая».⁹¹ 1970–1980-е гг. характеризуются повышенным вниманием советских исследователей к творчеству Фета,⁹² что не

⁸⁸ Ibid. S. 152.

⁸⁹ Hermanová E. Slovník ruských spisovatelů: od počátku ruské literatury do roku 1917. Brno, 1972. S. 26, 38, 71–72, 91.

⁹⁰ Ibid. S. 71–72.

⁹¹ Parolek R., Honzík. J. Ruská klasická literatura. S. 255.

⁹² В 1970-е гг. Д. Д. Благой называет доминантой поэзии Фета идею и чувство красоты, что убедительно разворачивает в качестве главной темы своего исследования (*Благой Д. Д. Мир как красота. М., 1975*). На новый уровень осмысления творческого наследия поэта выходит в этот период работа Н. Скатова об отношениях и противопоставлении поэзии Фета и Некрасова (*Скатов Н. Лирика Афанасия Фета (истоки, метод, эволюция) // Скатов Н. Далекое и близкое: литературно-критические очерки. М., 1981. С. 119–150*). Кроме того вступительные статьи и комментарии к изданиям Фета пишут В. В. Кожинов, В. И. Коровин, Л. А. Озеров, А. Е. Тархов, что способствовало нарастанию читательского интереса к поэту. В 1980-е гг. о Фете пишет Л. М. Лотман (*Лотман Л. М. А. А. Фет // История русской литературы: в 4 т. Т. 3. Л., 1982. С. 427–445*). В эти же годы к массовому читателю выводит поэзию Фета Н. Сухова; исследуя творчество поэта, она пишет книгу «Дары жизни», где заново знакомит читателя с его биографией, творчеством и стихами. В последующие годы, вплоть до начала XXI в., Н. Сухова остается одной из немногих исследователей, которые нацелены именно на массового читателя. Из-под ее пера выходят статьи и книги о Фете в серии «Перечитывая классику», «В помощь абитуриенту» или же просто для школьников (*Сухова Н. П. 1) Фет как наследник антологической традиции // Вопросы литературы. 1981. № 3. С. 164–179; 2) Дары жизни. М., 1987; 3) Чувство природы у А. Н. Майкова, А. К. Толстого и А. А. Фета // Литература в школе. 1996. № 3. С. 93–100; 4) Лирика Афанасия Фета. М., 2000; Фет А. А. Соловьиное эхо: повесть*

могло не сказаться на формировании исследовательского интереса чешских ученых. В предисловиях к изданиям переводов стихов Фета о нем писали И. Гонзик (в 1964 г.)⁹³ и Я. Кабичек (в 1974 г.).⁹⁴ Предисловия имели ознакомительный характер и заново представляли поэта чешскому читателю, несмотря на временной разрыв в десять лет. В обоих случаях Фет представал перед читателем как русский лирик, «Шопен русской поэзии». В 1980-е гг., несмотря на то что не выходят новые переводы стихов и не переиздаются уже известные, имя Фета все же присутствует в чешском восприятии русской литературы: в книге о русских символистах «Золото в лазури» в качестве эпиграфа к книге взяты строчки фетовского стихотворения.⁹⁵ В этой же книге дата смерти Фета включена в обзор дат в истории русского символизма.⁹⁶ Два стихотворения в переводе Я. Кабичека включены в двухтомную «Хрестоматию по русской литературе» (1983 г.).⁹⁷ Особую роль в восприятии поэзии Фета в 1970–1980-е гг. в Чехии сыграло радио. Автором передач о Фете стал тот же Иван Славик — выдающийся чешский переводчик Фета.⁹⁸

В середине 1990-х гг. в России выходят работы М. Л. Гаспарова, направленные на более глубокое исследование лирики русского классика. Он пишет о безглагольных стихах Фета, говорит о композиции пространства, чувства и слова в его поэзии.⁹⁹

В 1996 г. в чешском журнале «Тексты» молодой переводчик Рене Кочик опубликовал два перевода стихотворений Фета: «Чудная картина» (1842 г.) и «В

Н. П. Суховой о жизни и творчестве А. А. Фета и избранные стихотворения поэта. Сер. «Школьная библиотека». М., 2005).

⁹³ *Honzík J.* Lyrický odkaz A. A. Feta // *Fet A. A. Večery a noci*. Praha, 1964. S. 7–22.

⁹⁴ *Kabiček J.* Poznámka překladatele // *Fet A. Roční doby života*. Praha, 1974. S. 105–107.

⁹⁵ Proč, jako z nedostatku vzduchu, chce se mi vzdychnout z hluboka? A. Fet, 1891 (Zláto v azuru. Praha, 1980. S. 19).

⁹⁶ *Ibid.* S. 374.

⁹⁷ *Čítanka ruské literatury I*. Praha, 1983. S. 228–229.

⁹⁸ Rozhlas: Pásmo jeho veršů. St. Ostrava, 1974. Zasněženo, verše. 1988, I. Slavík (приводится по: *Zahrádka M. a kol.* Slovník rusko-českých literárních vztahů. S. 78).

⁹⁹ *Гаспаров М. Л.* 1) Фет безглагольный (композиция пространства, чувства и слова) // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 2. М., 1995. С. 170–177; 2) «Уснуло озеро» Фета и палиндром Минаева (поэтика пародии) // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 2. О стихах. М., 1997. С. 39–47.

лунном сиянии» (1885 г.).¹⁰⁰ В предисловии переводчик говорит о поэзии Фета как о мелодичной, напевной поэзии, «завуалированной типичной русской ностальгией» с любовными и природными зарисовками, восходящей к «чистому искусству».¹⁰¹

В исследовательской литературе 1990-х гг. имя Фета по-прежнему звучит: М. Задражилова в книге «Русская литература на переломе XIX и XX столетий» говорит о нем как о «чистом лирике», принадлежавшем к плеяде лириков интимной, философской, космической направленности, которая представлена именами Тютчева, Полонского и Фета.¹⁰² В России новое направление в изучении поэзии Фета наметилось в конце века. Знаковым стало 175-летие со дня рождения поэта — в России широко отметили эту дату, проводя выставки и конференции. В 1999 г. к юбилею поэта вышла книга,¹⁰³ которая стала отправной точкой на новом витке исследования его творчества и вошла в каталог Национальной Пражской библиотеки.

В начале XXI в. отечественные литературоведы работают не менее активно.¹⁰⁴ В Чешской Республике работу по изучению чешско-русских взаимосвязей осуществляют несколько центров: Карлов университет в Праге, кафедра русистики (Институт славистики) на филологическом факультете в

¹⁰⁰ A. Fet. Jsi krajina překrásná. A. Fet. V měsíční září // Texty. 1996. Č. 2. S. 5 ([Электронный ресурс]. URL: www.casopis-texty.cz (дата обращения: 03.09.2012)).

¹⁰¹ Ibid. S. 4.

¹⁰² Zadražilová M. Ruská literatura přelomu 19. a 20. století. Praha, 1995. S. 51.

¹⁰³ А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. научных трудов. М., 1999. — Это издание подготовили такие крупные ученые, как Е. Н. Лебедев и В. В. Кожин, опубликовавшие в качестве предисловий свои работы о Фете («Фет и наше время», «Место Фета в отечественной культуре»). Данный сборник открыл новые темы в изучении наследия Фета: лирика сновидений, Фет как метафизический поэт, его влияние на зарубежную литературу.

¹⁰⁴ Заново открывает творчество поэта с метафизической стороны Т. А. Кошемчук (*Кошемчук Т. А. Религиозно-философские мотивы в поэзии А. А. Фета // Кошемчук Т. А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб., 2006. С. 412–544*). Огромную работу проводят специалисты из Курского университета, собирающие Фетовские чтения, по итогам которых выходят сборники научных трудов. Важным представляется выход в период с 2008 по 2011 г. в серии «Литературное наследие» двухтомника «А. А. Фет и его литературное окружение» (М.: ИМЛИ РАН, 2008–2011). Статьи и предисловия в нем принадлежат перу таких видных ученых, как Ю. П. Благоволина и Л. М. Розенблюм. Особо отметим статью Л. М. Розенблюм «Фет и эстетика чистого искусства», поскольку ранее Фет как поэт чистого искусства не изучался по идеологическим соображениям. Кроме того, это издание, сразу включенное в каталог Пражской национальной библиотеки, сегодня представляет собой самый полный сборник переписки Фета и его окружения, что призвано раскрыть личность поэта и по-новому взглянуть на его поэзию. Так, здесь можно ознакомиться с перепиской Фета с Великим князем Константином Романовым (поэтом К. Р), ранее по понятным причинам эти тексты были недоступны. Прежде не издававшиеся письма Фета к Л. Н. Толстому составляют часть второго тома издания. Также стоит назвать еще одну книгу, выпущенную Пушкинским Домом: Фет А. А. Материалы и исследования. Пушкинский Дом (ИРЛИ РАН). Вып. 1. СПб., 2010.

университете им. Т. Г. Масарика в г. Брно,¹⁰⁵ кафедра славистики (секция русистики) в университете им. Палацкого в г. Оломоуц, кафедра русистики на педагогическом факультете университета г. Градец Кралове; вместе с тем работ, посвященных Фету, нет. Очень активно чешско-русскими связями в области литературы и изобразительного искусства, а также русской литературой в европейском контексте занимается профессор Д. Кшицова; в области теории и истории русской литературы работает доцент Й. Догнал.¹⁰⁶ Кафедры русистики университетов г. Оломоуц и г. Градец Кралове отдают предпочтение лингвистике, однако отдельные слависты, такие как О. Рихтерек, активно занимаются чешско-русскими литературными связями.¹⁰⁷ О. Рихтерек издал несколько работ, посвященных восприятию русской поэзии в Чехии, где в рамках разговора о русской поэзии XIX в. и о восприятии русской поэзии Серебряного века упоминает в сносках имя Фета.¹⁰⁸

На кафедре русистики философского факультета г. Оломоуца под руководством профессора М. Заградки вели работу такие ученые, как В. Костршица, Д. Жвачек, К. Лепилова, З. Выходилова и др. Совместными трудами этого коллектива в 2008 г. была выпущена знаковая книга для исследователей русско-чешских и чешско-русских литературных взаимосвязей — «Словарь русско-чешских литературных отношений» (*Slovník rusko-českých literárních vztahů*), в котором есть статья, посвященная Фету. Пражский университет сейчас не разрабатывает тематику чешско-русских литературных

¹⁰⁵ Институт славистики на филологическом факультете в университете им. Т. Г. Масарика в г. Брно — самый крупный центр, возглавляемый профессором Иво Поспишилом. И. Поспишил является также председателем Чешской Ассоциации славистов и славистического общества Франка Вольмана. Область его научных интересов составляют теория и история чешско-русских взаимосвязей, теория и история русской литературы, теория и история славянских литератур, русский роман и др. Институт славистики под его руководством выпускает рецензированный научный журнал «*Slavica Litteraria*», который публикует литературоведческие статьи в области славистики (с 2004 по 2007 г. журнал выходил один раз в год, а с 2007 г. — два раза в год).

¹⁰⁶ Под редакцией Й. Догнала, Д. Кшицовой и И. Поспишила в институте выходит сборник «*Litteraria Humanitas*», большое место в котором отдано публикациям исследований в области русской литературы.

¹⁰⁷ Он выпускал сборники трудов по материалам Международных конференций «*Dialog kultur*», содержащие солидные научные статьи по чешско-русским взаимосвязям. Он же является членом редакционного совета журнала «*Slavica Litteraria*» в Институте славистики (г. Брно).

¹⁰⁸ Рихтерек О. 1) Русская поэзия как феномен чешского перевода // Новая русистика. 2009. № 1. С. 7; 2) К чешскому восприятию русской поэзии / глава в коллективной монографии // *Dohnal J., Zelenka M. Dialogy o slovanských literaturách. Tradice a perspektivy*. Brno, 2012. S. 170, 171.

взаимосвязей, и работ о Фете, написанных на базе университета, нами обнаружено не было.

Очень активную работу ведет в Праге Славянская библиотека (в составе Национальной библиотеки Чешской Республики). Так, в 2003 г. Славянская библиотека и клуб русистов Общества переводчиков провели совместный colloquium, посвященный юбилейной дате выдающегося чешского ученого И. Гонзика. Основной темой colloquium была русская литература Серебряного века, поскольку она составляла главный научно-исследовательский интерес ученого. К 80-летнему юбилею И. Гонзика Славянская библиотека опубликовала сборник «Серебряный век русской литературы».¹⁰⁹ Никаких сведений о Фете в издании также нет, несмотря на то что И. Гонзик являлся автором предисловия к переводам Фета 1964 г.

Пропагандой русской культуры в целом занимается Клуб русских эмигрантов в Моравии, который организовывался как сообщество тех, кто уехал из России, но продолжает отождествлять себя с русской культурой. Их работа до некоторой степени аналогична деятельности Общества братьев Чапеков¹¹⁰ в Санкт-Петербурге, так как она давно перешла за рамки сообщества и является научной, популяризаторской и просветительской на уровне культурных, литературных чешско-русских взаимосвязей. Клубу оказывает поддержку профессор И. Поспишил. Творчество Фета члены чешского Клуба не затрагивают.

В 2005 г. М. Заградка пишет о Фете в книге «Русская литература XIX века в контексте европейских литератур», представляя его прежде всего как переводчика, а затем уже как талантливейшего лирика «чистого искусства».¹¹¹ Заградка говорит о том, что в лирике Фета 1840–1850-х гг. отразилось его психическое раздвоение, связанное с его расставанием с Марией Лазич (когда стала очевидной невозможность их союза) и Фет поставил себе цель разбогатеть

¹⁰⁹ Stříbrný věk ruské literatury: sborník k 80. narozeninám Jiřího Honzika / sestavila M. Hrabáková. Praha, 2004.

¹¹⁰ Общество братьев Чапеков в Москве и в Санкт-Петербурге образовано в 1995 г. Оно занимается изучением и популяризацией гуманистического творческого наследия братьев Йозефа и Карела Чапеков, а также чешской культуры в целом. С 1997 г. Общество выпускает Ежегодник Общества братьев Чапеков, где публикуются обзоры культурных и литературных взаимосвязей России и Чехии.

¹¹¹ Zahrádka M. Ruská literatura XIX. století v kontextu evropských literatur (osobnosti a dialog literatur). Olomouc, 2005. S. 90–91.

посредством выгодной женитьбы, стать таким путем независимым и полностью посвятить себя искусству. В его лирике появляются нотки прагматизма. Эта решимость Фета уходит вместе с гибелью М. Лазич, и в его поэзии появляется цикл трагических стихотворений. Поэзия Фета этого периода, по мнению М. Заградки, очень близка к поэзии Тютчева. Общественностью фетовские начинания в поэзии были восприняты как проявление социального эгоизма.¹¹² Его романтическая поэтика формируется в 1850-х гг. и проявляется в натурфилософских стихотворениях, отражающих единение человека с природой. А в 1870-е гг. любовь для Фета, по мнению М. Заградки, становится трагическим конфликтом между божественным и земным — не случайно именно в эти годы Фет сближается с Л. Н. Толстым и подпадает под его влияние. В книге М. Заградки Фету посвящена одна страница, но он успевает познакомить чешского читателя с русским поэтом достаточно подробно, касаясь не биографических фактов, а становления его творчества. Впоследствии краткую справку о Фете с отсылками на известные издания переводов его стихов и посвященных ему научных работ М. Заградка включит в состав «Словаря русско-чешских литературных взаимосвязей».¹¹³

Таким образом, имя Фета освещалось чешской критикой очень скромно при его жизни: сведения носили в конце XIX в. лишь ознакомительный характер, в XX в. пик критического внимания к Фету пришелся на 1960–1970-е гг., когда крупные чешские литературоведы посвящают ему отдельные работы; затем наступает период забвения, который длится до сегодняшнего дня, так как отдельных современных работ на чешском языке, посвященных Фету, не обнаружено. Современные чешские исследователи лишь ссылаются на имя Фета, говоря в целом о русской поэзии, или переносят упоминания о русском классике в сноски. Единичные ссылки на имя Фета были обнаружены в статьях О. Рихтерека, а также в публикации лекций по компаративистике И. Поспишила, где имя Фета как новоромантика упоминается наряду с другими русскими писателями и

¹¹² Ibid. S. 90.

¹¹³ *Zahrádka M. a kol. Slovník rusko-českých literárních vztahů*. Oftis, 2008.

поэтами в рамках разговора о билитературности и полилитературности.¹¹⁴ О новейшем восприятии А. Фета в чешской среде свидетельствует наличие информации о нем на тематических интернет-порталах.¹¹⁵ Однако и в этих сведениях отражается «классическое» восприятие творчества А. Фета как лирика, предшественника символистов; нет отсылки к космизму и метафизике его творчества, о чем сейчас много говорится в российских литературоведческих исследованиях. Наличие русских книг, изданных в 2000-е гг., а также современных немецких работ о Фете¹¹⁶ в каталоге Национальной библиотеки в Праге говорит о том, что и для чешских исследователей эта научная ниша потенциально интересна, однако внимания к данной тематике пока еще недостаточно.

¹¹⁴ Pospíšil I. Biliterárnost, poliliterárnost a větší srovnávací literární celky // [Электронный ресурс]. URL: http://nechodimnaprednasky.sk/stiahnut/prednasku/1420/427008/trnava_zaklady_theorie_literatury_texty.doc (дата обращения: 12.02.2011).

¹¹⁵ См., напр.: Knížek F. Ing. // [Электронный ресурс]. URL: www.fknizek.nazory.cz/kalendar/vyroci46.htm (дата обращения: 08.04.2010).

¹¹⁶ Schneider S. An den Grenzen der Sprache: eine Studie zur «Musikalität» am Beispiel der Liryk des russischen Dichters Afanasij Fet. Berlin, 2009. — В этом же году в издательстве Славянского отдела Чешской академии наук совместно с немецким издательством в Дрездене вышла коллективная монография «Проблематика Восток-Запад в европейских культурах и литературах», где имя Фета как переводчика Гете и как предшественника русских символистов упоминается на немецком языке в статьях венгерского и немецкого ученых Mária Gyöngyösi и Peter Drews (Die Ost-West Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen: ausgewählte Aspekte kollektive Monographie, Slovanský ústav AVČR, 2009. S. 393, 399; 524–526).

Глава 2. Проблема восприятия поэзии А. А. Фета в Чехии в свете теории рецепции поэтического произведения в иноязычной среде.

2.1. Проблема перевода поэзии с близкородственных языков

В рамках данной работы следует обратить внимание на проблематику перевода поэзии с близкородственных языков. Исследователи и теоретики перевода в один голос говорят о том, что перевод — это искусство, а искусством поэтического перевода владеет далеко не каждый (пусть даже талантливый) переводчик прозаических произведений. А. В. Федоров раскрывает понятие «полноценного» перевода, указывая, что он означает исчерпывающую точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему.¹¹⁷ К. И. Чуковский, говоря о переводе поэзии, призывал передавать не только внешние формальные качества, но и внутреннее обаяние подлинника. Вслед за М. Л. Лозинским он говорит о великой роли звукописи и интонации стиха, которая позволяет поэту сказать больше, чем слова, и призывает переводчиков не пренебрегать ею. Особое внимание, по мнению Чуковского, следует уделять синтаксису переводимого стихотворения.¹¹⁸ Книга Чуковского пронизана цитатами из Фета, а его переводы Шекспира приведены автором в качестве примера.¹¹⁹ В. В. Набоков в лекциях по русской литературе, прочитанных им в 1940–1950-е гг. в Корнелльском университете, особое внимание обращает на искусство перевода, посвящая этой теме отдельную лекцию.¹²⁰ Он ставит вопрос о том, какими качествами должен обладать переводчик, чтобы воссоздать идеальный текст шедевра иностранной литературы. Во-первых, он должен быть столь же талантлив, что и выбранный им автор. Во-вторых, переводчик должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование,

¹¹⁷ Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 1953. С. 114.

¹¹⁸ Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1968. С. 90, 178–179, 191.

¹¹⁹ Там же. С. 86–89, 117, 179.

¹²⁰ Набоков В. Искусство перевода // Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб., 2010. С. 439.

исторические аллюзии. Самым важным качеством переводчика В. В. Набоков считает способность к мимикрии, т. е. переводчик должен действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизводя манеру речи и поведения автора, его нравы и мышление с максимальным правдоподобием. По его мнению, при переводе поэзии ни знание, ни усердие не заменят воображения и стиля. Если за перевод берется подлинный поэт, отдыхающий между сочинением собственных стихов, то, не зная, как правило, языка подлинника, он опирается на подстрочник. И здесь происходит катастрофа, так как чем больше поэтический дар самого переводчика, тем сильнее «рябь его красноречия замутняет гениальный подлинник», и, таким образом, «вместо того чтобы облечься в одежды автора, он наряжает его в собственные одежды». Данный пример В. В. Набокова, скорее, следует соотносить с положением в области западных поэтических переводов в 1940–1950-е гг., когда читались эти лекции.

Выдающийся российский переводчик и литературовед Н. М. Любимов (1912–1992) в своей работе, посвященной теории и практике перевода «Перевод — искусство»,¹²¹ раскрывает читателям секреты мастерства и дает практические советы начинающим переводчикам. Для перевода с иностранного языка мало знать, хотя бы и отлично, этот язык — надо еще уметь проникать в живое, разнообразное значение каждого слова, и раз перевод — искусство, ничего общего не имеющее с буквалистическим ремеслом, значит, переводчик должен быть наделен писательским даром.¹²² Кроме того, переводчик должен уберечься от словесной безответственности, от синтаксической рыхлости. Если оригинальный писатель отвечает только за себя, то переводчик отвечает перед читателем за переводимого автора: он может приблизить иноязычного автора к читателю, может сдружить их, но может и развести их в разные стороны.¹²³ Перед переводчиком литературных памятников возникает проблема словесных примет времени, которой часто пренебрегают, смещая временные планы. Н. М. Любимов говорит о том, что стоит уделять внимание и синтаксису как одному из

¹²¹ Любимов Н. Перевод — искусство // Любимов Н. Книга о переводе. М., 2012. С. 9–167.

¹²² Там же. С. 12.

¹²³ Там же. С. 70.

важнейших средств художественной выразительности, так как у больших художников «холостого хода» не бывает. Долгота периодов — не причуда и не каприз писателя; прием этот нужен поэту или прозаику для того, чтобы читатель сразу охватил взглядом рисуемую им картину, что способствует цельности читательского впечатления. Задача переводчика — не фотографировать иноязычный синтаксис, а воссоздать своеобразие синтаксиса данного автора. Особо Н. М. Любимов выделяет проблему звуковой и ритмической передачи при переводе поэзии. Звуки помогают создать впечатление, «довыразить», выполнить живописные задачи, они аккомпанируют мысли, чувству, настроению. В лучших произведениях словесного искусства, по мнению Н. М. Любимова, инструментовка — средство, а не самоцель, но, лишая себя поддержки звука, поэты и переводчики выпускают из рук меткое оружие. Пренебрегать звуками при переводе поэзии — значит обкрадывать себя самого. Идеалом же для переводчика, по словам Н. М. Любимова, может быть только слияние с автором.

Весьма современная и интересная точка зрения на проблему поэтического перевода принадлежит Г. М. Кружкову — одному из крупнейших переводчиков англоязычной поэзии на русский язык в конце XX в. Он работал с произведениями широкого круга авторов — от шекспировских времен до классиков середины XX в. В книге, посвященной поэтическому переводу,¹²⁴ Г. М. Кружков говорит о поэзии как о контакте двух вселенных, как о переводе из одной системы в другую. Таким образом, абсолютно неискаженной переводом поэзии не существует в природе, поскольку любой читатель неизбежно переводит стихотворение на свой язык. Под *метафизикой* перевода Г. М. Кружков понимает тайное родство душ и взаимопонимание поэтов. Он считает, что стихотворение, подобно растению, дает семена, падающие в души читателя (в потенциале — переводчика). Общение с душой переводимого поэта — не мистика, не шарлатанство, а производственная необходимость, ибо переводчик — это душеприказчик автора, исполнитель его воли. Он переводит, мысленно советуясь

¹²⁴ Кружков Г. Луна и дискобол. О поэзии и поэтическом переводе. М., 2012.

со своим далеким «работодателем», согласуя с ним каждое свое большое и маленькое решение.

Особую нишу занимает проблема поэтического перевода с близкородственных языков. Эту проблему теории перевода в разное время поднимали ученые-филологи М. Ф. Рыльский,¹²⁵ З. М. Холонина,¹²⁶ В. П. Рагойша.¹²⁷

При переводе с близкородственных языков следует учитывать те факторы, которые создают дополнительные возможности за счет близости языков. Близкое родство языков способствует более полному сохранению в переводе особенностей языка оригинала, т. е. плана выражения, а тем самым и более полной передаче плана содержания.¹²⁸

Так, при переводе с одного славянского языка на другой переводчика подстерегают множество опасностей и трудностей: род существительных, межъязыковые омонимы (таким термином М. Ф. Рыльский называет слова, которые одинаково или очень схоже звучат в двух или нескольких языках, но имеют разное, иногда даже противоположное значение).¹²⁹ Кроме того, М. Ф. Рыльский указывает на то, что переводчик часто стоит перед опасностью или подчинить родной язык иноязычной стихии, или, наоборот, нарядить язык перевода в специфически национальные одежды.¹³⁰ При поэтическом переводе с одного славянского языка на другой легче добиться соблюдения того же количества строк, что и в оригинале, хотя иногда приходится жертвовать отдельными чертами оригинала. Существуют некоторые специфические проблемы перевода с близкородственных языков.¹³¹

¹²⁵ Рыльский М. Ф. Художественный перевод с одного славянского языка на другой // Исследования по славянскому литературоведению и стилистике / главн. ред. В. В. Виноградов. М., 1960. С. 46–74.

¹²⁶ Холонина З. М. К проблеме перевода поэтических произведений на близкородственные языки (словотворческая фантазия Ю. Тувима «Зелень» и ее русский перевод Л. Мартынова) // Славянская филология: сб. статей. Вып. 8. М., 1973. С. 178–199.

¹²⁷ Рагойша В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков. Минск, 1980.

¹²⁸ Холонина З. М. К проблеме перевода поэтических произведений на близкородственные языки... С. 179.

¹²⁹ Рыльский М. Ф. Художественный перевод с одного славянского языка на другой. С. 50.

¹³⁰ Там же. С. 51.

¹³¹ Рагойша В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков. С. 66, 71–72.

— иноязычное заимствование — употребление в переводе слов и выражений в их оригинальном звучании и написании с опорой на знание языка, с которого делается перевод, т. е. на читательский билингвизм, а также на довольно распространенную практику употребления в поэзии славянских народов слов и оборотов с соседних языков; имеется в виду, что читатель хорошо знает смысл близкородственных слов и оборотов либо легко может понять их из контекста; например, И. Славик при переводе стихотворения Фета «Был чудный майский день в Москве...» использует слова *chor* (совр. чеш. *sbor*) и *mohyla* (совр. чеш. *hrob*);

— лексический перенос;

— межъязыковая омонимия (наиболее актуальная при работе над переводом с чешского).

Проблема перевода и собственно поэтического перевода не нова и для чешских теоретиков. Подробный разбор чешских теорий перевода приведен в работе А. Федорова и О. Трофимкиной.¹³² Однако в рамках нашей работы мы подробнее остановимся на проблемах поэтического перевода, выделяемых чешскими учеными. Наиболее значимой в этой области представляется книга И. Левого «Искусство перевода».¹³³ И. Левый писал свою работу, ориентируясь на чешского читателя, и большинство выводов и положений основывал на анализе чешской переводческой практики или практики перевода чешской литературы на другие языки. Вся книга базируется на неотъемлемой связи переводимой литературы с чешским литературным процессом. В теоретическом плане И. Левый исследует перевод прежде всего как творческое восприятие и воспроизведение подлинника и прослеживает процесс перевода по этапам: от постижения оригинала через его трактовку для себя к перевыражению его на родном языке. Это соотносит автора и с русскими теоретиками К. И. Чуковским, А. В. Федоровым и др. В данной части главы мы будем отталкиваться от практической части работы И. Левого, т. е. от анализа чешских переводов

¹³² Федоров А., Трофимкина О. Чешские теории перевода // *Мастерство перевода*. 1962: сб. статей. Вып. 2 / редкол.: Г. Р. Гагечиладзе, Н. В. Капиева, И. А. Кашкин и др. М., 1963. С. 435–446.

¹³³ Левый И. *Искусство перевода*. М., 1974.

стихотворений Фета, и опираться на те высказывания ученого, которые более всего касаются проблем перевода и передачи русского стиха на чешском языке.

Говоря о проблематике перевода поэзии, И. Левый отмечает, что она сужается чаще всего до вопроса о том, каковы отечественные эквиваленты иноземных форм ритма или рифмы. Однако различия между стихом и прозой гораздо глубже. Они касаются всей художественной структуры произведения. В стихе конструктивная единица — это частный мотив, выраженный образом. Ослабление синтаксических связей в стихе вытекает уже из того, что связи внутри предложения здесь не единственный членящий фактор. Синтаксическое течение прерывается границами стиха, и, наоборот, отдельные его части, синтаксически едва связанные между собой, спаяны рифмовкой и другими формами параллелизма. Все это, по мнению И. Левого, способствует усилению самостоятельной роли меньших чем в прозе отрывков и ослаблению функциональных связей внутри предложения. Таким образом, при переводе — не токоривборм, ни прже всо р раничб прэ дь, —

следует учитывать нетождественность в различных литературах тем и жанров, традиционно осуществляемых в стихах. И. Левый отмечает, что специфической и по большей части неизбежной чертой рифмы в переводной поэзии является ее относительно менее тесная связь с идейной композицией стихотворения. Редчайший случай, чтобы в языке перевода нашлись два созвучных слова, отвечающие по значению рифмующейся паре в подлиннике. Обычно такая ситуация складывается при переводе с близкого языка. В нашем случае ситуация именно такова. Если же положение обратное, то переводчик может использовать слова-подпорки, определенный процент которых содержится в каждом более или менее длинном стихотворном переводе. У одаренного переводчика их меньше, и они ближе по смыслу к подлиннику. Важным представляется мнение И. Левого о том, что точность перевода рифмованных стихов, как правило, падает к концу стиха. Вот почему именно в последних словах стиха наиболее отчетливо

проступают концепция переводчика и его собственный стиль. Это мы попытаемся проследить при сопоставлении стихов Фета и их переводов ниже, в практической части работы.

Соприкасаясь с передачей смысловой насыщенности оригинала, поэт-переводчик часто испытывает затруднения в связи с тем, что одна и та же мысль требует для выражения на разных языках всякий раз другого числа слогов. По мнению И. Левого, различная семантическая насыщенность языка подлинника и перевода принуждает переводчика к сокращениям или к «размазыванию», что не может не влиять на общую трактовку стихотворения. В общем чехи не испытывают особых сложностей при переводе русских размеров. Но различия эти могут приводить к тому, что одни и те же стилистические задачи традиционно решаются в двух разных литературах разными стихотворными размерами: в одной — более длинным, в другой — более коротким метром. Большое значение в данном случае играет и соотношение служебных слов.

И. Левый обращает внимание на то, что при анализе переводов целесообразнее установить, какие элементы стихотворного перевода отражают стиль оригинала и в чем проявляют себя условия, в которые ставит переводчика отечественная система стихосложения. Чешские переводчики придерживаются хорея и дактиля (ударение на нечетном слоге) и нисходящего строения словесных единиц. При осуществлении поэтического перевода переводчик тяготеет к поэзии своего родного языка и переводит в соответствии с соотношением грамматических и лексических рифм, с тенденциями к смысловой отчетливости или неясности, к той или иной звуковой окраске поэзии, привычной для его языка (для чехов это рифмовка на долгие гласные). Совершенно иная картина с ритмом стиха. Ритмический рисунок у чешского поэта чаще всего постоянен и не зависит от подлинника. Более подробно на различиях русской и чешской силлаботоники остановимся в следующей части.

2.2. Различие русской и чешской силлаботоники

Силлаботонический стих основывается на силлабизме и ударности, т. е. ритм определяется числом ударений в стихе, числом слогов в стихе и размещением безударных слогов между ударными. Различают главные типы стоп: хорей (–v), ямб (v–), дактиль (–vv) и др. Вопросами теории стиха в XX в. много занимались как чешские, так и русские ученые. Первым вопрос о сравнении чешской и русской силлаботоники поднял в 1923 г. Р. Якобсон.¹³⁴ Он писал о ритме, разграничивая прежде всего язык поэтический и практический. Ритм, утверждает он, есть только в поэзии. «Динамический ритм практического языка — это процесс автоматизации выдыхания при речи. Обратно — поэтический ритм есть один из способов выведения речи из состояния автоматизма».¹³⁵ Р. Якобсон противопоставляет ритмические элементы в русском и чешском языках. В русском языке фонологическим элементом является динамическое ударение, долгота при этом неграмматична; в чешском ситуация обратна: ударение внешне обусловлено, неграмматично, количество составляет элемент фонологический. Кроме того, Р. Якобсон указывает, что в русской системе роль сопутствующих неграмматических элементов играет количество, а в качестве автономных фонологических элементов выступают словоразделы; в чешском соответственно функции эти выполняются словоразделами, динамическим ударением, количеством.¹³⁶ Как и остальные исследователи чешского стихосложения, Р. Якобсон акцентирует внимание на фиксированном ударении в чешском языке, отводя этому факту ведущую роль в чешской ритмике. Главным, таким образом, является играет словораздел, устанавливаемый автором.

В чешской поэзии в начале XX в. боролись два течения. Одно утверждало, что чешская поэзия в своей ритмике должна строиться на количестве как на явственно воспринимаемом чехами ритмообразующем материале (к этому

¹³⁴ Якобсон Р. О чешском стихе: преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин; М., 1923.

¹³⁵ Там же. С. 17–18.

¹³⁶ Там же. С. 46.

направлению в XIX в. относились П. Й. Шафарик и Ф. Палацкий). Другое направление, в начале XX в. возглавлявшееся Э. Фринтой, П. Кралем и др., настаивало на ударении как на главном ритмическом моменте чешской поэзии. Отметим, что количественное стихосложение не привилось в чешской поэзии.

Сравнительный анализ чешского и русского стихосложения приводит О. Рихтерек в работе «Введение в изучение русской литературы».¹³⁷ Он указывает на различие русского и чешского хорея: русский хорей отличается от чешского большим количеством безударных слогов с так называемым пиррихием, который де-факто является двусложной стопой, состоящей из двух безударных слогов. Для чехов данный размер больше напоминает их вариант дольника. В русском же стихосложении это вариант чистого хорея. По мнению О. Рихтерека, различия чешского и русского ямба сводятся к тому, что использование в чешской поэзии ямба гораздо реже, чем в русской. У чехов очень популярным силлаботоническим размером является дактиль. Как указывает О. Рихтерек, если в русской поэзии дактиль не играет главной роли, то в чешской этот трехсложный размер популярен, так как отвечает характеру чешского языка.¹³⁸ Так, средняя длина слова в русском языке составляет 3 слога, в чешском же — 2,4. И каждое прибавление или сокращение на слог меняет длину интервала, разрушает синхронность ритма и обращает правильный ритм в свободный. Поэтому чешский стих очень чуток к неравносложью, к неправильностям в структуре стопы; это, по мнению И. Левый, является слог, и основой чешского ритма служит равносложие (изосиллабизм). Русский стих обнаруживает тенденцию к изохронности тактов, поскольку в русском языке сильно выражены ударение и редукция безударных слогов.¹³⁹

Рифма и в чешском, и в русском языке представлена одинаково: оба типа рифмы (и женская, и мужская) существуют равноценно, несмотря на то что в чешском ударение фиксированное (на первом слоге), а в русском — свободное. И. Левый считает, что ритмообразующее качество рифмы полнее всего можно

¹³⁷ Richterek O. Úvod do studia ruské literatury. Hradec Králové, 2001. S. 85–103.

¹³⁸ Ibid. S. 93.

¹³⁹ Левый И. Искусство перевода. С. 270.

реализовать в языках со свободным ударением, к которым относится русский, — там в распоряжении поэта рифма мужская, женская и дактилическая.¹⁴⁰ Для чешской поэзии правильнее будет говорить о противопоставлении односложных рифм двусложным, поскольку в чешском стихе собственно мужской рифмы нет: в односложных чешских словах (*boj = voj*) и на последних слогах нечетносложных чешских слов (*bez tepla = oslepla*) ударение лишь потенциальное, и они приобретают значение ударных слогов только благодаря ритмической инерции и тому, что стоят на конце строчки в стихе или на месте интонационной кульминации фразы.

Чешскому переводчику недоступны некоторые выразительные средства, опирающиеся на подвижное динамическое ударение, например контраст сильного мужского окончания с дактилическим. При этом различие в долготе рифмующихся гласных — явное преимущество чешского, так как сочетание рифм на долгие гласные с рифмами на краткие семантически подобно сочетанию мужских и женских рифм в русском, что дает возможность чешскому переводчику использовать сочетание для укрепления композиционной функции рифмы там, где по каким-либо причинам невозможно использовать по-чешски рифмы с разным числом слогов.

Если в основе чешской рифмы лежит гласная и чешские гласные звучны и несократимы, а согласные на границах слов утрачивают звучность, то в русском языке гласные в слоге после ударения ослаблены. Все эти особенности чешской силлаботоники и различия ее с русской следует учитывать при конкретном анализе переводов Фета на чешский язык.

¹⁴⁰ Там же. С. 291.

2.3. Чешские переводчики А. А. Фета и их переводы

2.3.1. История чешских переводов стихотворений А. А. Фета

В XIX в. в чешских литературных журналах публиковались лишь отдельные стихотворения Фета. Крупного русского поэта в чешской среде воспринимали как одного из славянских поэтов, публикуя переводы одного-двух его стихотворений в подборках «Из славянской поэзии». Впервые Фет появился на чешском языке в 1881 г. в журнале «Люмир» в переводе Й. Сладека.¹⁴¹ Затем в крупном чешском журнале «Светозор» в 1884 г. были опубликованы два его стихотворения в переводе Ф. Халупы: «Рыбка» (1858) и «Степь вечером» (1854).¹⁴² В 1890-е гг. чешская поэзия переживает период бурного расцвета. В этот период обострилась борьба против гнета Австро-Венгерской империи, происходят выступления студентов и рабочих, появляются обращения чешских поэтов, которые воспевали чешский народ как национальный коллектив и призывали верно служить ему. Необычайную популярность приобрела аллегорическая поэма Сватоплука Чеха (1846–1908) «Песни раба» (в 1895 г. она переиздавалась 24 раза!). Тогда же (1895 г.) заявляет о себе в манифесте «Чешска модерна» самое молодое литературное поколение, которое вначале не имело печатного органа, а затем полностью завоевало уже существовавшие журналы или открыло свои. Среди последователей были крупные чешские поэты: сатирик Й. С. Махар, символист О. Бржезина, тонкий импрессионист А. Сова. В это время активно работает целая плеяда «поэтов-бунтарей»: К. Томан, Ф. Шрабек, В. Дык, Ф. Гельнер, анархист С. К. Нейман. Под их пером чешская поэзия достигла небывалых высот. Это движение стало платформой для утверждения наряду с критическим реализмом новых тенденций и течений — импрессионизма, символизма, неоромантизма. Реакция названных писателей на общественный кризис была различной, и, таким

¹⁴¹ *Fet A. Z rána. Věžeň // Lumír. 1881. Č. 23. S. 364.*

¹⁴² *Fet A. 1) Rybka // Světozor. 1884. Č. 18. S. 216; 2) Večer na stepi // Ibid. Č. 49. S. 592.*

образом, выступления молодых против политической и эстетической позиции своих старших коллег переросли в Чехии в литературную борьбу.

Как всегда в трудные периоды истории, взгляд чехов обращен к России: в 1892 г. появляется новый перевод «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, автором которого был В. А. Юнг; в 1894 г. чешская поэтесса Э. Красногорская (1847–1926) выпускает трехтомник А. С. Пушкина в своих переводах; одновременно выходят три книги переводов стихотворений М. Ю. Лермонтова, выполненные Ф. Таборским (1858–1940). В этот период напечатано одно стихотворение Фета в журнале «Освета» в переводе З. Грубого.¹⁴³ Чехи сосредоточились на вопросах национального единства, в связи с чем переводы поэзии Фета, лирической по своему содержанию, отсутствуют. Кроме того, на фоне крупных русских поэтов Фет выглядел весьма скромно. Вероятно, обратив внимание на вершинные явления русской поэзии, чешские переводчики просто не знали этого русского поэта или же представляли его как поэта «чистого искусства», чье творчество не отвечало требованиям времени.

В начале XX в. вплоть до 1964 г. переводов Фета чехи не делали.

Первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) в Чехословакии характеризуются свободой слова, широкими дискуссиями о развитии литературы. Главными темами чешской поэзии становятся война и освобождение Чехословакии Советской Армией. На это откликнулись своими стихами и поэмами самые крупные чешские поэты: В. Голан, В. Незвал, Й. Гора, Ф. Галас, Ф. Грубин и др. Русская литература по-прежнему остается в центре внимания: в 1945 г. выходит третий том юбилейного издания Лермонтова на чешском языке и переиздается «Евгений Онегин» в переводе Й. Горы, в 1948 г. появляется новая книга стихов Тютчева в переводе И. Славика. И именно в эти годы, как нам удалось обнаружить, просматривая каталог «Словаря чешской литературы после 1945 г.», в выпусках журнала «Архи» напечатаны отдельные переводы

¹⁴³ *Fet A. Báseň pseudopoeta // Osvěta. 1889* (приводится по: *Zahrádka M. a kol. Slovník rusko-českých literárních vztahů. Ofis, 2008. S. 77*).

стихотворений Фета.¹⁴⁴ Поскольку журнал имел теологическую направленность, подборка стихов для публикации имела философский характер. Издателей интересовала метафизическая поэзия, и за примерами такой поэзии переводчики обращались к русской и немецкой литературе.¹⁴⁵ Предметом дискуссий на страницах журнала выступали вопросы либерализма, социализма и даже феминизма, но главной при подборке материалов для публикаций оставалась все же религиозная тема, чем объясняется поспешное закрытие этого журнала в 1948 г., когда к власти пришла Коммунистическая партия Чехословакии.

Первое книжное издание стихотворений Фета на чешском языке появляется в 1964 г. Отметим, что в 1950–1960-е гг. (после перехода Чехословакии на социалистические рельсы в 1948 г.) как никогда ранее увеличилось количество переводов русской литературы на чешский язык. Именно в этот период крупный чешский переводчик Иван Славик перевел и издал сборник стихов Фета, включающий в себя 117 стихотворений.¹⁴⁶ Он стал первым переводчиком, который посвятил переводам стихов Фета целую книгу.

Книга стихотворений Фета на чешском языке вышла в Государственном издательстве художественной литературы в Праге под фетовским названием «Вечера и ночи». В отличие от более позднего (также отдельного) издания 1974 г. этот сборник организован по циклам и вышел без иллюстраций. Сюда вошли переводы как самых известных стихотворений Фета («Шепот, робкое дыханье», «В лунном сиянии», «Степь вечером», «Хандра», «Был чудный майский день в Москве», «Майская ночь» и др.), так и менее растиражированных стихотворений. Сборник переводов И. Славика представляет собой наиболее полную картину поэтического творчества Фета, приближенную к оригинальным сборникам за счет организации по фетовским циклам: «Элегии и думы» (18 стихотворений), «Весна» (15 стихотворений), «Лето» (4 стихотворения), «Осень» (6 стихотворений), «Снега» (9 стихотворений), «Мелодии» (16 стихотворений), «Вечера и ночи»

¹⁴⁴ *Slovník české literatury po roce 1945*. [Электронный ресурс]. URL: www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=68&hl=+afanasij+fet+ (дата обращения: 03.06.2014).

¹⁴⁵ См. об этом: *Komendová J., Pilátová J. Ruská literatura v edičním díle Josefa Floriana // Český překlad 1945–2003. Praha, 2003. S. 103–109.*

¹⁴⁶ *Fet A. Večery a noci. Praha, 1964. 178 s.*

(9 стихотворений), «Море» (7 стихотворений), «Разные стихотворения» (33 стихотворения). В начале книги дается краткая биографическая справка о Фете, что обусловлено форматом издания «Мировое чтение» — именно в его рамках 325-м томом вышел сборник. Объемную вступительную статью под названием «Лирическое наследие А. А. Фета» написал Иржи Гонзик — известный чешский литературовед и русист. Статья Гонзика должна была оказать большое влияние на восприятие Фета широким кругом чешских читателей, поскольку это было мнение крупного литературоведа, и оно формировало чешское восприятие поэзии Фета в 1960-е гг. вплоть до начала 1970-х гг., так как Фет в Чехии в эти годы не изучался, не переводился и не переиздавался.

В своей статье И. Гонзик знакомит чешского читателя с литературной ситуацией 1840–1860-х гг. в России, дает оценку поэтической ситуации после ухода Пушкина и Лермонтова, говоря о том, что доминирующее место в поэзии этого периода занимает Некрасов, а поэты-лирики, такие как Тютчев, не в силах противостоять сильному лагерю патриотической поэзии.¹⁴⁷ Размышляя о месте творчества Фета в русском литературном процессе этого периода, И. Гонзик относит его к группе поэтов-лириков, чья поэзия была не очень востребована временем, ибо его природная лирика, где, по мнению современников Фета, одно стихотворение похоже на другое, не вызвала тогда читательского интереса.¹⁴⁸ Гонзик дает краткий анализ стихотворений Фета, называя его «Шопеном русской поэзии», говорит о теме фетовского романтизма, где в отличие от моря Пушкина и гор Лермонтова неромантическая среднерусская природа представлена в своих самых обыденных проявлениях.¹⁴⁹ В своих суждениях о любовной лирике поэта И. Гонзик ссылается на Б. Я. Бухштаба: «Фета будто интересовал не любящий человек, а само по себе чувство, его признаки и проявления».¹⁵⁰

Следующий сборник переводов стихов Фета вышел через 10 лет, в 1974 г. в Праге в переводе Я. Кабичека под названием «Roční doby života» («Вехи

¹⁴⁷ Honzík J. Lyrický odkaz A. A. Feta // Ibid. S. 7–10.

¹⁴⁸ Ibid. S. 16–22.

¹⁴⁹ Ibid. S. 18.

¹⁵⁰ Ibid. S. 18–19.

жизни»)¹⁵¹ с графическими иллюстрациями известного чешского художника Растислава Михала, который иллюстрировал чешские переводы романов Л. Н. Толстого (1963, 1972 гг.), произведений А. С. Пушкина (1974 г.), Ф. М. Достоевского (1975 г.).¹⁵²

В этот сборник вошли переводы 78 стихотворений, размещенных не по циклам, а хронологически, т. е. по годам написания. Таким образом, переводчик оправдывает название чешского сборника переводов стихотворений Фета «Вехи жизни». Перед чешским читателем предстают стихотворения, написанные с 1820 по 1892 г. Переводчик разделил стихотворения на четыре части: 1820–1850 гг. (22 стихотворения), 1850–1860 гг. (16 стихотворений), 1860–1880 гг. (15 стихотворений) и 1880–1892 гг. (25 стихотворений). В основном это любовная лирика и природная лирика. В переводе Я. Кабичек воспроизводит основные фетовские образы ночи, окна, соловья и розы, лунного сияния, представляя чешскому читателю картину его поэтического творчества. В сборнике нет вступительного слова, но есть краткое послесловие переводчика, где Я. Кабичек пишет, что переиздания стихотворений Фета в Советском Союзе под редакцией Е. М. Винокурова 1965 г.¹⁵³ и под редакцией Л. А. Озерова 1970 г.,¹⁵⁴ побудили его к переводу. Также Я. Кабичек указывает на то, что свои переводы он делает, опираясь на русское издание под редакцией Л. А. Озерова 1970 г. В послесловии, которое в отличие от предисловия И. Гонзика к сборнику 1964 г. имеет более камерный характер, он напоминает чешскому читателю об основных биографических фактах жизни Фета, вводит сведения о Марии Лазич: «В начале этого периода эполет [имеется в виду военная служба Фета. — А. К.] за которые ему был обещан дворянский титул, он пережил большую любовь, а точнее сказать любовь, которую он пронес через всю жизнь (как мы видим из творчества), любовь к Марии Лазич, закончившуюся разлукой, а позднее и трагической

¹⁵¹ *Fet A. Roční doby života. Praha, 1974.*

¹⁵² Galerie, Michals Collection. [Официальный сайт]. URL: http://michalscollection.cz/?page_id=10 (дата обращения: 06.06.2014).

¹⁵³ *Фет А. А. Лирика* / под ред. Е. М. Винокурова. М., 1965.

¹⁵⁴ *Фет А. Стихотворения* / предисл. Л. А. Озерова. М., 1970.

смертью Марии». Я. Кабичек дает и оценку поэзии Фета, называя его стихи глубокими, а сборник его поэзии — «листами чистого золота».¹⁵⁵

И иллюстрации, и сам перевод, и подборка стихотворений способствовали современному восприятию поэзии русского классика в чешской среде. Переводы, казалось, были сделаны на волне дискуссий о традиции и новаторстве в поэзии. Безусловно, новые переводы фетовских стихов заново знакомили с его творчеством или напоминали о незаслуженно забытом великом русском классике.

Через 22 года после появления сборника стихов Фета, выполненного Я. Кабичеком, в 1996 г. в чешском журнале «Тексты» молодой переводчик Рене Кочик опубликовал два перевода стихотворений Фета: «Чудная картина» (1842 г.) и «В лунном сиянии» (1885 г.).¹⁵⁶ Чешские переводы стихотворений А. Фета этого периода представляют собой, скорее, стихотворения на чешском языке, написанные под впечатлением фетовских мелодий. Это наталкивает на рассуждения о приоритетах в переводческой деятельности и о современной концепции переводческого пространства, возникшей во второй половине XX в. В 1990-е гг. приоритетным становится гуманистический подход к деятельности переводчика, пришедший на смену лингвоцентрическому и лингвокультурологическому. Особое внимание исследователей уделяется проблеме изучения языковой личности переводчика, которого ученые определяют как медиатора культур. В чешском литературном процессе этого периода на многое оказывала влияние так называемая возвращенная литература, а в стихах молодых авторов переплетались отголоски поэтики андеграунда, сюрреализма, экспериментальной и метафизической традиции.

Дальнейший выбор стихов для анализа переводов основывается на характеристике произведений А. Фета, приведенной в теоретической части работы, а также на подборе одних и тех же стихотворений, переведенных разными переводчиками в разное время, с тем чтобы сравнить эти переводы. Переводы анализируются с точки зрения передачи идейного содержания, лексико-

¹⁵⁵ *Fet A. Roční doby života. Praha, 1974. S. 105.*

¹⁵⁶ *Fet A. 1) Jsi krajina překrásná; 2) V měsíční záři // Texty. 1996. Č. 2. S. 5.*

семантической составляющей и стиховедческой структуры. Задача данного анализа — проиллюстрировать, насколько точно чешские переводчики передают образную систему и ритмико-интонационные особенности стихотворений Фета и справляются с передачей на чешский язык их стихотворной формы. Рассматриваются стихотворения, которые отражают основные фетовские образы (ночь, лунная ночь / луна / лунное сияние, лунная ночь и вызванное ею чувство, образ соловья и розы, образ окна, образ мира детства), а также описательные стихотворения.

2.3.2. Чешские переводы А. А. Фета конца XIX века

Первые переводы Фета на чешский язык осуществил Йозеф Вацлав Сладек (1845–1912) — известный чешский прозаик, поэт, журналист и переводчик. Его считают основателем чешской поэзии для детей. Он являлся членом Чешской Академии наук. В 1868 г. он уехал в Америку, где пробыл до 1870 г., что не могло не повлиять на его творчество — всю оставшуюся жизнь он был ориентирован на англо-американскую литературу, но и русская поэзия его привлекала: известны его переводы Лермонтова. Осенью 1870 г. поэт стал преподавателем английского языка в Пражском политехническом институте, а в 1873 г. — профессором в Чехославянской коммерческой академии. С 1883 г. Сладек преподавал английский язык в университете.

В 1873 г. Й. Сладек становится одним из издателей популярного чешского журнала «Люмир», в котором уже с 1877 г. работал как редактор, а позднее и в качестве главного редактора. Журнал знакомил чешского читателя с достижениями зарубежной литературы, тем самым ориентируя на них чешскую литературу. Благодаря переводам люмировцев (выдающимися переводчиками были сам Й. Сладек и Я. Врхлицкий) чехи значительно расширили свое представление о зарубежной литературе и заново познакомились со многими авторами. В последние годы жизни Й. Сладек много времени отдавал переводам. Он не только сам переводил, но и побуждал к переводу своих сотрудников. Так, в

1881 г. в письме к ближайшему сотруднику Зейеру он указывает: стыдно, что на чешский язык не переведены все выдающиеся русские поэты, — и призывает каждого сотрудника журнала взять на себя часть работы.¹⁵⁷ И действительно, просматривая подшивку журнала «Люмир» за 1881–1882 г. можно убедиться в том, что планы Й. Сладека были осуществлены: переведено огромное количество польской и французской поэзии (Я. Врхлицким), сам Й. Сладек также переводил из польской поэзии; кроме того, будучи знатоком английского языка, он переводил Байрона, Шекспира, Бернса, Шелли, из скандинавской поэзии — Ибсена, с русского — Жуковского, Лермонтова, Некрасова и Фета.

Переводы двух стихотворений А. Фета были помещены Й. Сладеком в «Люмире» в этом же 1881 г. (т. е. еще при жизни Фета) в рубрике «Из русской поэзии» вместе с его же переводами двух стихотворений Жуковского. Для перевода он выбрал стихотворения «На заре ты ее не буди...» (1842 г.) и «Узник» (1843 г.). Размышляя над возможной мотивацией выбора этих текстов, первое, на что стоит указать, — это тематика поэзии самого Й. Сладека: типичной темой для него является тема чешской деревни, родины, детства. Кроме того, песенный жанр свойствен его поэзии. Очевидно «чистая» поэзия Фета была близка Сладеку, но ни темы детства, ни темы деревни в этих двух стихотворениях Фета нет. Сладек выбрал ранние стихотворения Фета, и осмелимся предположить, что в выборе стихотворения «На заре ты ее не буди...» сыграли роль не только лиризм и широкая известность романса А. Е. Варламова на эти стихи, не только вероятность того, что это стихотворение Сладек мог прочитать в одном из русских журналов, но и схожие личные обстоятельства чешского и русского поэтов. Стихотворение было написано Фетом в 1842 г. и в этом же году опубликовано в журнале «Москвитянин». Ни названия, ни посвящения у стихотворения нет, но, скорее всего, Фет посвятил его своей возлюбленной Марии Лазич, которая трагически погибла. В судьбе Й. Сладека обнаруживается параллель: в 1874 г., менее чем через год после свадьбы, умерла его жена. Поэт

¹⁵⁷ См. об этом: Очерки истории чешской литературы XIX–XX веков / редколл.: Д. Ф. Марков, С. В. Никольский, С. А. Шерлаимова. М., 1963. С. 291–292.

погружается в мрачные и тоскливые думы, ищет забвения в работе. В следующем году выходит первый сборник стихотворений Й. Сладека, куда вошли многие стихи на патриотическую тему, произведения по следам американских впечатлений — и интимная лирика, исполненная чувствами грусти и тоски, охватившими поэта после смерти жены. Перевод Й. Сладеком стихотворения «На заре ты ее не буди...» в 1881 г. — это первый и прижизненный перевод поэзии Фета на чешский язык.

* * *

Z rána

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди
Ярко пышет на ямках ланит.

Ne, nebud'te ji tak za červánkû,
s červánky ona sladko tak spí!
Jitro jí dýše po bledém spánku,
na ňadrech, v důlcích tváří se chví.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

Poduška její horká jak plamen,
sen horký žehne z pod chvějných řas,
po obou stranách labutích ramen
v kadeřích splývá havraní vlas.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

Večer tak dlouho u okna stála,
dlouho, tak dlouho její se zrak
upíral na luhy, lůna kde hrála,
nebem jak táhnul za mrakem mrak.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

A čím ta luna jasněj si vedla,
čím slavík zapěl v hlučnější zvuk,
tím více ona bledla a bledla
bolněj se, bolněj chvěl srdce tluk.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

Proto se jitro na bílém spánku
na mladých ňadrech žárně tak chví:
ne, nebud'te ji tak za červánkû,
s červánky ona sladko tak spí!¹⁵⁸

(1842)

(1881)

¹⁵⁸ Fet A. A. Z rána // Lumír. 1881. Č. 23. S. 364.

Тема стихотворения — восхищение красотой и гармонией, когда автор, обращаясь к читателю, делает его соучастником и наблюдателем Красоты и ее гармонии с окружающим миром. Он описывает прекрасную спящую девушку, являющуюся воплощением красоты, гармонии, полного слияния с окружающим миром. Стихотворение не имеет названия, состоит из пяти строф, написанных анапестом. Оно имеет кольцевую композицию, содержит повторы, что соотносит его с песенным жанром. В чешском переводе стихотворение имеет название «Z rána» (Утром) и, как и оригинал, состоит из пяти строф. Поскольку размер анапеста труден для чешского языка (ударение на третьем слоге), Сладек использует распространенный в чешской поэзии размер — дактило-хорей.

В первой строфе лексически точно передана ключевая фраза, задающая тон всему стихотворению: «На заре ты ее не буди, / На заре она сладко так спит;» — *Ne, nebud'te ji tak za červánku / s červánky ona sladko tak spí!* (Нет, не будите ее на заре, / с зарей она сладко так спит!). При передаче этой фразы переводчик меняет единственное лицо глагола «не буди» на множественное *nebud'te* (не будите), а в конце ставит восклицательный знак, тогда как у Фета стоит точка с запятой. Авторский синтаксис передает состояние покоя, а в переводе — восхищение, возбуждение от созерцаемого. В следующих двух строках, которые составляют одно предложение, Сладек передает описание девушки, лексически расширяя свой перевод: *Jitro jí dýše po bledém spánku, / na ňadrech, v důlcích tváří se chví.* (Утро дышит у нее на бледном виске, на груди, в ямках щек дрожит). Фетовский глагол «пышет» передан глаголом *chví se* (дрожит), и тем самым снижена динамика.

Первые три строчки второй строфы начинаются с союза «и», а в переводе повторы не переданы. Сладек лексически расширяет фетовские описания: в первой строке «И подушка ее горяча» — в переводе *Poduška její horká jak plamen* (подушка ее горячая как пламя); во второй «И горяч утомительный сон,» — *sen horký žehne z pod chvějných řas*, (сон горячий жжет из-под дрожащих ресниц); в последних двух в переводе звучит: *po obou stranách labutích ramen / v kadeřích splývá havraní vlas.* (по обеим сторонам лебединых плеч в кудрях ниспадает

вороной волос). Несмотря на то что лексически перевод Й. Сладека несколько расширен, он не отступает от оригинала. Такое расширение лишь придает тексту точность.

В следующей строфе переводчик соблюдает мелодику стихотворения, передавая усилительный повтор «Долго-долго сидела она:» — *dlouho, tak dlouho její se zrak*, но фетовские строчки, отражающие гармонию природы, спокойствие, умиротворение в переводе обрели динамику и перед нами появился пейзаж: *Večer tak dlouho u okna stála, / dlouho, tak dlouho její se zrak / upíral na luhy, / lůna kde hrála, / nebem jak táhnul za mrakem mrak*. (Вечером так долго она у окна стояла, долго, так долго ее глаза всматривались в луга, луна где играла, по небу как тянулась туча за тучей). Глагол в этой строфе переводчик тоже заменяет: у Фета героиня у окна сидела — в переводе *u okna stála* (у окна она стояла). Луна в оригинале сначала затевает игру, потом играет: «И следила по тучам игру, / Что, скользя, затевала луна. / И чем ярче играла луна,» — в переводе сначала «играет», затем «ярче себя показывала» (*lůna kde hrála, / ... A čím ta luna jasněj si vedla.*).

В четвертой строфе повторы-усиления «и чем» переданы и Й. Сладек добавляет свои: строка «Все бледней становилась она» переведена с повтором глагола «бледнела» (*tím více ona bledla a bledla* — тем больше она бледнела и бледнела). Таким образом, переведя строчки «Все бледней становилась она, / Сердце билось больней и больней» как *tím více ona bledla a bledla / bolněj se, bolněj chvěl srdce tluk*. (тем больше она бледнела и бледнела / больнее и больнее трепетал сердца стук), Сладек добивается максимально усиленного напряжения, которое спадает в последней строфе, заканчивающейся повтором из первой. У Фета в предпоследней строфе такого эмоционального напряжения нет, там, скорее, мы видим взгляд автора со стороны: «И чем ярче играла луна, / И чем громче свистал соловей, / Все бледней становилась она, / Сердце билось больней и больней». А вот усиление у Фета — в конце: «Не буди ж ты ее, не буди... / На заре она сладко так спит!». Стихотворение заканчивается повтором первых двух строчек, однако синтаксис придает усиление, и последняя фраза-восклицание звучит как заключительный аккорд. Сладек сохраняет кольцевую композицию,

повторы, передавая мелодичность и музыкальность фетовского стихотворения. Он достаточно точно переводит лексику оригинала, зачастую расширяя ее, нисколько не нарушая заложенного авторского замысла. В чешском варианте стихотворение Фета звучит так же мелодично, несмотря на то что синтаксически акценты несколько сдвинуты, но динамика и песенность стихотворения переданы Сладеком абсолютно. Чешские читатели получили адекватную версию стихотворения — им понятны фетовские образы, метафоры, мелодика, ритм.

Выбор второго стихотворения для перевода — «Узник» — более понятен: фетовский «Узник» продолжает тему пушкинского и лермонтовского стихотворений, уже известных чешскому читателю.

Узник

Густая крапива
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром;

Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Визжит под пилою.

Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

(1843)

Vězeň

Kopřiva se kývá,
šumí pod oknem,
hustou sítí splývá
před ním vrba v zem.

Z modré dále blíže
lodice se dmou
železná mříže
skřípe pod pilou.

Bývalé to hoře
stíchlo v prsou již,
svoboda i moře
kynou blíž a blíž.

Duch nabývá síly,
utich' stesk a žal —
sluch jen ven se chýlí,
ruka řeže dál.

(1881)

Тема свободы в стихотворении Фета обрамлена природной гармонией: перед нами прекрасный пейзаж: «Густая крапива / Шумит под окном, / Зеленая

ива / Повисла шатром; / Веселые лодки / В дали голубой...» — и только название «Узник» подготовило читателя к теме свободы, которая будет раскрыта в стихотворении. Стихотворение состоит из четырех строф, написанных амфибрахием с усеченной второй стопой во второй и четвертой строках и перекрестной рифмой АБАБ. Большое значение имеют природные образы. Фет использует качественные прилагательные (*густая* крапива, *зеленая* ива, *веселые* лодки, *голубая* даль), что придает яркость небольшому по объему стихотворению-зарисовке. Важным при создании красочности стихотворения представляется использование глаголов: *густая* крапива *шумит* (мы видим заросли крапивы), ива *повисла шатром* (представляется огромное дерево, дающее тень), — всей этой природной гармонии противопоставляется неприятный звук: *железо* решетки *визжит* под пилой. Бывалое горе *уснуло* (не забылось, не прошло, а уснуло — значит, на время?); свобода и море *горят* (глаголом передан азарт). С помощью синтаксиса в стихотворении созданы отдельные зарисовки: в первой строфе два предложения, соединенные запятой, играют описательную роль. Точка с запятой в конце первой строфы и в конце первого предложения второй ставят завершающий штрих в описании природной гармонии. Таким образом, взгляд читателя перемещается сначала за окно (словно он находится внутри на месте узника), затем чуть поодаль и, наконец, совсем в даль. В следующих предложениях синтаксис передает терпение, спокойствие и настойчивость, с которой действует узник: предложения отделены запятой и заканчиваются точкой.

В переводе стихотворение называется *Vězeň* (узник), оно переведено хореем с перекрестной рифмой АБАБ, как и оригинал, имеет четыре строфы. Природная зарисовка передана максимально точно, несмотря на то что Й. Сладек пренебрег прилагательными (они опущены). Вместо них ярко работают глаголы: *Kopřiva se kývá, / šumí pod oknem* (крапива качается, шумит под окном), — используя вместо прилагательного «густая» глагол «качается», переводчик передает образ «густая крапива»; *hustou sítí splývá / před ním vrba v zem* (густой сетью сливается с землей перед ним ива до земли), — словосочетание с глаголом *splývat* (уходить во

что-либо, сливаться с чем-либо) создает образ раскидистого густого дерева и передает фетовский образ шатра.

В следующих строфах переводчик также взаимозаменяет прилагательные и глаголы: *Z modré dáli blíže / lodice se dmou* (из дали голубой все ближе лодки поднимаются). Звук металла (железо решетки визжит) передан глаголом *skřípet* (скрипеть, скрежетать). Интересно подобрал Сладек глагол, который передает нарастающий азарт, горение в строках «Свобода и море / Горят впереди»: в чешском переводе свобода и море нарастают (поднимаются, подходят) ближе и ближе: *svoboda i moře / kypou blíž a blíž*. Глагол *kypout* (подниматься, подходить) употребляется в значении «поднимается, подходит тесто»; в данном случае он представляется нам переводческой находкой, точно передающей смысл, заложенный Фетом в эти строки.

Последняя, ключевая строфа, наполненная у Фета настойчивым спокойствием, целеустремленностью и заканчивающаяся на динамичной ноте, довольно точно переведена Сладеком по смысловому наполнению и весьма интересно с точки зрения подбора грамматических форм. Вторая строка превращается в призыв, а фетовские перечисления, создающие монотонность совершаемого действия, в переводе приобрели динамику: *Duch nabývá síly, / utich' stesk a žal — / sluch jen ven se chýlí, / ruka řeže dál*. (дух набирает силу (крепнет), / утихли тоска и горе — / слух близится к воле / рука пилит дальше).

Авторская строка «И слушает ухо» передает приближение к заветной цели, и чешский глагол *chýlīt se* (близиться, подходить к концу, быть на исходе) отражает авторский замысел. Несмотря на то что благодаря несоблюдению синтаксиса оригинала (во второй строке Сладек использует тире) вся строфа в чешском переводе получилась динамичной, переводчик отлично справился со своей задачей и максимально точно передал авторский замысел: перед чешским читателем предстает и статичная гармония природы, и противопоставляемая ей динамика движения. Перевод Сладека близок к оригиналу: максимально передает настроение, тему стихотворения, образы, лексику, рифму, синтаксис. Переводчик творчески и максимально грамотно подошел к переводу: не используя

прилагательные, играющие важнейшую роль в создании образов, он мастерски компенсирует их чешскими глаголами. В переводе чувствуется рука крупного поэта и переводчика, каким и был в чешской литературе Йозеф Вацлав Сладек.

Еще один чешский поэт, который перевел и опубликовал два стихотворения Фета при его жизни, в 1884 г., — Франтишек Халупа (1857–1890). Ф. Халупа был поэтом, прозаиком, журналистом и переводчиком, который печатался под псевдонимом Вацлав Яловец. Он прожил короткую жизнь (его не стало в 33 года), но в истории чешской литературы Ф. Халупа оставил заметный след. Закончив гимназию в г. Градец Кралове, где он был лучшим учеником, Халупа в 1877 г., несмотря на протест отца, который видел его в будущем в качестве священника, поступил на философский факультет Пражского университета, желая стать учителем, поэтом, историком литературы и переводчиком. Халупа хорошо владел латинским, греческим, русским и польским языками. Уже во время учебы он начал литературную деятельность: писал стихи, рассказы и фельетоны. С 1880 по 1882 г. он возглавлял журнал «Рух». Помимо стихов он писал сказки, изображая жизнь чешской деревни. Ф. Халупа проявил себя и как исследователь истории чешской литературы. Свои переводы он публиковал в журналах «Рух» и «Светозор». Его любимым русским поэтом был Д. П. Самсонов (1793–1822), чьи переводы он опубликовал в 1884 г. в сборниках переводов русской поэзии «Цветы русских лугов» и «Нива». На собственное поэтическое творчество Ф. Халупы оказала влияние русская эпическая поэзия. После 1886 г. он переживает творческий кризис, выйти из которого не смог.

Как переводчик Ф. Халупа не был последователен: для перевода он выбирал отдельные стихотворения, которые ему нравились, не создавая подборок и циклов. В 1884 г. в журнале «Светозор» в его переводе были опубликованы два стихотворения Фета: «Рыбка» (1858 г.) и «Степь вечером» (1854 г.). Выбор Халупой стихов Фета для перевода и публикации можно объяснить тем, что одно из стихотворений («Рыбка») было опубликовано в «Современнике».¹⁵⁹ Поскольку переводы помещены на полях раздела «Различные новости», они играли, скорее,

¹⁵⁹ *Фет А. А. Рыбка* («Тепло на солнышке. Весна...») // *Современник*. 1858. № 9. С. 268.

развлекательную роль для читателей журнала: на страницах журнала текст (с указанием автора перевода) помещен в обрамлении великолепных иллюстраций И. Панова и Н. Каразина. Можно предположить, что именно иллюстрации играли главную роль при публикации переводов, поскольку личности русских иллюстраторов были очень популярны.¹⁶⁰ Очевидно, что стихи Фета эти иллюстраторы также не оставляли без внимания, а это, в свою очередь, привлекло и чешского поэта: иллюстрации-виньетки и описательные (нейтральные) стихи Фета в переводе крупного чешского поэта приносили развлекательную ноту в чешский журнал.

Рыбка

Тепло на солнышке. Весна
Берет свои права;
В реке местами глубь ясна,
На дне видна трава.

Чиста холодная струя,
Слежу за поплавком, —
Шалунья рыбка, вижу я,
Играет червяком.

Голубоватая спина,
Сама как серебро,
Глаза — бурмитских два зерна,
Багряное перо.

Идет, не дрогнет под водой,
Пора — червяк во рту!
Увы, блестящей полосой
Юркнула в темноту.

Rybka

Na sluníčku teplo. Krásná
má to vesna práva.
Hlubaň řeky místy jasná,
na dně roste tráva.

Voda je tak chladná, čistá!
Za potůčkem stále
hledím, jak se rybka chystá
skočit po žížale.

Její hřbet je modře bledý,
stříbrně se bělá.
Jak dvě velké perly hledy,
ploutev uzardělá.

Přijde, neprojíždí struhu...
Dobrá... červa chytne.
Ouve! V lesknoucím se pruhu
temnotou jen svítne.

¹⁶⁰ Иван Степанович Панов (1844–1885) — иллюстратор и офортис, им создано большое количество иллюстраций для разных книг и журналов, рисунков для обеденных меню, дипломов и адресов, проектов театральных костюмов и др. Особенной популярностью пользовались его рисунки и виньетки, украшающие сборник стихотворений «Родные отголоски», изданный П. Полевым (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. XXIIа. С. 701). Николай Николаевич Каразин (1842–1908) — русский художник-баталист, член Академии художеств, участник Среднеазиатских походов, занимался также и литературной деятельностью: его произведения составляют 25 томов. Под редакцией Н. Н. Каразина и с его иллюстрациями появлялись в печати в конце XIX в. книги Ж. Верна, Н. В. Гоголя, Д. В. Григоровича, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и др. (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1895. Т. XIV. С. 425–426).

Но вот опять лукавый глаз
Сверкнул невдалеке.
Постой, авось на этот раз
Повиснешь на крючке!

(1858)

Avšak tamo lstivé hledy
zasvítily zase.
Počkej! Chci, bys nyní tedy
aspoň lapila se!¹⁶¹

(1884)

Стихотворение «Рыбка», созданное в 1858 г., входит в раздел «Разные стихи», состоит из пяти строф, написано ямбом с перекрестной рифмой АБАБ. Перед нами наблюдение автора за рыбкой во время весеннего отдыха на рыбалке, богатое метафорами. В центре внимания — «шалунья рыбка»: «лукавый глаз», «сама как серебро», «глаза — бурмитских два зерна», «багряное перо». В переводе Ф. Халупы стихотворение также имеет название «Рыбка», состоит из пяти строф, переводчик использовал хорей, как более соответствующий по содержанию естественному чешскому размеру, с перекрестной рифмовкой АБАБ. Поскольку данное стихотворение пронизано метафорами, то интерес представляет именно их передача при переводе. Так, устойчивое русское выражение в первой строфе «Весна берет свои права» Халупа переводит *Krásná / má to vesna práva* (прекрасные у весны права).

Рыбка в переводе не шалунья: *hledím, jak se rybka chystá / skočit po žížale* (смотрю, как рыбка готовится броситься за червяком); но спина бледно-голубая, серебристо белеет: *Její hřbet je modře bledý, / stříbrně se bělá*; а глаза как две большие жемчужины: *Jak dvě velké perly hledy*. Здесь особо отметим точность передачи метафоры: Фет использует малопонятное для иностранного читателя сравнение «глаза — бурмитских два зерна»,¹⁶² переводчик же проводит сравнение с большими жемчужинами. А вот метафора «багряное перо» указывает на окрас рыбки, и Ф. Халупа прямо так и переводит: *ploutev uzardělá* (плавник покрасневший).

¹⁶¹ Z Feta přeložil Fr. Chalupa. Ilustroval I. Panov // Světozor. 1884. Č. 18. S. 216.

¹⁶² Бурмитское зерно (*стар.*) — крупная, окатистая жемчужина (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / под ред. Л. В. Беловинского. М., 2004. С. 95.

Фет наполняет стихотворение наречиями, и переводчик следует за оригиналом, используя просторечие: *Dobrá...* (хорошо же...), *Ouve!* (Увы!). С точки зрения передачи авторской лексики интересен выбор чешского аналога для слова «червяк». У Фета это слово употребляется два раза: во второй строфе («Шалунья рыбка, вижу я, / Играет червяком») и в четвертой («Пора — червяк во рту!»). В переводе Ф. Халупа обогащает лексику: в первом случае использует слово *žížala* (дождевой, земляной червь): *hledím, jak se rybka chystá / skočit po žížale*, а во втором — *červ* (червь, червяк): *Dobrá... červa chytne*.

Стихотворение в переводе Ф. Халупы максимально приближено к авторскому по передаче размера, строф, ритма, лексики и, самое главное в данном случае, метафор.

Второе стихотворение, которое перевел Халупа, — «Степь вечером» (1854 г.). Перевод этого стихотворения есть и у И. Славика. Его анализ, а также сравнение двух переводов проведем в отдельном параграфе данной части.

2.3.3. Чешский поэт Иван Славик как переводчик А. А. Фета

В канун Рождества 2002 г., незадолго до своего 82-летия, скончался чешский поэт, эссеист и переводчик Иван Славик (1920–2002). После ухода из жизни этого долгое время запрещенного автора, как называли его в Чехии, «любимого школьного учителя», исключительного человека наиболее явственно ощутим его вклад в развитие чешско-русских литературных взаимосвязей. С его переводами русских поэтов связано формирование у чешского читателя восприятия русской поэзии.

Вся жизнь И. Славика была так или иначе связана с поэзией: помимо того что он сам писал стихи (опубликованы пять сборников), его переводческие интересы были преимущественно направлены на знакомство чешского читателя с ранее неопубликованными чешскими авторами, а также с иностранными поэтами, получившими признание на родине, однако при этом ранее не переводившимися на чешский язык.

И. Славик родился в 1920 г. в Праге. Детство он провел в деревне недалеко от Праги. После окончания гимназии в 1939 г. он поступил на философский факультет Карлова университета (по своей направленности пражский философский факультет очень близок к нашему филологическому) на специальность «чешский и немецкий язык». Однако вскоре высшие учебные заведения были закрыты нацистами. Недолгое время он был практикантом в книжном магазине, а впоследствии работал здесь же служащим. В период 1942–1945 гг. И. Славик вынужденно служил помощником механика на одной из пражских фабрик. После войны в 1948 г. он закончил обучение на философском факультете Карлова университета по специальности «чешский язык, французский язык, философия». Однако еще в период студенчества, в 1946–1947 гг. И. Славик работал в издательстве «Вышеград» в качестве редактора одноименного журнала. Здесь же была издана его первая книга — сборник стихов «Записи» (*Snímání*).¹⁶³ После окончания университета с 1948 по 1952 г. И. Славик работал учителем в гимназии недалеко от Праги. Преподавательская деятельность И. Славика связана с литературой. Он вкладывал в формирование восприятия у школьников родной и иностранной литературы свою душу. В гимназии И. Славик работал также с 1972 по 1980 г.

Второй сборник стихов И. Славика был опубликован только в 1965 г. в издательстве «Чехословацкий писатель». В 1968 г. издательство «Млада фронта» опубликовало сборник «Шип», а южночешское издательство «Роза» в этом же году издало сборник «Боярышник». Однако уже после 1968 г. в издании стихов И. Славика наступил многолетний перерыв. В этот период вынужденного молчания в самиздате выходят два сборника «Капли пота и крови» и «20 поздних стихотворений».¹⁶⁴ Эти сборники в 1988 г. Общество чешских библиофилов издаст официально. После 1989 г. выходят лишь переиздания сборников стихотворений И. Славика, однако дополненные ранее неопубликованными стихотворениями 1990-х гг. В эти сложные для собственного творчества годы

¹⁶³ *Slavík I. Propadliště paměti* // [Электронный ресурс]: Česká literatura od. r. 1945 na CD-ROM. S. 200–202.

¹⁶⁴ *Ibid.* S. 200–203.

И. Славик отдается популяризации ранее неизвестных чехам авторов, занимаясь переводческой и издательской деятельностью.

Иван Славик — автор, работавший в рамках христианской парадигмы. Еще в 1947 г. он возглавлял издание «Рождественского альманаха». Это было его первым опытом противостояния общественному строю. Многие коллеги и друзья И. Славика в 1960-е гг. были отправлены в лагеря. Свое поколение (поколение людей, родившихся в 1920-е гг.) он называл «растерянным». В конце жизни, уже в 1990-е гг., ему удалось воплотить в жизнь мечту: он много работал в области христианских взаимосвязей. Результатом этой работы стало издание «Антологии чешской духовной лирики XX века».¹⁶⁵

Обширная область творчества И. Славика — поэтические переводы. Он переводил с множества языков: с французского он перевел Бодлера, с английского — Хопкинса, Э. По, Стивенсона. Чехи знакомы с Сервантесом именно благодаря переводам И. Славика. Его переводы с испанского связаны также с его интересом к культуре индейцев доколумбовской Южной Америки, в результате были изданы книги о культуре ацтеков, а также переводы ацтекской лирики и лирики индейцев майя (1969, 1974, 1976 гг.).¹⁶⁶ Он не только переводил, издавал, но и доставал из небытия забытых авторов. Именно благодаря ему в 1974 г. было выпущено юбилейное издание стихотворений В. Галека, с его помощью были изданы произведения Р. Вейнера, Я. Опольского и многих других забытых или долгое время запрещенных авторов. И. Славик является автором многих рецензий, эссе, вступительных статей, вышедших отдельными книгами в 1993–1995 гг. в издательстве «Другой взгляд». Под его редакцией в 1990-е гг. изданы сборники чешской поэзии «Поющие лебеди», «Забытые поэты 90-х годов», книга «Проза чешских авторов XIX века».¹⁶⁷ Очевидно, что личность такого масштаба достойна внимания исследователей. С русского языка И. Славик переводил поэзию Брюсова, Бокова, Тютчева и Фета, посвятив им отдельные

¹⁶⁵ Antologie české duchovní lyriky 20. století. Praha, 1992.

¹⁶⁶ Sláva a pád Tenočtitlanu. Praha, 1969; Motýl z Obsidiánu. Nakladatelství, 1974; Popol Vůh a výbor z letopisů Cakchiguelů a z knih Chilama Balama, čili, Proroka Jaguára na Yucatánu. Praha, 1976.

¹⁶⁷ Подробнее об этом см.: Česká literatura od r. 1945 na CD-ROM. S. 200–202.

сборники. До той поры чешские переводчики и исследователи выделяли только крупные фигуры русской поэзии. Чешскому читателю Фет был знаком мало — в чешских литературных журналах публиковались лишь отдельные его стихотворения. Крупного русского поэта в чешской среде воспринимали как одного из славянских поэтов, помещая переводы одного-двух его стихотворений в подборках, озаглавленных «Цветы русских лугов», «Из русской лирики». И. Славик — первый переводчик, который посвятил стихам Фета целую книгу, поместив в нее максимальное количество стихотворений из фетовских циклов, что способствовало созданию наиболее полной картины поэзии Фета на чешском языке. Особое внимание И. Славик уделил системе образов его стихотворений: в переводах отображены образы ночи, лунного сияния, слез и др. Чтобы показать, каким предстает Фет для чешских читателей в переводе И. Славика, рассмотрим два известных стихотворения.

Еще майская ночь

* * *

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Jaká to noc! Jakou v ní cítíš něhu!
Bud' žehnán půlnoční můj rodný kraj!
Z království ledu, vánice a sněhu
jak svěží a jak čistý vzlétá máj!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Jaká to noc! Jak hvězdy do jediné
teple a vlídně v duši hledí zas,
jen píseň slavičí se vzduchem line
a neklid milostný i lásky jas.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Čekají břízky. Vábí ostýchavě,
lístečky průsvitnými těší zrak.
Chvějí se jako dívka vdaná právě.
Ten šat je milý jí i cizí tak.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

Ne, nikdy něžněji a nehmotněji
v tvář tmy mě nemučilo pohlížet.
Jdu nocí, bezděky mé písňě zněji,
bezděky — kdoví, snad i naposled.

(15 мая 1857 г.)

(1964)

Данное стихотворение имеет конкретную дату написания — 15 мая 1857 г. — и конкретного адресата, что установлено из писем Фета и на что указывают исследователи Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, Г. В. Петрова.¹⁶⁸ Стихотворение адресовано невесте Фета М. П. Боткиной. Оно входит в состав цикла «Весна» и выделяется своей философичностью благодаря антитезе вечной природы и смертного «я».

Стихотворение состоит из четырех строф, соединенных перекрестной рифмой АБАБ; написано пятистопным ямбом с чередующимися женскими и мужскими окончаниями. Можно предположить, что это стихотворение относится к жанру элегии (как отмечает М. Л. Гаспаров, пятистопный ямб выступает соперником шестистопного в элегической и смежной с ней тематике),¹⁶⁹ однако от элегии здесь сохраняется мотив размышлений о жизни, философичность, а также скрытая антитеза «прошлое — настоящее», переоценка пережитого. Это уже не элегия в ее «чистом» виде.¹⁷⁰ Текст выстроен на метафорических и предметных образах (царство льдов, вьюг и снега, лик ночи, лист полупрозрачный), а также на одушевленных образах (звезды смотрят в душу, березы ждут, дрожат). Первая строфа представляет собой обращение — благодарение ночи. Из нее складывается описание весенней природы: «Из царства льдов, из царства вьюг и снега / Как свеж и чист твой вылетает май!».

Вторая строфа начинается повтором восклицания из первой строфы, но здесь уже появляется пейзаж (звезды, соловьиная песнь), но только в третьей строфе читатель видит конкретный пейзаж: весенние березы с полупрозрачными листьями дрожат. Так акустическое восприятие природы во второй строфе сменяется зрительным в третьей; наконец, в последней, четвертой, проявляется кольцевая фетовская композиция, где он снова обращается к ночи. Весенняя ночь, в которой приоткрывается сущность бытия, приводит в конце стихотворения к

¹⁶⁸ Генералова Н. П., Кошелев В. А., Петрова Г. В. Комментарии // Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1839–1863 / изд. и комментарии подг. Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, Г. В. Петрова. СПб., 2002. С. 480.

¹⁶⁹ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 167.

¹⁷⁰ Ранчин А. М. Путеводитель по поэзии А. А. Фета. М., 2010. С. 101.

растворению лирического «я» в мире природы. Весна у Фета — пора тревоги и любви. «Березы ждут» — это короткое утвердительное предложение в третьей строфе дает нам понять, что они ждут весны, любви, которая уже бродит среди просыпающейся ото льдов, вьюг и снега природы. Наконец, сравнение берез с девой новобрачной говорит об этом единстве природы, весны, любви и красоты.

Отдельная роль отведена синтаксису стихотворения. Начало стихотворения обозначено восклицаниями: «Какая ночь! На всем какая нега! / Благодарю, родной полночный край!», — словно от красоты у авторахватило дух и он не находит слов выразить свои впечатления от увиденного. И только затем автор высказывает благодарность природе, уже «разворачивая» пейзаж. Весьма показательна с точки зрения синтаксической организации третья строфа. В ней благодаря закольцованности синтаксически одинаково организованных предложений («Березы ждут. / Они дрожат») главным образом становятся томящиеся весной березы. И читателю образ берез представляется центральным в стихотворении.

Отметим отдельно акценты, сделанные на мотивах «май», «тревога», «любовь», что достигается синтаксически постановкой сказуемых перед подлежащим («...вылетает май!», «Разносится тревога и любовь...»), что придает торжественность происходящему. В переводе И. Славика стихотворение не имеет названия, оно помещено в раздел «*Jaro*» («Весна»). Перевод приближен к оригиналу, его автор даже сохраняет авторскую пунктуацию, что свойственно далеко не всем чешским поэтам-переводчикам (и ему это удастся не во всех переводах), которые весьма вольно обходятся с пунктуацией оригинала, ее несоблюдение зачастую меняет весь смысл стихотворения. Поэтому здесь мы отдельно отмечаем переводческую верность авторскому синтаксису.

В переводе стихотворение также состоит из четырех строф и имеет кольцевую композицию, где четвертая строфа — эхо первой. Переводчик в целом сохраняет авторский синтаксис, построение фраз, повторы. В первой строфе повтор «Из царства льдов, из царства вьюг и снега», усиливающий значимость

зимы, переводчиком не сохранен, он лишь перечисляет *Z království ledu, vánice a sněhu* (из царства льда, вьюги и снега).

Следуя за оригиналом, переводчик начинает стихотворение с восклицаний — выражения восторга. Начало второй строфы — также восклицание. Переводные строчки выдержаны в авторском кратком построении фраз в первой и, самое главное, в третьей строфе, где краткость предложений, состоящих лишь из подлежащего и сказуемого, играет важную роль, притягивая внимание к образу берез как к самому значимому.

Очень важной представляется передача переводчиком одического звучания стихотворения, что достигается сохранением авторской постановки определения после существительного: «за песнью соловьиной» (*píseň slavičí*), «лист полупрозрачный» (*lístěčky průsvitnými*), «деве новобрачной» (*dívka vdaná*); И. Славик и далее следует этому стилю, переводя строчку «Разносится тревога и любовь» как *neklid milostný i lásky jas*. То же можно сказать и о передаче строчки, где сказуемое ставится Фетом перед подлежащим: *vzlétá máj* (вылетает май).

Отдельно остановимся на переводе третьей и четвертой строф. Третья строфа, как было сказано выше, представляет собой один из центральных метафоричных образов пробуждающейся природы и выражает стремление слиться с ней: «Березы ждут. Их лист полупрозрачный / Застенчиво манит и тешит взор». В переводе опущен глагол «манит», переводчик лишь использует глагол *těšit* (утешать, доставлять радость): *Čekají břízky. Vábí ostýchavě, / lístěčky průsvitnými těší zrak*. Таким образом, в переводе утеряно стремление слиться с природой, быть причастным к таинству пробуждения, мы видим лишь наблюдения созерцателя. Далее торжество происходящего подчеркнуто строками «Они дрожат. Так деве новобрачной / И радостен и чужд ее убор», которые в переводе звучат как предложение, содержащее сравнение: *Chvějí se jako dívka vdaná právě. / Ten šat je milý jí i cizí tak*. В последней строке мы обращаем внимание на слово-подпорку *tak*, которое поддерживает рифму *zrak — tak*.

Перевод последней строфы наиболее интересен, поскольку здесь проявляется кольцевая композиция, свойственная Фету. Обращение к ночи

переходит в метафизику повествования, когда состояние героя от восторга выливается в метафизическое, философское созерцание и размышление. В переводе есть соотнесенность с первой строфой: переводчик передает образ ночи как *tvář tmy* (лицо тьмы), однако обращение не сохранено, следовательно, не сохранен и синтаксис: строфа состоит из двух повествовательных предложений. Глагол «томить» переведен глаголом *mučit* (пытать, мучить). В переводе герой говорит о том, что никогда еще не приходилось так мучительно заглядывать в лицо тьмы: *v tvář tmy mě nemučilo pohlížet* (*pohlížet* — поглядывать, посматривать). У Фета герой обращается к ночи: «Опять к тебе иду с невольной песней, / Невольной — и последней, может быть», — т. е. данное состояние знакомо, оно уже было пережито. Сопричастность таинству ночной весенней природы, когда приходят откровения, — вот смысл фетовских строк. В переводе И. Славика не передано то, что герою уже знакомо это состояние, воспроизводятся лишь торжественность момента и сопричастность ему. Майская ночь сулит человеку счастье, но ночь — это бездна, и он уносится в бездну, в вечность.

Подводя итог, отметим, что текст И. Славика представляет собой полноценный художественный перевод, который максимально близко воспроизводит содержание и образы стихотворения Фета.

В качестве примера перевода описательной формы, создающей пейзаж, возьмем стихотворение «Чудная картина...» и его чешский вариант И. Славика.

* * *

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна.

Kraji čarokrásný,
jak tě dobře znám:
rovina se jasní,
Úplněk je sám,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

světlo ve výšinách,
dole jiskří sníh,
v dáli po planinách
Jízda na saních.

Это стихотворение называют эскизом, «белым по белому».¹⁷¹ Действительно, пейзаж, изображенный Фетом, бездвижен. Здесь нет глаголов, однако, читая стихотворение, мы будто следуем за взглядом поэта: он обращен вниз в самом начале стихотворения (равнина), затем вверх (луна, небеса) и в конце снова вниз (снег, бег). Авторской композиции переводчик следует точно. Мы увидели пейзаж, который служит лишь иллюстрацией к ощущению поэта. Пейзаж составляет единое целое с эмоцией. Для фетовских миниатюр характерна сознательная недоговоренность, которая предполагает наличие подтекста, цель которого — вынудить читателя самого ощутить эмоцию, а также «сделать его соучастником художественного наслаждения».¹⁷² Переводя стихотворение на чешский язык, И. Славик отходит от безглагольности повествования и уже во второй строке использует глагол *znám*, что несколько отдаляет перевод от эмоции, заложенной в оригинале. Путь, которым следует переводчик, подсказан языковым строем чешского языка, где невозможно безглагольное построение предложения. При этом размер переводчик сохраняет: и в оригинале и в переводе используется хорей.

Фетовское восхищение «Чудная картина, / как ты мне родна» в переводе И. Славика (*kraji čarokrásný, jak tě dobře znám* — край чудесный, как хорошо я тебя знаю) задает стихотворению спокойный описательный тон. Далее фетовские перечисления «Белая равнина, / Полная луна. / Свет небес высоких, / И блестящий снег» в переводе *rovina se jasní, úplněk je sám* теряют трепетность, заданную поэтом первыми двумя строками. Безглагольная фетовская строка «И блестящий снег» в переводе получает глагол *jiskřit* (сверкать). Восторг поэта от того, как блестит снег при полной луне, в чешском варианте *dole jiskří sníh* (внизу искрится снег) наполняется спокойствием, созерцательностью. Последние две строчки стихотворения необычайно наполняют динамикой кажущийся бездвижным пейзаж: «И саней далеких одинокий бег». В переводе читаем: *v dáli po plánínách jízda na saních* (в дали по равнинам езда (катание) на санях). Заданный поэтом

¹⁷¹ Gustafson R. F. The Imagination of Spring: The Poetry of Afanasy Fet. New Haven; London, 1966. S. 130.

¹⁷² Сухова Н. П. Лирика Афанасия Фета. М., 2000. С. 64.

образ бесконечной дали точным, лаконичным штрихом «и саней далеких» в переводе передан непосредственно словом «даль» — *v dáli*. Кроме того, у Фета «одинокый бег», а в переводе чувство одиночества героя не передано.

Несколько отошел от оригинала и образ одинокой санной повозки: при передаче на чешский язык переводчик использует слова *jízda na saních* (катание, езда на санях), что несколько уводит от фетовского образа, наполняющего простую пейзажную зарисовку глубиной и многозначностью. Здесь мы имеем дело с «особенностью языкового характера, которая всегда вызывает затруднения у чешских переводчиков с русского, — это разница в семантической частоте, или фреквенции значимых слов. Для выражения одного и того же понятия требуется либо больше русских слов, чем чешских, либо используемые слова отличаются по количеству слогов: средняя статистическая длина слова в чешском языке — 2,4 слога, в русском — 3,0 слога. Это заставляет чешских поэтов-переводчиков прибегать к повторам или использованию словесного балласта, который не добавляет ничего существенного по смыслу».¹⁷³ Примером различия в семантической частоте может служить и последняя строка первого четверостишия «Полная луна» (в переводе И. Славика — *úplněk je sám*). Для обозначения явления полнолуния в русском языке используется словосочетание «полная луна». Отметим, что образ полной луны поэтичен, несет в себе некий подтекст загадочности, таинственности, торжественности происходящего. Фет не случайно использует этот образ, подчеркивая значимость пережитой эмоции. В чешском языке полнолуние, полная луна передается с помощью одного слова — *úplněk*. Однако чтобы передать ритм и содержание фетовской строки, переводчик к чешскому *úplněk* добавляет *je sám* (одинок). Перед чешским читателем возникает образ одинокой полной луны, соответствующий авторскому замыслу.

С точки зрения передачи ритмической интонации и внутреннего ударения стиха И. Славик точно следует за оригиналом. Несмотря на то что в русском стихе наиболее последовательно выдерживается ударение последнего слога стиха

¹⁷³ Жакова Н. К. Теория и практика перевода. Русская поэзия в чешских переводах в первой половине XIX века: учебно-методическое пособие. М., 1988. С. 22.

как определяющее границу стиха, а в чешском определяющей границей является начало стиха, т. е. наиболее последовательно сохраняются ударения на первой стопе,¹⁷⁴ переводчику удастся передать внутренний ритм и характер ударений стихотворения.

2.3.4. А. А. Фет-метафизик в чешском восприятии

Известно, что А. А. Фет вступил в ряд метафизиков, дебютировав своим сборником «Лирический пантеон» (1840 г.). В 1890-е гг. он был заново открыт критиками как поэт-философ,¹⁷⁵ однако причислен к школе представителей течения «искусства для искусства», и его репутация как поэта «чистого искусства» долгое время главенствовала в литературоведении.¹⁷⁶ О «метафизической эстетике» Фета впервые писали критики Д. Дарский (1916 г.) и Ю. Никольский (1917 г.).¹⁷⁷

В литературоведении XX в. и в современном литературоведении самый «популярный» вопрос, поднимаемый при исследовании творчества Фета, — это вопрос о его религиозных воззрениях: так был или не был Фет атеистом?¹⁷⁸

¹⁷⁴ Там же. С. 20.

¹⁷⁵ В 1896 г. его имя было включено П. Перцовым в книгу «Философские течения русской поэзии»; по словам Никольского, Фет воздвиг «золотой мост» между философией и поэзией, несмотря на то что на метафизические тенденции в лирике Фета указывал Д. Дарский, говоря о том, что не менее убежденно, чем Лермонтов, Фет утверждает свое метафизическое первородство: «Он здешний, а принадлежит к иному бытию» (Философские течения русской поэзии: избранные стихотворения и критические статьи / сост. П. Перцов. М., 1896. С. 243–279).

¹⁷⁶ Исследователи творчества поэта до сих пор активно ссылаются на труды Р. Густафсона и Б. Я. Бухштаба, писавших об этом в 1960–1970-е гг. (см., напр.: *Gustafson R. F. The Imagination of Spring: The Poetry of Afanasij Fet*. New Haven; London, 1966; *Бухштаб Б. Я. А. А. Фет: очерк жизни и творчества*. Л., 1974). В какой-то мере это мешало восприятию Фета как «метафизического» лирика в 1960–1970-е гг. Так, филолог из Франции С. Пратт в работе «Русский метафизический романтизм» Фета не упоминает, хотя поэзия Фета и Тютчева расценивается как переходное звено от метафизической поэзии к ранним русским символистам — Вл. Соловьеву и В. Брюсову, у которых метафизика проявляется в творчестве ярко (*Pratt S. Russian Metaphysical Romanticism. The Poetry of Tjutchev and Boratynskii*. (Русский метафизический романтизм. Поэзия Тютчева и Баратынского). Stanford, 1984).

¹⁷⁷ Дарский Д. С. «Радость земли»: исследование лирики Фета. М., 1916; Никольский Ю. А. История одной дружбы. Фет и Полонский // Русская мысль. М., 1917. № 5/6. С. 82–127.

¹⁷⁸ В советском литературоведении ответ был однозначным: Фет, конечно, был атеистом, увлеченным философией Шопенгауэра, при этом неповторимым лириком, певцом русской природы. Главное внимание исследователей было приковано к его безглагольным стихам, любовной лирике, противопоставлению Фета Некрасову, а стихи метафизического и даже религиозного содержания оставались вне внимания, что вполне объяснимо идеологическими условиями советского времени. Однако в 1982 г. советский исследователь А. Е. Тархов в предисловии к двухтомному изданию стихотворений Фета заявил о голословности утверждений об атеизме поэта (*Тархов А. Е. «Музыка груди» (о жизни и поэзии Афанасия Фета)* // Фет А. А. Сочинения: в 2 т. М.,

В середине 1990-х гг., начали появляться исследования, заново «открывавшие» классика русской поэзии.¹⁷⁹

Таким образом, изучение творческого наследия Фета в России достаточно динамично: от «примитивного» понимания как поэта чистого искусства, без его метафизики, религиозной составляющей в 1950–1980-е гг. — до полного противоречий осмысления к 2000-м гг. Ниша эта остается не до конца заполненной, поскольку лишь сейчас исследователи начинают смотреть на

1982. Т. 1. С. 5–38). Это послужило поводом для дискуссии 1984 г., развернувшейся на страницах «Вестника Русского христианского движения», где против точки зрения, утверждающей атеизм Фета, которой придерживался в том числе и Е. Эткинд, выступил Н. А. Струве. В ответ на эти заявления М. Макаров предпринял попытку разрешить противоречия и вновь вернуться к мнению о раздвоенности, характерной для Фета: помещик Шеншин и поэт Фет (*Струве Н. А. О мировоззрении А. Фета: был ли Фет атеистом? // Вестник русского христианского движения. Париж, 1983. № 139. С. 169–171; Эткинд Е. О мировоззрении А. Фета и культуре полемики // Вестник христианского движения. Париж, 1984. № 141. С. 169–174; Макаров М. К полемике о мировоззрении А. Фета: «Шеншин и Фет» // Вестник русского христианского движения. Париж, 1984. № 142. С. 303–307*).

¹⁷⁹ В 1995 г. (5 декабря) исполнилось 175 лет со дня рождения Фета, и это событие широко отмечалось в нашей стране: прошли конференции в Курске, Орле, Санкт-Петербурге, были организованы многочисленные выставки, посвященные Фету. По результатам 10-й Фетовской конференции в Курске (5–7 декабря 1995 г.) в 1999 г. был выпущен сборник научных трудов (А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. научных трудов. М., 1999), в котором впервые в постсоветскую эпоху исследователи переосмысливали творчество поэта. Вопрос о религиозности Фета в этом сборнике поднимает докт. филолог. наук из Академии Финляндии В. А. Шеншина. Она рассматривает восприятие Фета в литературоведении XX в. с точки зрения его религиозности и говорит о знаковой статье А. Е. Тархова 1982 г. как об отправной точке в переосмыслении вопроса о религиозности поэта, подчеркивая, что те убеждения, которые Фет высказывал иногда в разговорах со своими современниками, воспринимались литературоведами как его собственная точка зрения. Говоря о глубокой религиозной наполненности стихотворений Фета, В. А. Шеншина дает подробный анализ метафизических стихотворений Фета, таких как «Нежданный дождь», «Был чудный майский день в Москве» (1857 г.), «Кому венец» (1865 г.) и др. и утверждает, что Фет раскрывается в своих произведениях как поэт, глубоко благодарный Богу за свой талант. В 2003 г. работы В. А. Шеншиной выходят отдельной книгой (*Шеншина В. А. А. А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. М., 2003*). В 2006 г. в полемику с В. А. Шеншиной вступает Т. А. Кошемчук (*Кошемчук Т. А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб., 2006. С. 412–544*). В главе, посвященной религиозно-философским мотивам в поэзии А. А. Фета, она говорит о значимости трудов В. А. Шеншиной, отдает должное новизне ее исследований, но при этом вносит новое в полемику о религиозном духе поэзии Фета. По ее мнению, В. А. Шеншина отвергает не только привычную точку зрения об атеизме Фета, но и не приемлет иную, тоже весьма популярную идею — о двойственности души поэта. «При всей благодарности автору за ее правомерную в контексте русской культуры точку зрения... остаются вопросы без ответов: книга все же не несет в себе полной убедительности, достаточного обоснования христианской религиозности поэта» (Там же. С. 415). Т. А. Кошемчук обосновывает именно идею о дуализме души поэта, как и В. А. Шеншина, приводя целый ряд дореволюционных публикаций, в которых доказывалась религиозность поэта. По мнению Т. А. Кошемчук, Фет не был ни атеистом, ни стихийным материалистом, ни язычником, ни пантеистом, ни деистом, ни шопенгауэрианцем. В своих стихах он проявляет себя как человек глубокого христианского сознания, искренней веры, живущей в душе, которая, однако, сталкивается порой с глубокими сомнениями разума, усугубленными, а не разрешенными в штудиях немецкой идеалистической философии (Там же. С. 424–443). Т. А. Кошемчук утверждает, что если в детстве и юности православная вера была для Фета источником его поэзии, то во второй половине жизни у него проявилось охлаждение к православной церковности (Там же. С. 449–450). В качестве противопоставления этой точке зрения можно привести мнение монаха Лазаря (В. В. Афанасьева), утверждающего совершенно обратное: трагический накал его поэзии не оставляет сомнений в том, что Фет искал Бога. Искал и нашел Его. А цикл стихотворений о Марии Лазич — крайне своеобразное и глубочайшее покаяние. Таким образом, именно через трагедию с Лазич Фет приходит к Богу, и происходит это именно во второй половине жизни поэта. По мнению монаха Лазаря, природа у Фета живет осмысленно, одухотворенно, поскольку он понимает ее божественный язык, а вера в его стихах не всегда выражается прямо (*Монах Лазарь (В. В. Афанасьев). «Там человек сгорел!» Афанасий Фет и Мария Лазич: жизненная трагедия как источник поэтического творчества // Русский литературоведческий альманах. Вып. 2: сб. статей к юбилею В. Н. Аношкиной (Касаткиной). М., 2011. С. 240–261*).

творчество Фета под иным углом зрения, освободиться от каких-либо идеологических рамок, сравнивать, выявлять влияние его творчества не только на отечественную литературу, но и на зарубежных авторов. Фет-метафизик чехам не знаком. Переводов метафизических стихотворений Фета на чешский язык нет. Исключение составляют несколько стихотворений, опубликованных в теологическом журнале «Архи» (1948 г.) под редакцией Й. Флориана,¹⁸⁰ и стихотворение «Был чудный майский день в Москве» (1857 г.), включенное И. Славиком в сборник переводов 1964 г.

* * *

* * *

Был чудный майский день в Москве;
Кресты церквей сверкали,
Вились касатки под окном
И звонко щебетали.

Máj čarokrásný v Moskvě byl,
kříže se z cerkví blyskotaly,
jiříčky létly pod oknem
a nahlas štěbetaly.

Я под окном сидел, влюблен,
Душой и юн и болен.
Как пчелы, звуки в далеке
Жужжали с колоколен.

Tam zamilován seděl jsem,
i mlád i obolelý.
Jak včely zvuky daleké
ze zvoníc k sluchu zněly.

Вдруг звуки стройно, как орган,
Запели в отдаленьи;
Невольно дрогнула душа
При этом стройном пеньи.

Tak souladně jak varhany
to v dálce zaspívalo,
bezděky při tom nápěvu
chvění mnou probíhalo.

И шел и рос поющий хор, —
И непонятной силой
В душе сливался лик небес
С безмолвною могилой.

A šel a rostl zpěvný chór,
že nevím, jakou silou
zář nebes v duši slila se
s tím tichem nad mohylou.

И шел и рос поющий хор, —
И черною грядю
Тянулся набожно народ
С открытой головою.

A šel a rostl zpěvný chór
svou černou řadou tmavou,
nábožně ubíral se lid
kol s obnaženou hlavou.

¹⁸⁰ *Slovník české literatury po roce 1945.* [Электронный ресурс]. URL: www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=68&hl=+afanasij+fet+ (дата обращения: 03.06.2014).

И миновал поющий хор,
Его я минул взором,
И гробик розовый прошел
За громогласным хором.

Струился теплый ветерок,
Покровы колыхая,
И мне казалось, что душа
Парила молодая.

Весенний блеск, весенний шум,
Молитвы стройной звуки —
Все тихим веяло крылом
Над грустию разлуки.

За гробом шла, шатаюсь, мать.
Надгробное рыданье! —
Но мне казалось, что легко
И самое страданье.

(1857)

A přešel zpívající chór,
i mně se z očí ztrácel
s rakvičkou celou růžovou,
chór doburácel.

Povíval teplý větérek,
roušky se kolébaly,
a což má duše, duše má
zas mladá nevzlétá-li?

A jarní jas a jarní šum,
modliteb ladné znění —
vše válo křídlem tichounkým
nad hořem rozloučení.

Za rakví matka vrávorá,
vzlyk, při němž srdce puká.
Ale mně lehká zdála se
i sama tato muka.¹⁸¹

(1964)

И. Славик был глубоко верующим человеком. Его собственные стихи, наполненные метафизическим смыслом, не приветствовались властями и не печатались официально. Он относился к поколению, жившему в период насаждаемого атеизма, когда, по его словам, у христианского поэта было два пути: успешно приспособиться и, в конечном счете, пойти против себя, своей души, или оставаться человеком, поэтом ради награды, которая неосязаема, поскольку избравшего такой путь не будут публиковать, пропагандировать, он не будет услышан. Иными словами, в XX в., по мнению И. Славика, ситуация для поэта христианской направленности была очень сложной.¹⁸² Однако развитие чешского литературного процесса в 1963–1965 гг. позволило авторам, находившимся в рамках христианской традиции, высказываться на метафизические темы. К 1963 г. мотивы смерти, тоски, вечности стали все чаще

¹⁸¹ Máj čarokrásný v Moskvě byl // Fet A. Večery a noci. Praha, 1964. S. 150.

¹⁸² Slavík I. Po letech a nyní // Sborník Bitov 96 (Slovo na konci milénia) / ed. M. Pluháček. Nakladatelství Petrov, 1997. S. 91.

встречаться в чешской поэзии. Видение жизни как темноты, которая освещена проблесками детства, чистой любви и поэзией, было характерно для таких поэтов, как В. Голан, В. Завада, Й. Флориан, З. Ротрек, Й. Сухи, Я. Заградничек. В период с 1963 по 1965 г. в чешском литературном процессе наступает религиозная оттепель: из заключения выходят многие католические авторы, в 1963 г. закончилось заключение чешского архиепископа Берана (диссидента, противника тоталитаризма), в этом же году на базе богословского факультета им. Я. Гуса и на философском факультете Пражского университета были организованы духовные семинары, где велись дискуссии между христианами и марксистами.¹⁸³ И. Славик принадлежал к этим авторам, и то, что он обратился к переводам лирики Фета в 1964 г., объяснимо предоставившейся возможностью реализовать свой духовный потенциал через эту поэзию, наполненную метафизическим смыслом. В своих переводах он максимально отражал метафизическую составляющую поэзии Фета. Его выбор стихов для перевода, максимальное приближение к оригинальному смыслу создают наиболее верное прочтение поэзии Фета на чешском языке в 1960-е гг., когда даже в Советском Союзе подобное осмысление поэта не приветствовалось и не поощрялось. Создав сборник переводов стихотворений Фета на чешский язык, И. Славик (в 1964 г.!) продемонстрировал чешскому читателю многогранность и глубину поэзии Фета: он предстает в чешском переводе не только лириком природы, но и поэтом-метафизиком, поэзия которого имеет глубокую религиозную основу. Конечно, сложно представить, что в издание 1964 г. вошли бы стихотворения «Кому венец...» (1865 г.), «Добро и зло» (1884 г.) или «Чем доле я живу» (между 1874 и 1886 гг.), представляющее собой, собственно, стихотворное переложение молитвы «Отче наш». Однако в переводе И. Славика фетовские образы окна как окна в мир, лунного сияния, ночи — как периода, когда человек может стать сопричастным таинству, представлены как проявление глубокого религиозного

¹⁸³ Подробнее об этом: *Lehár J., Stich A., Janáčková J., Holý J. Česká literatura od počátků k dnešku. Praha, 2006. S. 779–780, 786, 789.*

воззрения поэта, о чем в этот же период в русском литературоведении не могло быть и речи.

И. Славик знакомил чешского читателя с творчеством крупного русского поэта, представляя его не только как поэта чистого искусства, но и как поэта-метафизика. Однако чешское восприятие Фета как поэта чистого искусства превалировало, и никаких переизданий сборника переводов И. Славика не последовало. Кроме того, такое переводческое поведение в эпоху социалистического режима не поощрялось и не могло не сказаться на карьере переводчика.

В сборнике переводов 1974 г. Я. Кабичека метафизических стихотворений нет, переводчик не придает метафизического значения и фетовским образам. Для современных чешских ученых-литературоведов Фет по-прежнему остается романтиком. Мы не находим в последнее время каких-либо научных работ на чешском языке о новейшем понимании поэзии Фета как метафизической, содержащей религиозные мотивы. Лишь наличие русских книг, изданных в 2000-е гг., в каталоге Национальной библиотеки в Праге говорит о том, что и для чешских исследователей эта научная ниша представляет собой большой потенциал, внимание которому пока не уделяют. Вопрос о современном чешском невосприятии Фета как поэта метафизического стоит рассмотреть с точки зрения отношения чехов к религии как таковой. На первый взгляд, Чехия — католическая страна, в которой католическая церковь в XIX — начале XX вв. (период, когда чехи могли узнавать Фета) играла важную роль: она поддерживала политику Австро-Венгерской империи. Однако чехи критично относились к католической церкви в своей стране, что нашло свое отражение и в литературе: такой критический тон по отношению к церкви задавали в своих произведениях К. Гавличек, К. Светлая, В. Галек. Иными словами, можно говорить о том, что религиозная составляющая стихотворений русского поэта в конце XIX в. (когда сведения о Фете начали проникать в Чехию через русские журналы, через переводы Й. Сладека и Ф. Халупы, статьи А. Н. Пыпина, статью в «Научной энциклопедии Отто») их не интересовала. В XX в. метафизические стихи и их

переводы на чешский язык не приветствовались властью, насаждавшей атеизм; в XXI в. переводов стихов такого рода также не существует. Объяснить этот факт можно тем, что современная Чехия необычна с точки зрения религии: являясь католической страной, она является также одним из исторических центров православия и родиной реформаторского движения гуситов.¹⁸⁴ При этом, по официальным сведениям чешского статистического центра, Чехия занимает первое место по количеству атеистов в Европе.¹⁸⁵

Таким образом, в Чехии отношение к религии всегда было неоднозначным: от критического в период Австро-Венгерской империи до спокойного и толерантного к остальным религиям в современной Чехии. Это и объясняет выбор переводчиками стихотворений Фета для перевода в разные периоды: религиозный подтекст в поэзии Фета чехов не интересовал и не интересует, чем мы можем объяснить отсутствие переводов и литературоведческих исследований метафизической составляющей поэзии Фета на чешском языке. Появление отдельных метафизических стихотворений (в имеющем теологическую направленность журнале «Архи» (1948 г.) и стихотворения в сборнике 1964 г. в переводе И. Славика) объяснимо личным выбором издателя и переводчика, которые были глубоко верующими людьми.

2.3.5. Ярослав Кабичек — переводчик А. А. Фета

Другой крупный переводчик, издавший книгу своих переводов стихотворений А. А. Фета, — Ярослав Кабичек (1931–1996). Он родился 11 октября 1931 г. в Велетине. В 1954 г. он окончил философский факультет Карлова университета в Праге. Я. Кабичек жил в Праге, работал в разных журналах и издательствах, переводил с русского, литовского, украинского и

¹⁸⁴ День Яна Гуса (6 июля) в Чехии является национальным праздником.

¹⁸⁵ По официальным статистическим данным за 2014 г., 27 % чехов принадлежат к римско-католической церкви, 2 % — протестанты, около 3 % — приверженцы Чешской реформаторской и Гуситской церквей, при этом 59 % граждан Чехии вообще не относят себя к какой-либо религии. См. об этом: Český statistický úřad. Veřejná databáze. [Электронный ресурс]. http://vdb.czso.cz/vdbvo/hledej.jsp?vo=mapa&q_text=vyzn%C3%A1n%C3%AD&q_rezim=3 (дата обращения: 03.07.2015).

французского, также был соавтором-составителем множества антологий поэзии, редактором чешских журналов «Кветы», «Мировая литература» и издательства «Одеон». В последние годы жизни работал также в издательствах «Торст» и «Чешский писатель».

Из-под его пера вышло множество стихотворных переводов. Будучи русистом, Я. Кабичек отдавал предпочтение русской поэзии. Так, отдельными книгами опубликованы его переводы А. Белого, А. Твардовского, Г. Горбовского, А. Суркова, Б. Слуцкого, Н. Гумилева и А. Фета. Его первые переводы А. Белого были оценены известным исследователем поэзии и поэтического перевода Яном Забраной; кроме того, Я. Кабичек считался непревзойденным переводчиком Николая Гумилева.¹⁸⁶

Для анализа возьмем стихотворение «Сияла ночь. Луной был полон сад...» (1877 г.). На чешском оно существует только в переводе Кабичека, но выбрано для анализа по принципу известности: это стихотворение — одна из наиболее известных фетовских «мелодий». Его разбором и анализом структуры и композиции занимались Б. М. Эйхенбаум, Д. Д. Благой, Б. Я. Бухштаб, И. И. Ковтунова, А. М. Ранчин. Мы приведем здесь общую картину анализов этого текста и сопоставим ее с чешским переводом Я. Кабичека 1974 г.

Стихотворение вызывает интерес уже тем, что имеет автобиографическую основу. Как известно, оно было написано Фетом под впечатлением от пения Т. А. Кузьминской (в девичестве Берс, 1846–1925), сестры С. А. Толстой — жены Л. Н. Толстого. Стихотворение подписано 2 августа 1877 г., когда после обеда в имении Д. А. Дьякова Черемошне Т. А. Кузьминская пела, в частности, романс Булахова «Крошка» на стихи Фета. Этот факт отражен в воспоминаниях самой Кузьминской, но за 1866 г. Однако исследователи отмечают ошибку памяти мемуаристки: вечер действительно был в 1866 г., о чем свидетельствует письмо Толстого Т. А. Берс (Кузьминской) и Д. А. и А. Д. Дьяковым от 25 мая 1866 г.¹⁸⁷ Но Б. Я. Бухштаб в примечаниях к изданию стихотворений Фета 1959 г. указал на

¹⁸⁶ *Kabíček J. Z neotištěných překladů* // [Электронный ресурс]. URL: www.souvislosti.cz/196/3.pdf (дата обращения: 05.04.2014).

¹⁸⁷ Цит. по: Ранчин А. М. Путеводитель по поэзии А. А. Фета. С. 116–117.

строки стихотворения «И много лет прошло, томительных и скучных», а также на письмо Фета Толстому от 3 августа 1877 г., которые говорят о написании стихотворения 2 августа 1877 г. По мнению Б. Я. Бухштаба, воспоминание об описанном Т. А. Кузьминской вечере вдохновило Фета, очевидно, когда он через много лет вновь услышал ее пение.¹⁸⁸ Монах Лазарь (В. В. Афанасьев) приводит подробную историю создания текста и утверждает, что название «Опять», данное стихотворению самим Фетом, указывает на то, что вечер действительно повторился некоторое время спустя, и стихотворение, как видно из переписки Фета, действительно было написано не в 1866, а в 1877 г. И рояль был на вечере 1 августа 1877 г., а годом раньше Кузьминская пела под гитару, о чем Фет и писал Толстому в письме: «Фет мне пишет, что он провел у вас (Дьяковых), по его словам, эдемский вечер с гитарой и соловьями и что на этом вечере Таня пела от 8 до 2-х часов».¹⁸⁹ Он утверждает, что стихотворение написано навеянными воспоминаниями о М. Лазич, которая была, как известно, виртуозной пианисткой и музыкантом, и от трагичной, загадочной гибели которой Фет не оправился до конца своих дней. Фета нельзя понять вне М. Лазич, пишет монах Лазарь. «Именно ночь, музыка, фортепиано и пение Кузьминской, которой Фет как человек был чужд, перенесло поэта в другое измерение — в конец 1840-х гг. Только через воспоминания о М. Лазич можно понять, — пишет монах Лазарь, — все сложные чувства этого стихотворения».¹⁹⁰

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песню твоей.

Zářila noc. A luna v sadě. Potemnělý
hostinský pokoj tonul v moři odlesků.
Klavír byl otevřený, struny v něm se chvěly,
jak plachá srdce, pod tvou písni o stesku.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,

Až do svítání, pláčem vysílena zcela,
vyzpívávalas –sama láska — lásku svou,

¹⁸⁸ Бухштаб Б. Я. А. А. Фет // Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Л., 1959. С. 74.

¹⁸⁹ Цит. по: Монах Лазарь (В. В. Афанасьев) «Там человек сгорел!» С. 256.

¹⁹⁰ Там же. С. 257.

И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

2 августа 1877 г.

a tak se chtělo žít, odevzdat vášni těla,
milovat, objímat a plakat nad tebou!

A přešlo mnoho let a všechny nudné, plané,
a hle, v tmách ticha znovu slyším známý hlas,
a jako tehdy z něho v plné síle vane,
že, sama láska, navždy láskou zůstalas.

Že nejsou jenom rány, srdce zkamenělá,
že život nekončí a věčně vede svou,
že stále chce se žít, odevzdat vášni těla,
milovat, objímat a plakat nad tebou!¹⁹¹

Стихотворение входит в цикл «Вечерние огни» и открывает раздел «Мелодии». Оно состоит из четырех строф, но как указывает Б. М. Эйхенбаум, эти строфы ясно распадаются на 2 и 2.¹⁹² Композиция стихотворения симметрична: и первая, и вторая части завершаются одинаковой строкой: «Тебя любить, обнять и плакать над тобой». Но в первом случае, когда рассказывается о первом пении героини, строка заканчивается точкой, а в конце стихотворения — восклицательным знаком. На эту особенность композиции стихотворения указывает и И. И. Ковтунова.¹⁹³ Д. Д. Благой находил параллель фетовского стихотворения с «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина, у которого два видения соотносятся с двумя пениями у Фета.¹⁹⁴ В первой части стихотворения мы видим ночную пейзажную зарисовку, во второй указано лишь на ночную тишь; первая часть — единство музыки и любви, вторая — философская рефлексия: торжество вечной жизни, счастья и блага. Отсюда мотив слез, который проходит через все стихи Фета, мотив восторга, когда что-то трогает душу поэта до слез, как это бывает с музыкой, и связь фетовских стихов с музыкой, в которых «рыдающие звуки», героиня «в слезах изнемогая» пела, а герою хотелось «плакать над тобой». О музыке в стихах Фета писали многие. Д. Д. Благой

¹⁹¹ Fet A. Roční doby života. Praha, 1974. S. 71.

¹⁹² Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха. СПб., 1922. С. 171.

¹⁹³ Ковтунова И. И. Очерки по языку русских поэтов. М., 2003. С. 77.

¹⁹⁴ Благой Д. Д. Мир как красота (о «Вечерних огнях» А. Фета). М., 1975. С. 64–65.

указывал на то, что музыка и пение в трактовке Фета осмыслились как гармоническая сущность мира. А. Е. Тархов говорил, что для Фета музыка хранит в себе тайну о некой первоначальной связанности и слитности всех самых противоположных вещей и явлений мира.¹⁹⁵ Таким образом, музыка, слушатель, женская красота становятся в лунную ночь единым целым, средоточием бытия и способствуют уходу в другую реальность.

Образный строй стихотворения складывается из образа природы (лунная ночь, переходящая в утреннюю зарю), музыки (раскрытый рояль, дрожащие струны), пения (голос, звучные вздохи, рыдающие звуки) и лирического «я» (желание любви, плача, дрожащие сердца). Образ лунной ночи, сада, полного (залитого) лунным светом, выводит нас за пределы комнаты, раскрывая пространство. Этот образ — готовность к открытию чего-то великого, непостижимого днем — отражается или же продолжается в раскрытом рояле, который «был весь раскрыт» (местоимение «весь» усиливает это предчувствие). Дрожащие струны соотносятся с дрожащими сердцами, музыка готова литься из сердец.

Заря у Фета — пробуждение души. Подобно тому как пейзаж переходит от лунного света к заре, преобразуются чувства — пробуждается душа.

Стихотворение написано шестистопным ямбом, с перекрестной рифмой АБАБ, нечетные строки соединены женской рифмой, четные — мужской. Образ лунного сияния выделен в первой строке цезурой: «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...». То, что стихотворение написано шестистопным ямбом, М. Л. Гаспаров считает не случайным, так как данный размер подчеркивает философскую направленность стихотворения, еще с первых десятилетий XIX в. проникая в философскую лирику.¹⁹⁶ Особую роль играют синтаксис и звуковой строй. Стихотворение — своеобразная мелодия, которая нарастает и приходит к эмоциональному завершению (заканчивается восклицанием); таким образом, и интонация постепенно нарастает. В первой строфе повтор звуков *л* и *н*

¹⁹⁵ Тархов А. Е. «Музыка груди» (о жизни и поэзии Афанасия Фета) // Фет А. А. Сочинения: в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 32.

¹⁹⁶ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 165.

способствует созданию картины лунной ночи, а звук *p* отражает трепет и музыку; в третьей элегической, философской строфе звук *v* аккомпанирует и как бы воспроизводит вздохи, дыхание.

Чешский перевод Я. Кабичека, на первый взгляд, передает авторский замысел, однако рассмотрим его подробнее. Переводчик сохраняет оригинальный размер, в первой строке сохранена цезура: *Zářila noc. A luna v sadě. Potemnělý* — и оригинальный оксюморон «Сияла ночь» — *Zářila noc*. Однако, разбирая образы, примененные переводчиком, более подробно, можно отметить, что в первой строфе у переводчика гостиная тонет в море отблесков луны: *Zářila noc. A luna v sadě. Potemnělý / hostinský pokoj tonul v moři odlesků*. Это достигается переводом фетовского предложения «Луной был полон сад» краткой констатацией *A luna v sadě* (луна в саду), когда у Фета не случайно, как мы говорили ранее, «Луной был полон сад», — это раскрытие, расширение пространства, единение с ночным таинством природы. В чешском же переводе все сосредоточено, наоборот, в гостиной, тонущей в лунном свете, а значит, уже ясно, что будет происходить что-то таинственное, — это подготовило читателя к действию в комнате. Таким образом, у Фета — полутьма («Лежали / Лучи у наших ног в гостиной без огней»), а в переводе помещение освещено (*Potemnělý / hostinský pokoj tonul v moři odlesků*).

Далее переводчик, утерев философскую наполняющую стихотворения, фетовское «Рояль был весь раскрыт и струны в нем дрожали» переводит, опустив важное с точки зрения смысла местоимение «весь»: *Klavír byl otevřený, struny v něm se chvěly*. Дрожание отражает связь «сердца — музыка» («Как и сердца у нас за песнею твоей»). Переводчик же добавляет, что это песнь о тоске: героиня — главный персонаж стихотворения, она — сама любовь, которая поет до самого рассвета (*svítání*) свою песнь о тоске: *jak plachá srdce, pod tvou písní o stesku*.

Наконец, авторская кольцевая композиция сохраняет авторский композиционный замысел, однако смысл искажен. В чешском варианте герою «так хотелось жить, отдаться страсти тела, любить, обнимать и плакать над

тобой», тогда как у Фета этим строчкам придается совсем иной смысл: «...чтоб звука не роняя, / тебя любить, обнять и плакать над тобой». Здесь передается порыв автора, переживающего момент, уже случавшийся в его жизни. Именно «обнять», а не «обнимать»; и «звуча не роняя» — дабы не спугнуть, не утратить на мгновение явившееся видение (увидеть хоть на мгновение — вот смысл строчек). В переводе же герою в лунном свете явилась сама любовь, узрев которую захотелось жить, отдаться страсти. Вот поэтому вторая строфа у Кабичека и заканчивается эмоционально — восклицанием: *a tak se chtělo žít, odevzdat vášni těla, / milovat, objímat a plakat nad tebou!* Таким образом, переводчик от духовного состояния переходит в плотское, заменяя духовный порыв страстью.

Мотив слез, рыданий в переводе Я. Кабичека в последней эмоциональной фетовской строфе не передан вовсе. Он закольцевал композицию своего перевода повтором строк *že stále chce se žít, odevzdat vášni těla, / milovat, objímat a plakat nad tebou!*, изменив лишь время (во второй строфе — *a tak se chtělo žít* (так хотелось жить), а в последней — *že stále chce se žít* (все еще хочется жить)), поскольку во второй части, как и в оригинале, прошло много лет. В этом стихотворении Фет описывает чувства высокие, связанные с духовным состоянием человека, нигде не опускаясь до описания телесной страсти, а в переводе чешский читатель видит картину обратную.

Иногда перевод стихотворения на иностранный язык, его анализ и восприятие заставляют нас более пристально рассматривать и анализировать заложенный автором смысл, что дает возможность еще глубже проникнуть в скрытый авторский замысел. Рассмотрим с этой точки зрения стихотворение «Не ворчи, мой кот-мурлыка...» (1843 г.). Стихотворение продолжает целый ряд фетовских стихов 1840–1850-х гг., выстроенных на противопоставлении неизвестного, страшного мира за окном и уютного мира комнаты, дома, где находится герой. Первый и на сегодняшний день единственный перевод этого стихотворения на чешский язык был создан Я. Кабичеком.

* * *

* * *

Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;

Без тебя все та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра...

(1843)

Kocouře můj umíněný,
zanech svého vměnění!
Bez tebe by v naší zemi
bylo k nevydržení!

Bez tebe by oheň v plotně,
knůtek svíce, v okně stín
pohasly. A ke mně potmě
vrátil by se starý splín.

(1974)

Стихотворение состоит из двух строф, написанных перекрестной рифмой АБАБ: мурлыка (А) — полусне (Б) — дико (А) — стороне (Б). В нечетных строках — женская рифма, в четных — мужская. В чешском языке в связи со структурной особенностью (последние слоги — безударные) встречаются только два типа рифм: мужская и женская (или, как еще их называют, односложная и двусложная). Поэтому своеобразие рифм чешского перевода помогает передать ритмическую картину оригинала. Переводчик сохраняет размер оригинала — хорей.

Первая строфа представляет собой ласковое, любящее обращение к коту: «Не ворчи, мой кот-мурлыка». Образная структура стихотворения построена на антитезе «внешний мир — дом»: темный и дикий мир за пределами комнаты противопоставлен мирному «ворчанию», мурлыканью спящего кота, олицетворяющему покой и уют.

Образ кота как воплощение уюта, покоя часто используется Фетом. Мурлыканье, «пение» кота в поэзии Фета — олицетворение бесконечного, кот — образ предсказания, предзнания, устойчивый в русской поэзии и в русском фольклоре, и ласковое обращение к коту «кот-мурлыка» устойчиво в русском языке.¹⁹⁷

¹⁹⁷ См. об этом: Мурлыка // Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/188258/Мурлыка> (дата обращения: 07.05.2014).

Звуковой строй первой строки (повтор звука *p*) несет изобразительную функцию, передавая урчание спящего кота. В чешском переводе кот *umíněný* (упрямый, своенравный, строптивый). В переводе Я. Кабичека первая строфа также звучит как обращение, имитируя звуковым строем мурлыканье кота: *Kocouře můj umíněný, / zanech svého vrnění!*, однако синтаксис строк Фета, несущий смысловую нагрузку, не принят во внимание переводчиком: в чешском варианте первая строфа содержит два восклицательных предложения, что несколько искажает авторский смысл.

Фет как бы любяще успокаивает кота («Не ворчи, мой кот-мурлыка»), и двоеточие в конце второй строчки объясняет причину («Без тебя темно и дико / В нашей стороне»). Обращаясь к коту-любимцу, автор тем самым как бы успокаивает самого себя. С этим наблюдением соотносится кольцевая композиция стихотворения: последняя строчка («И опять хандра...») заканчивается многоточием. В переводе же Я. Кабичека эти строки звучат как ~~без тебя бы в нашей стране было к невыносимости!~~ путем построения восклицательных, законченных предложений: *zanech svého vrnění! / Bez tebe by v naší zemi bylo k nevydržení!* (перестань мурлыкать / без тебя бы в нашей стране было невыносимо!). Использование переводчиком слова *zemi* (страна) при переводе авторской строчки «в нашей стороне» придает переводу даже политическую окраску, что весьма допустимо для 1974 г. в Чехословакии. Тем самым главным героем стихотворения становится не автор, а кот, который тревожно мурлычет, ведет себя беспокойно, а автор уговаривает его прекратить.

У Фета строчки «Без тебя темно и дико / В нашей стороне» олицетворяют нечто бесконечное: мир за пределами комнаты, границей которому служит окно. В чешском варианте мотив бесконечности за счет перевода утерян: переводчик использует устойчивое разговорное выражение *bylo by k nevydržení!* (было бы невыносимо!). А уже во второй строфе фетовского стихотворения перед читателем предстает уютный «конечный» (имеющий свои границы — печка, окна, двери) мир комнаты.

Принцип кольцевой композиции, повторы («Те же окна», «Те же двери, та же свечка»), синтаксис (в стихотворении нет ни одной точки) способствуют описательности, недосказанности, что приписывают новаторству Фета, соотнося его имя с романтической, «песенной» традицией. Переводчик же во второй строфе продолжает уговаривать кота: без тебя бы огонь в плите, фитилек свечи, тень в окне погасли (*Bez tebe by oheň v plotně, / knůtek svíce, v okně stín / pohasly*), причем, перенос слова «погасли» на другую строку создает акцент. И здесь же, на этой же строке как последний аргумент в призыве к коту прекратить свое беспокойство: *A ke mně potmě / vrátil by se starý splín* (а ко мне в темноте вернулась бы старая хандра).

Таким образом, борьба конечного с бесконечным в фетовском стихотворении совсем не передана при переводе на чешский язык. Образ окна, несущий такую важную философскую нагрузку, утерян. Игнорирование авторского синтаксиса, исполняющего одну из ключевых ролей в строении стихотворения, сыграло злую шутку с переводчиком, уведя его от авторского замысла и перевернув фетовское стихотворение в чешском переводе «с ног на голову». Здесь сошлемся на слова поэта Д. Самойлова о переводе поэзии: «Сравнивать нужно не строку со строкой, а стихотворение со стихотворением. Только тогда станет ясно, постиг ли переводчик интонационный строй стиха, воплотил ли его идею, воссоздал ли особенности формы. При этом надо охватить стихотворение в целом, решить, воссоздано ли главное — мысль, интонация, эмоциональный колорит, а потом уже добиваться сходства в деталях».¹⁹⁸ Сравнивая и охватывая в целом стихотворение «Не ворчи, мой кот-мурлыка...» в переводе Я. Кабичека, все-таки решим, что главное — мысль, интонация и эмоциональный колорит фетовского стихотворения — не воссоздано, поэтому и сходства в деталях мы от переводчика требовать не будем.

¹⁹⁸ Самойлов Д. Сравнение перевода с оригиналом // Самойлов Д. Редактор и перевод: сб. статей. М., 1965. С. 62.

2.3.6. Из последних находок: переводы А. А. Фета на чешский язык второй половины XX века

Через 20 с лишним лет после выхода книги переводов Я. Кабичека, в 1996 г. в № 2 чешского журнала «Texty» был опубликован перевод двух стихотворений А. Фета: «Чудная картина» (1842 г.) и «В лунном сиянии» (1885 г.). Автор переводов — молодой писатель, переводчик, журналист, редактор, выпускник философского факультета Пражского университета Рене Кочик. Он переводит со многих славянских языков, в его переводах можно прочесть некоторые стихотворения Тютчева, Шевченко, А. Толстого. «Мелодичная, музыкальная русская поэзия, пронизанная типично русской ностальгией, — читаем мы в предисловии Далибора Малины, коллеги Р. Кочкика, — с природными и любовными мотивами, поэзия, которая восходит к “чистому искусству”, лишь на первый взгляд является для переводчика простым делом. Эта поэзия, однако, и в особенности любимая им лирическая миниатюра — шедевр, где стих выражает авторское переживание конкретного момента. Переводы на чешский язык Р. Кочкику удаются, он хорошо чувствует, что все нужно подчинить передаче момента, что это, в свою очередь, открывает дорогу к душе стихотворения. Способность глубоко чувствовать позволяет Р. Кочкику следовать за вдохновением самого поэта, не нарушая при этом его хрупкости».¹⁹⁹

Рассмотрим переводы этих двух стихотворений на чешский язык.

Первый текст 1842 г. «Чудная картина» — известная безглагольная фетовская миниатюра, входящая в цикл «Снега». Это стихотворение — описательное, создающее пейзаж; его называют эскизом, «белым по белому». Действительно, пейзаж, изображенный Фетом, бездвижен:

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:

* * *

Jsi krajina překrásná
-a já to vím

¹⁹⁹ Fet A. Jsi krajina překrásná // Texty. 1996. Č. 2. S. 5. [Электронный ресурс]. URL: www.casopis-texty.cz (дата обращения: 12.07.2011).

Белая равнина,
Полная луна.

Jsi planina bělostná
-ve svítu měsíčním.

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

(1842)

V tvém odlesku nebe
-sníh třpytivý spí
Ton samoty zebe
-před saněmi zní.

(1996)

Здесь нет глаголов, однако, читая стихотворение, мы будто следуем за движением взгляда поэта: он обращен вниз в самом начале стихотворения (равнина), затем вверх (луна, небеса) и в конце снова вниз (снег, бег). Чешский перевод Р. Кочика, на первый взгляд, весьма удачен: к авторской композиции переводчик максимально приближается, и чешский читатель также видит пейзаж, который служит лишь иллюстрацией к ощущениям поэта. Взглянув на чудную картину в чешском варианте, мы видим белоснежную равнину в свете луны (*jsi planina bělostná ve svítu měsíčním*), в чьем отражении неба спит блестящий снег (*v tvém odlesku nebe sníh trpytivý spí*). Вместе с тем авторский композиционный замысел, когда мы следуем за взглядом поэта (вверх и вниз), в переводе не передан. Пейзаж чешского варианта статичен, и эмоциональное напряжение — восторг Фета от того, как блестит снег при полной луне, — в чешском варианте оборачивается спокойствием и созерцательностью. Несомненно, к положительным чертам перевода отнесем переданную трепетность, которая присутствует в первых двух строчках стихотворения: «Чудная картина, / Как ты мне родна» — *Jsi krajina překrásná / -a já to vím*.

Переводя стихотворение, Р. Кочик, как и его предшественники, отходит от безглагольности повествования. Этот путь, по которому идут многие чешские переводчики, обусловлен языковым строем чешского языка, где невозможно безглагольное построение предложения.

Отдельно отметим передачу важного образа полной луны. Этот образ поэтичен, несет в себе некий подтекст загадочности, таинственности, торжественности происходящего. Фет не случайно использует именно его,

подчеркивая значимость пережитой эмоции. В переводе Р. Кочика полная луна заменена «лунным светом» (*ve svítu měsíčním*). Ритмически же он максимально приближается к оригиналу: чешские строки, отойдя от фетовских безглагольных перечислений, искусно имитируют их за счет организации стихотворной строки. И это еще одна несомненная заслуга переводчика.

Более необычен — и тем интересен — перевод второго стихотворения Фета, опубликованный вместе с «Чудной картиной» в этом же номере журнала, стихотворение 1885 г. «В лунном сиянии», входящее в фетовский цикл «Мелодии».

В лунном сиянии

Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
В темном молчании!

Пруд как блестящая сталь,
Травы в рыдании,
Мельница, речка и даль
В лунном сиянии.

Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии!

(1885)

V měsíční záři

Rád v naději
toulám se krajinou
ač mlčení tíživé kálí můj smích
při toulání ve dvou, snad chmury se rozplynou,

naleznem jiné dny v měsíčních paprscích.
A asi jen díky,
zoufale tajemná, nahořklá dál,
je neslyšná láska podobná mytu?
řička i rybník se oparem halí,
Lesknou se perly v měsíčním třpytu.

Je vůbec možno
Můj stesk s láskou skloubit?
-co povíš mi asi, líbezná tváři?
Pojď, půjdeme spolu noční tmou bloudit
toulat se tiše v měsíční záři.

(1996)

Отметим сразу, что перед нами совершенно самостоятельное стихотворение, как и оригинал, имеющее трехчастную композицию, в которой за основу взят фетовский образ лунного сияния (*v měsíční záři*). Перевод написан дактилем, иногда с добавочным первым слогом. Композиция, как и у Фета,

кольцевая, каждая часть заканчивается фетовскими повторами «в лунном сиянии» (*v měsíčních paprscích, v měsíčním třpytu, v měsíční záři*). При этом эмоциональная окраска становится ярче от части к части: в первой части — это лунные лучи, во второй — лунный блеск, а заканчивается все лунным сиянием. При этом емкость, легкость, простота фетовского стиха своеобразно раскрыта в чешском переводе: любовная тема нашла местоимение «я» (в первой строфе — «я люблю бродить», в последней — «можно ли мою тоску!»); фетовский риторический вопрос в последней строфе «Можно ль тужить и не жить / Нам в обаянии?» в переводе нашел конкретного адресата: *co povíš mi asi, líbezná tváři?* (что ты скажешь мне, прекрасное лицо?). Во второй строфе в переводе вообще появляется риторический вопрос *je neslyšná láska podobna mytu?* (существует неслышимая любовь наподобие мифа?)

Лексически перевод Р. Кочика раскрашен гораздо ярче авторских строк: переводя фетовскую строчку «Выйдем с тобой побродить» он использует два чешских глагола: *toulat se* (бродить) и *bloudit* (блуждать). Речка и пруд у Р. Кочика обволакиваются в дымку (*halí se oparem*), тоска и любовь воссоединяются вместе, как части единого целого: *je vůbec možno můj stesk s láskou skloubit?* (возможно вообще мою тоску соединить с любовью?). Причем именно благодаря употреблению переводчиком глагола *skloubit* мы можем сразу определить, что данный перевод является новейшим, так как глагол этот — разговорное новшество 1990-х гг.²⁰⁰ После прочтения чешского перевода, мы вынуждены согласиться с Д. Малиной, автором вступительных слов к переводам Р. Кочика, который говорит, что чувствительность молодого переводчика позволяет ему идти за вдохновением автора оригинала.²⁰¹ Перед нами действительно стихотворение, написанное под вдохновением фетовского «В лунном сиянии». То, что автор позиционирует его как перевод, связано, видимо, с одной из тенденций в культуре Нового времени — формированием новой культуры чтения: читатель выступает в качестве интерпретатора, а переводчик,

²⁰⁰ *Skloubit* — плотно соединить, собрать мозаику, пазл. Образовано от *Kloub* — сустав (Šroufková M. Rusko-český, česko-ruský slovník. Praha, 1998. S. 564).

²⁰¹ Malina D. Rene Kočík // Texty. Literární čtvrtletník. 1996. Č. 2. S. 4.

являющийся прежде всего читателем, продолжает выступать в этом качестве. В связи с этим встает вопрос: когда он становится интерпретатором, присваивая себе функции комментирования? И что в таком случае происходит с авторством? Этот вопрос относит нас к широко обсуждаемой проблеме не только в России, но и в Чехии, — к проблеме статуса театральных постановок и экранизаций классики: какое место занимают они в современном мире? Какую роль играет перевод классики как основа ее восприятия в иноязычной среде?

Вместе с тем переводы стихотворений Фета 1996 г. скорее соотносят нас с другой тенденцией в современной культуре — чтения как соавторства. Все чаще читатель выступает в качестве иллюстратора, комментатора и даже интерпретатора прочитанного. Отсюда все чаще появляющиеся пересказы классических произведений. А это уже говорит о возникновении нового типа автора. В нашем случае мы можем говорить о несомненном влиянии поэзии Фета на чешского автора-переводчика.

Обнаруженные нами переводы фетовских стихотворений также наталкивают на рассуждения о приоритетах в переводческой деятельности, возникших во второй половине XX в. Описанные переводы сделаны молодым специалистом, только что закончившим философский факультет. Он осуществил их в период, когда приоритетным становится гуманистический подход к деятельности переводчика, пришедший на смену лингвоцентрическому и лингвокультурологическому, что в свою очередь относит нас к проблеме изучения языковой личности переводчика, которого ученые определили как медиатора культур.²⁰² Само наличие данных переводов стихотворений Фета вызывает несомненную радость исследователя. Это говорит о том, что существует некое восприятие русского поэта-классика в современной чешской среде, а также направляет на рассуждения о современной концепции переводческого пространства. При анализе этих переводов, видимо, не стоит делать скоропалительных выводов, поскольку чешский переводчик полностью

²⁰² См., напр.: Кушникова Л. В., Силантьева М. С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6(12). С. 71–75.

соответствует формату своего времени и его тексты нужно рассматривать именно с этих позиций. Полагаем, главное — это то, что в рассмотренных переводах отсутствуют переводческие ошибки, создающие культурологические лакуны и непонимание. Кроме того, само обращение к русской классике в 1990-е гг., когда в самом чешском литературном процессе многое определяла так называемая возвращенная литература, а в стихах молодых авторов переплетались отголоски поэтики андеграунда, сюрреализма, экспериментальной и метафизической традиции, вызывает большое уважение и надежду на то, что и в новейшей истории чешско-русских литературных связей появятся переводы такого великого русского классика, как А. Фет.

2.4. Отражение особенностей поэтики А. А. Фета в чешских переводах

В данной части работы мы будем отталкиваться от анализа представленных выше переводов стихотворений Фета на чешский язык. Нас будут интересовать лишь те образы, мотивы и лирические сюжеты, которые представлены в переводах, и мы постараемся в дальнейшем проследить, как чешские переводчики пытались передать авторский замысел.

Исследователи творческого наследия Фета не рассматривают поэта в рамках романтизма не только потому, что он жил не в романтический период, но и потому, что сама личность поэта отнюдь не романтична, — это подтверждают фетовские заметки о сельском хозяйстве, восприятие поэта современниками как помещика, пишущего стихи. Но все же стихи выдают Фета как поэта-романтика, прежде всего как певца русской природы. Недаром символисты видели в нем своего учителя. В. Н. Аношкина указывает на то, что Фет в большей степени импрессионист, и нельзя говорить о том, что символика всегда оказывается центром его художественной образности.²⁰³ Фет обнаруживает своеобразное видение природы и ее ощущения. Скорее, это можно назвать эстетическим реализмом. Описательные стихотворения свидетельствовали о том, что Фет — не

²⁰³ Аношкина В. Н. А. А. Фет // История русской литературы XIX века. 40–60-е годы. М., 2001. С. 143.

мыслитель, а прежде всего созерцатель. Его реализм приближен к импрессионистическим приемам письма («Вечер»). В поэзии Фета 1840–1850-х гг. заметно тяготение к народности, отсюда и два направления в его творчестве: музыкально-напевное и описательное. Как отмечает В. Н. Аношкина, Фет воспринял опыт Жуковского: звуковые и смысловые переключки, семантическая наполненность отдельных звуков, синтаксическая однородность фраз — все способствует напевности его стихов. Описательные стихотворения (например, «Степь вечером» или «Псовая охота») отличаются поэтической народностью: снова видим родной пейзаж и приметы деревенской жизни. Здесь Фет — самобытный лирический живописец, не мыслитель, а зоркий наблюдатель, способный сочувствовать природе, сопереживать ей. Он видит природу, слышит ее, ощущает, вводя в стихи эстетические впечатления.

Еще одна особенность мироощущения Фета — погруженность в мир детства, юности. О так называемых детских стихах Фета писали Д. Д. Благой, В. Н. Аношкина, Н. П. Сухова. Фет относится к детству и юности как к золотому веку человеческой жизни. Но, как указывает В. Н. Аношкина, юность осмысливалась поэтом не как кратковременная пора жизни, а как светлые и счастливые дни начала бытия. Образы детства и юности у Фета богаты ассоциациями. Для него эта пора связана с античными временами — счастливым временем младенчества, сочетающим красоту, простодушие невинность, открытость любви. Детство, по Фету, — это красота, непорочность, детская мудрость. Дети у Фета — не объект воспитания и просвещения или же несправедливой эксплуатации, а прекрасные счастливыцы, поэтому образ ребенка нередко сливается с образом взрослого ребенка. Отсюда и фетовское образное мышление, свежесть восприятия, одушевление природы — он замечает в ней то, что обычно замечают лишь дети («Я пришел к тебе с приветом / Рассказать, что солнце встало...», стихи о цветах «Цветы», «Первый ландыш», «Георгины» и т. д.).²⁰⁴

²⁰⁴ Там же. С. 148–149.

Говоря об образе в лирике, отметим, что в отличие от прозаического произведения образом здесь чаще всего выступает не человек, а его чувство и мысль. Термином «образ» в лирике иногда обозначают изображение предметно-чувственного характера, чаще — слово, употребленное в переносном значении (метафора, метонимия и т. д.). Об этом писал В. Е. Холшевников, разделяя основной образ, развивающий тему стихотворения, и вспомогательные образы, помогающие вырастать главному. Главный лирический образ, таким образом, является тематическим.²⁰⁵ Такого рода образы характерны для лирики Фета, они представляют собой совокупность предмета, мыслей, чувств, ассоциаций.

Образной структуре в стихотворениях Фета отечественные исследователи посвятили немало работ. Опираясь на них, рассмотрим лишь некоторые наиболее часто встречающиеся образы, для того чтобы проследить в дальнейшем, как их передавали при переводе стихотворений Фета разные чешские переводчики.²⁰⁶

Соловей / трели соловья. Образ соловья излюблен поэтами, к фетовскому времени он прочно укоренился в лирике (например, у Пушкина соловей — примета весны). В фетовской поэзии соловей, по подсчетам В. С. Фединой, упоминается 49 раз (если учитывать метафорические конструкции — 68).²⁰⁷ Образ соловья для современников поэта стал визитной карточкой поэзии Фета, что вызвало и в том числе волну пародий. Функции образа не новы: соловей — вестник весны и любви. Вот лишь некоторые стихотворения поэта, где встречается этот образ: «Шепот, робкое дыханье...» (1850 г.), «Мой сад» (1840 г.), «Серенада» (1844 г.), «Фантазия» (1847 г.) и др.

Соловей и роза. Аллегорией «соловей и роза» мы обязаны персидской поэзии.²⁰⁸ На фарси роза — гюль, соловей — бюль, и поэтому эти образы удобны для рифмовки. А русская роза, пишет О. Кушлина, обреченная на рифму не по любви, а по механическому созвучию, страдала и вяла, мерзла и сохла,

²⁰⁵ Холшевников В. Е. Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения: межвуз. сб. / под ред. В. Е. Холшевникова. Л., 1985. С. 9.

²⁰⁶ Подробнее об этом см. в ч. 5 гл. 2.

²⁰⁷ Федина В. С. А. А. Фет (Шеншин): материалы к характеристике. Пг., 1915. С. 97.

²⁰⁸ Об этом: Кушлина О. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001. С. 128.

постепенно превращаясь в свою тень — рисунок на стене.²⁰⁹ Соседство образов соловья и розы очень устойчиво в поэзии: соловей — влюбленный, а роза — избранница, возлюбленная. В творчестве Фета огромное множество стихов с такой аллегорией: «Соловей и роза» (1847 г.), «Осенняя роза» (1886 г.), «Сентябрьская роза» (1890 г.). Образ розы — возлюбленной и избранницы — очень устойчив и в чешской поэзии, встречаясь у многих чешских поэтов-романтиков. Наиболее иллюстративен этот образ в XIX в. в лирике К. Г. Махи, в XX в. — у Я. Сейферта и др.

Ночь / Луна / Лунный свет. Довольно подробное исследование образа ночи и лунного сияния в поэзии Фета проведено В. Н. Аношкиной, на чей труд мы и будем опираться.²¹⁰ Фет вслед за Тютчевым осваивает ночную поэзию, она всегда влекла его к себе, и в сборниках 1850 и 1856 гг. был целый цикл стихотворений о вечере и ночи. У Фета рано сложилось особое эстетическое отношение к этому времени суток, фетовская философия ночи представлена в сборнике «Вечерние огни». Как отмечает В. Н. Аношкина, в «ночной поэзии» Фета обнаруживается тютчевский комплекс ассоциаций: ночь — бездна — тени — сон — видения — тайное — сокровенное — любовь — единство «ночной души» человека с ночной стихией. Ассоциация «ночь — бездна» особенно сильна в стихах Фета: у него ночь — тайная бездна, бездна полуночная, бездонная урна, сыплющая мириады звезд. Этот образ получает новое наполнение, второй смысл, выявляя символический пласт: ночь-бездна начинает сближаться с жизнью человека; бездна — воздушная дорога — путь жизни человека.

Отдельно исследователи выделяют работы о композиции стихов Фета. Первым о кольцевой композиции у Фета писал Б. М. Эйхенбаум.²¹¹ Для композиции стихотворений Фета он предложил термин «кольцо», или «рамка». Теорию Б. М. Эйхенбаума продолжил уже в конце XX в. Э. Эгеберг,²¹²

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Аношкина В. Н. Образ лунного сияния в «ночной поэзии» Тютчева и Фета // Литературоведческий журнал. ИНИОН РАН, 2012. № 30. С. 48–78.

²¹¹ Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 461.

²¹² Эгеберг Э. Концовка в «Мелодиях» А. А. Фета // А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. научных трудов / главн. ред. Е. Н. Лебедев. М., 1999. С. 82–90.

предложивший применять термин «кольцо» к стихотворениям, где элементы начальной части повторяются в конечной. Под «элементом» он понимал как целые предложения и слова, так и звуковые сочетания, синтаксические особенности. Композиционные кольца при этом неоднородны. Э. Эгеберг различает три типа колец: 1) последняя строфа — дословное повторение первой; 2) элементы начальной части чуть заметно дают о себе знать в концовке; 3) остальные стихотворения, в которых в конце встречается легко узнаваемое, но не полное совпадение; идентичности мешают некоторые изменения (об этом говорил и Эйхенбаум). Фет прибегает к концовкам такого типа не для того, чтобы найти простой выход из сложной ситуации, — тем самым он дает понять, что нарастание эмоций достигло предела.

В особую группу выделяют стихотворения, связанные со знаменитым «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина. Их тема — повторение «чудного мгновения» — подсказывает как раз кольцевую композицию. Здесь простых повторов нет, зато в конце стихотворения возникает сложное сплетение уже разыгранных мотивов (например, в стихотворении «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»)²¹³.

Говоря об особенностях лирической композиции в стихотворениях А. А. Фета, Н. П. Сухова называет повторы, кольцевое построение, фрагментарность, что соотносит его лирику с романтической, «песенной» традицией.²¹⁴ Однако уже в стихотворениях А. А. Фета 1840–1850-х гг., написанных в период «первого пробуждения в поэте его творческой силы», выделяются произведения, композиционно выстроенные на противопоставлении двух миров: камерного, спокойного мира комнаты — и пугающего своею неясностью, бесконечностью мира за ее пределами. Границей этих двух противоборствующих миров служит окно. Сюда относят такие стихотворения, как «Хандра», «Вот утро севера...», «Деревня», «Кот поет, глаза прищуря...»,

²¹³ Там же. С. 88.

²¹⁴ Сухова Н. П. Лирика Афанасия Фета. М., 2000. С. 50–59.

«Печальная береза» и др., где поэт стоит перед окном в Мир, который чаще всего дает о себе знать беспокойными, тревожными сигналами.

Окно как деталь, соединяющая камерный мир комнаты и мир Вселенной, проходит через все творчество Фета. Это и так называемая усадебная лирика Фета, и его миниатюры, и его философские элегии. Мир природы поэт наблюдает вблизи, крупным планом, при этом несколько отстраненно: из окна. Мир за окном манит его и пугает одновременно. Поэтому еще ярче становится противопоставление уюта, умиротворения комнаты, где находится герой, огромному миру вне ее, что впоследствии Л. Толстой назовет «окном в Нирвану».²¹⁵ Окно в мир у Фета — это соединение конечного с бесконечным, что впоследствии, в период его увлечения Шопенгауэром (Фет перевел несколько его трудов), найдет в его творчестве серьезную философскую основу — противоборствующее сочетание сансары и нирваны.²¹⁶

Другой важный элемент поэтики Фета — *временные координаты*. В 1980-х гг. о категории мгновения в поэзии Фета писала В. И. Чередниченко;²¹⁷ в конце 1990-х гг. Л. Лотман и Р. Густафсон, а вслед за ними В. А. Шеншина писали о концепции вечности в поэзии Фета. По утверждению этих авторов, категория мгновения и концепция вечности у Фета воспринимаются не как момент во времени, а как пульсация вечности.²¹⁸ Для Фета задачей огромной художественной значимости было воссоздание микрособытий природной и психической жизни. Казавшиеся неуловимыми и малозначительными, моменты психической жизни представляли подсознательными импульсами, оказывающими влияние на формирование сознательной жизни человека. Отсюда, по мнению В. И. Чередниченко, и экспериментирование Фета с глагольными формами.²¹⁹

²¹⁵ Приводится по: Там же. С.69.

²¹⁶ Там же. С. 53.

²¹⁷ Чередниченко В. И. Категория мгновения в поэзии А. А. Фета // Проблемы развития русской лирической поэзии XVIII–XIX веков: сб. научных трудов / редколл.: В. Н. Аношкина, Л. Г. Ленюшкина и др. М., 1982. С. 104–119.

²¹⁸ Лотман Л. М. А. А. Фет // История русской литературы: в 4 т. Т. 3. Л., 1982. С. 427–445; Gustafson R. F. The Imagination of Spring: The Poetry of Afanasij Fet. New Haven; London, 1966. S. 122–123; Шеншина В. А. Концепция вечности Фета. Религиозно-философское обоснование концепции вечности Фета // А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. научных трудов / ИМЛИ РАН, Академия Финляндии; главн. ред. Е. Н. Лебедев. М., 1999. С. 31–53.

²¹⁹ Чередниченко В. И. Категория мгновения в поэзии А. А. Фета. С. 105.

Парадоксальная логика мига, который бесконечно мал по своей временной протяженности и в то же время бесконечно велик по своей значимости, не раз обыгрывалась Фетом: зафиксированы самые различные кратковременные события внешнего мира — блеснувший луч, всплеск воды, взмах крыла, вскрик птицы, поворот головы, взгляд, жест. Художественное мгновение понимается Фетом как окно в Вечность, когда кратковременное состояние начинает отражать новый вневременной смысл. При таком подходе, с точки зрения В. И. Чередниченко, становится возможным создание стихотворений, в которых изображение мгновения заменяется подготовкой к нему, включающей в себя призыв к соучастию, веру в величие мгновения.²²⁰

Далее рассмотрим, как приведенные выше особенности поэтики Фета переданы в чешских переводах разных периодов.

2.5. Сопоставление чешских переводов стихотворений Фета

В данной части работы мы будем сравнивать переводы одного и того же стихотворения Фета, сделанные в разное время разными переводчиками. Выбор стихов для анализа основывался на наличии их разных переводов. Поскольку вранойррвсодииа редввсавак, онаацсот оит в том, чтобы показать, какими приемами пользовались переводчики в разное время для передачи поэтики Фета на чешский язык, как воспринимали его поэзию в разное время, и, таким образом, выявить возможности воссоздания образной структуры в переводе с близкородственного языка.

В лунном сиянии

Выйдем с тобой побродить

В лунном сиянии!

Долго ли душу томить

В темном молчании!

²²⁰ Там же. С. 115.

Пруд как блестящая сталь,
 Травы в рыдании,
 Мельница, речка и даль
 В лунном сиянии.

Можно ль тужить и не жить
 Нам в обаянии?
 Выйдем тихонько бродить
 В лунном сиянии!

27 декабря 1885 г.

Это стихотворение имеется в переводах И. Славика, Я. Кабичека и Р. Кочика. Однако достаточно вольный перевод 1996 г. Р. Кочика, анализ которого был приведен ранее, не поддается сравнению с наиболее приближенными к оригиналу переводами И. Славика и Я. Кабичека, поэтому здесь мы рассмотрим лишь их переводы.

Образ лунного сияния наиболее любим Фетом: фетовская ночь — лунная, она прекрасна не менее дня, она «благовонная», «благодатная», «серебристая», она сияет, приносит человеку счастье. Лирический герой сливается с ночным бытием, на что-то надеется и ждет того сокровенного, что может открыться всему живому только ночью. Ночь, любовь, познание счастья и высших истин в поэзии Фета объединяются.

Стихотворение входит в цикл «Мелодии», состоит из трех строф, написано дактилем и имеет название, что представляется важным, поскольку оно вводит в тему стихотворения. В данном случае лирический зачин, представленный названием, дает эмоциональный ключ, настраивающий читателя на нужный автору лад. Так, мы еще не знаем, о чем будет стихотворение, но название готовит нас к тому, что должно произойти что-то таинственное. Оба чешских переводчика, и И. Славик, и Я. Кабичек, уловили замысел автора, дав названия и своим переводам. Образ лунного сияния передан переводчиками по-разному: у И. Славика — *V záři luny* (В сиянии луны), что представляется нам ближе по стилю к фетовскому названию, так как *luna* (луна) в чешском является поэтизмом.

У Я. Кабичека стихотворение названо *Měsíčná noc* (Лунная ночь). Однако оба чешских названия задают переводу нужный тон.

Первая строфа — призыв к прогулке в лунную ночь. Оба предложения заканчиваются восклицательным знаком: «Выйдем с тобой побродить / В лунном сиянии! / Долго ли душу томить / В темном молчании!». Синтаксис очень важен, он передает эмоциональное состояние автора: восторг от происходящего в природе и, как следствие, порыв к решительному действию — объяснению: «Долго ли душу томить / В темном молчании!». Композиция стихотворения закольцована, и в последних строках мы читаем смысл первых строчек: «Выйдем тихонько бродить / В лунном сиянии!». Сравним переводы И. Славика и Я. Кабичека.

И. Славик:

V záři luny

Se mnou pojd' se toulat ven,
luna kolem svítí!
Copak lze se trápit jen,
v němém smutku žítí?

Tůň jak ocel září tam,
z trav se nářek nítí,
dálky, říčka i mlýn sám —
na všem luna svítí!

Lze tu zůstat rozteskněn,
kouzlu odepřítí?
Tiše vykradem se ven,
jenom luna svítí!

(1964)

Я. Кабичек:

Měsíčná noc

Pojd', budem se procházet
v úplňkovém svitu!
Slovy prolomíme led
odmlčelých citů!

Rybník chladně plápolá,
tráva slzí v skrytu.
Mlýn i pole dokola
tonou v bílém svitu.

Propadneme znovu, hned,
kouzelnému mýtu.
Pojd', budem se procházet
v úplňkovém svitu!

(1974)

Оба чешских переводчика заменили стихотворный размер оригинала дактиль — хореем, как наиболее характерным размером в чешской поэзии. Первая строфа в переводе И. Славика — также призыв к прогулке в лунную ночь,

но восторг автора не передан, это лишь призыв разбавить повседневность волшебством окружающей природы. Важен лексический подбор при переводе: фетовская строка «Долго ли душу томить в темном молчании!» — настойчивый призыв прекратить недомолвки и объясниться, в переводе — более абстрактный вопрос, начинающийся со слова *copak* (разве) и заканчивается вопросом: *Copak lze se trápit jen, / v němém smutku žítí?* (Разве можно только страдать в немой печали жизни?). Оттенок настойчивости в речи героя утерян: у Фета — душа, а в переводе — печаль жизни.

В переводе же Я. Кабичека авторский замысел передан наиболее точно. При этом сохранен синтаксис оригинала и тем самым передан общий смысл первой строфы, несмотря на вольный перевод второго предложения строфы, где переводчик призывает «словами проломить лед молчаливых чувств»: *Pojď', budem se procházet / v úplňkovém svitu! / Slovy prolomíme led / odmlčelých citů!*

Вторая строфа — описательная; это иллюстрация волшебства, таинства природы, ее открытости этому таинству, при котором невозможно оставаться в тоске, не принять волшебство как дар, как указание свыше: «Пруд как блестящая сталь, / Травы в рыдании, / Мельница, речка и даль / В лунном сиянии».

Синтаксис фетовских строчек говорит о немом величественном спокойствии природы: предложение состоит из перечислений через запятую и заканчивается точкой. В переводе И. Славика и здесь синтаксис вольный: начавшись описательными перечислениями *Tuň jak ocel září tam, / z trav se nářek nítí, / dálky, říčka i mlýn sám*, строфа заканчивается восклицанием: *na všem luna svítí!* Таким образом, в переводных строчках передан восторг вместо таинства, тишины и торжественного спокойствия происходящего вокруг. В этом плане перевод второй строфы у Я. Кабичека опять оказывается ближе к оригиналу. Его синтаксис передает смысл строфы: *Rybník chladně plápolá, / tráva slzí v skrytu. / Mlýn i pole dokola / tonou v bílém svitu.*

Интересен подбор переводчиками лексики. Так у И. Славика пруд переведен как *Tuň* (заводь, омут, затон), а Я. Кабичек не отходит от оригинала и использует слово *Rybník* (пруд). Мотив слез, важный для лирики Фета,

переводчиками передан по-разному. У И. Славика более изысканно: *z trav se nářek nítí* (из трав сочится плач), где глагол *nítit se* образован от существительного *nít* (нитка), у Я. Кабичека *tráva slzí v skrytu* (трава плачет скрытно).

Далее фетовские строки «Мельница, речка и даль / В лунном сиянии» более полно переданы в переводе И. Славика (*dálky, říčka i mlýn sám — / na všem luna svítí!*), несмотря на то что переводчик в силу условий заданной рифмы вынужден был поменять порядок авторских существительных: у Фета «Мельница, речка и даль», в переводе — *dálky, říčka i mlýn sám* (дали, речка и мельница сама). Рифму создает слово-подпорка *sám*. В переводе Я. Кабичека слова «речка и даль» опущены и заменены словосочетанием *Mlýn i pole dokola* (мельница и поле вокруг). Образ лунного сияния трансформировался в белый свет, что не уходит далеко от оригинального образа, ведь белый свет ассоциируется со светом луны и, таким образом, способствует передаче смысла. В переводе И. Славика эта строчка отражает восторг: *na všem luna svítí!* (на все светит луна!).

Перевод третьей строфы у обоих переводчиков вызвал трудность, и смысл авторских строк оба передали неверно. Однако мотив и замысел стихотворения они уловили, введя в последней строфе мотив волшебства: у И. Славика — *Lze tu zůstat rozteskněn, / kouzlu odepříti?* (можно ли здесь остаться затосковавшим, отказавшись от волшебства?); у Я. Кабичека — *Propadneme znovu, hned, / kouzelnému mýtu* (давай окунемся снова сразу в волшебный миф).

Последнюю строфу переводчики перевели каждый по-своему, передав особый смысл фетовского стихотворения, построенного с использованием кольцевой композиции, когда третья строфа соотносится с первой: в ней содержится призыв к прогулке и объяснению — все давно уже ясно и без слов, и дело только за тем, чтобы открыться друг другу. Здесь появляется вопрос: «Можно ль тужить и не жить / Нам в обаянии?» — и на него дается ответ, побуждающий к действию: «Выйдем тихонько бродить / В лунном сиянии!». Но бродить герой стихотворения зовет «тихонько», чтобы не спугнуть магию лунного сияния, природного откровения, дабы стать причастными его таинству вместе со своими чувствами.

В переводе И. Славика третья строфа также соотносится с первой, когда автор перевода вопрошает: можно ли при таком состоянии природы оставаться в тоске, не принять волшебство, предлагаемое самой природой? И в переводе стихотворение заканчивается призывом тихо прокрасться на улицу, где светит только луна: *Lze tu zůstat rozteskněn, / kouzlu odepřít? / Tiše vykradem se ven, / jenom luna svítí!* Таким образом, ни о каком объяснении или раскрытии чувств в переводном варианте речи не идет. Стихотворение в переводе И. Славика говорит нам о паре давно живущих вместе людей, которые стали свидетелями необычного состояния природы — лунной ночи, в которую хочется окунуться как в нечто волшебное, уносящее от тоски и грусти бытия.

Совсем иной смысл дан стихотворению в переводе Я. Кабичека. Несмотря на то что переводчик четко следовал оригиналу в первых двух строфах и его перевод представлял собой наиболее верное прочтение этих строф, своим переводом последней строфы он кардинально меняет смысл. В его варианте последняя строфа — призыв снова, прямо сейчас окунуться в волшебный миф. Слова *znovu, hned* (снова, прямо сейчас) говорят о том, что это состояние уже однажды было пережито героями, и стихотворение — призыв заново его пережить.

Подводя итог сравнительному анализу, отметим, что оба переводчика с самого начала задали правильное направление своим переводам, осознав авторский замысел стихотворения, поняв заложенные Фетом скрытые мотивы (и лунное сияние, и мотив слез сохранены), чему, видимо, способствовало наличие названия у стихотворения. При этом Я. Кабичек был наиболее верен оригиналу и лексически, и синтаксически в первых двух строфах. Скрытый смысл оба переводчика уловили, введя в свои варианты перевода последней строфы мотив волшебства, однако каждый создал свой вариант прочтения стихотворения, со своим подтекстом и скрытым смыслом.

Переводы описательного стихотворения «Степь вечером» (1854 г.) сделаны Ф. Халупой и И. Славиком с разницей в 80 лет, т. е. не просто в разное время, а в разные эпохи.

Степь вечером

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
 Хотят в росе понежиться поля,
 В последний раз, за третьим перевалом,
 Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
 Вдали огня иль песни — и не ждешь!
 Всё степь да степь. Безбрежная, как море,
 Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта,
 Луна светить еще не смеет днем.
 Вот жук взлетел, и прожужжал сердито,
 Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
 Там перепел откликнулся вдали,
 И слышу я, в изложине росистой
 Вполголоса скрипят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут.
 Среди тепла прохладой стало дуть.
 Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
 И как река засветит Млечный Путь.

(1854)

И. Славик**Step podvečer**

Valí se mraky v lesku zčervenalém,
 pole si chtějí v rose pohovět.
 S cinkotem mizí trojka za úvalem,
 bez prachu — potřetí a naposled.

Stavení nikde nevidět v té pláni,
 v daleku zpěv či ohně — nech je být!

Ф. Халупа**Večer na stepi**

Mrak vyvstal, záře hoří na obloze
 a rosa tiše padá do lad těch;
 své koně vypřáh vozka na přívoze
 a jede domů právě, nemá v spěch.
 Příbytku nikde není na prostoře,
 ni ohně, ani písňe nenajdeš.
 Step všechno je tu. Bez břehů — jak moře,

Zde step a step. Bezbřehé kolotání
jak moře vlnících se zralých žit.

Jdou mraky, měsíc zpola skryt je za ně,
ozářit ve dne ještě nesmí luh.
Brouk vyletěl a bzučí rozhněvaně,
mihl se luňák, nerozvířil vzduch.

Nivy se choulí v síti pozlacené,
křepelka volá kdesi zpovzdáli
a slyším v užlabině zarosené,
jak polohlasně vržou chřástali.

Pozorný pohled v soumraku se mýlí.
Prohřátým vzduchem chládek začal dout.
Luna je čistá. Hvězdy zasvítily
a Mléčná dráha blyští se jak proud.²²¹

(1964)

se vlní dozrává tu bujná rež.
A za oblakem bledá luna skrytá,
jí nedovolí zářit ještě den.
Brouk tamo bzučící se v šeru kmitá,
tam luňák vzletěl, křídlem mávna jen.
Jak síť zlatou níva pokryla se.
Tam křepelka se v dáli ozvala,
zde slyším v porosené pláni zase
hlas pronikavý, silný chřástala.
Už soumrak na výšinách jistě sedí,
již přešlo teplo, počal douti chlad.
Je jasná luna. S nebe hvězdy hledí
a řekou mlečná dráha jestit snad.²²²

(1884)

«Степь вечером» (1854 г.) входит в состав цикла «Вечера и ночи» и относится к описательным стихотворениям. Оно состоит из пяти строф, написанных пятистопным ямбом — размером, располагающим к раздумью, созерцанию. Автор описывает наступление вечера в степи. Обилие метафор, используемых Фетом при изображении неживой природы («клубятся тучи, млея», «волнуется и наливает рожь», рожь — «безбрежная как море», «покрылись нивы сетью золотистой», «луна чиста», «с неба звезды глянут», «как река засветит Млечный Путь»), сочетается с обилием метафор и олицетворений, используемых при описании животного мира («жук прожужжал сердито», «лунь проплыл», «перепел откликнулся вдали», «скрыпят коростели»). С одной стороны, пейзаж статичен («нигде жилья не видно на просторе», «все степь да степь»), однако животный мир, вводимый Фетом в описание вечерней степи, привносит динамику. Динамику описанию придает и взгляд автора, который в первых двух строфах устремлен вверх и вдаль («Клубятся тучи, млея в блеске алом», «Пропал

²²¹ Fet A. Večery a noci. Praha, 1964. S. 114.

²²² Fet A. Večer na stepi // Světozor. 1884. Č. 49. S. 592.

ямщик, звеня и не пыля»); в середине третьей строфы автор видит вблизи, как «жук взлетел, и прожужжал сердито», а далее его внимание снова уходит вдаль и вверх («Луна чиста. Вот с неба звезды глянут»). В стихотворении вновь введен образ луны, звезд, Млечного Пути. Описание преобразования природы, готовящейся к переходу и затем переходящей в иное состояние, единения при этом всего живого и неживого, а также стремления слиться с природой (автор постигает все «пытливым взором»), быть причастным к Таинству заканчивается в последней строфе образами луны и звезд: над всем описанным блаженством светят вечные звезды — Млечный Путь. Последняя строфа, концовка текста, очень важна у Фета — это ожидание, предвкушение таинства, свидетелем которому он был не раз. Отсюда и использование будущего времени: «Луна чиста. Вот с неба звезды глянут, / И как река засветит Млечный Путь».

В переводе И. Славика стихотворение имеет название «*Step podvečer*» («Степь вечером»), состоит также из пяти строф, при переводе фетовского пятистопного ямба переводчик использует дактило-хорей, сохраняя авторское чередование женской и мужской рифмы. Перевод максимально приближен к оригиналу в передаче структуры стихотворения, его размера, образной системы, синтаксиса и метафор. Так, в первой строфе образ зари «в блеске алом» передан как *v lesku zčervenalém*, т. е. максимально близко к оригиналу; «...степь. Безбрежная как море» — *Bezbřehé kolotání / jak moře vlnících se zralých žit*. «Покрылись нивы сетью золотистой» — *Nivy se choulí v síti pozlacené*; «Безбрежная, как море, / Волнуется и наливает рожь» — *Bezbřehé kolotání / jak moře vlnících se zralých žit*; «Вот лунь проплыл, не шевеля крылом» — *míhl se luňák, nerozvířil vzduch* (лунь промелькнул, не возмутив воздух); «Покрылись нивы сетью золотистой» — *Nivy se choulí v síti pozlacené* (нивы жмутся в сети позолоченной); «Вполголоса скрипят коростели» — *polohlasně vržou chřástali*. Лексически перевод близок оригиналу: «изложина росистая» переводчиком передана как *úžlabina zarosená* (овраг росистый); пытливый взор — *Pozorný pohled* (внимательный взгляд); ямщик переведен как тройка: *S cinkotem mizí trojka za úvalem*.

Важной представляется передача строк «В последний раз, за третьим перевалом, / Пропал ямщик, звеня и не пыля». И. Славик достаточно близок в передаче авторского текста: *S cinkotem mizí trojka za úvalem, / bez prachu — potřetí a naposled* (Со звоном мелькает тройка за перевалом, без пыли — в третий раз и в последний).

Отдельного внимания переводчика требует передача концовки фетовского стихотворения. Здесь И. Славик остается верен оригиналу лексически и синтаксически. Последние строчки, наполненные метафорами, переданы в переводе максимально близко: «Луна чиста. Вот с неба звезды глянут, / И как река засветит Млечный Путь» — *Luna je čistá. Hvězdy zasvítily / a Mléčná dráha blyští se jak proud* (Луна чиста. Звезды засветили и Млечный Путь блестит как поток).

Однако здесь, как было сказано выше, важна грамматическая форма глагола «засветит» (будущее время), которая и создает тот самый эффект ожидания, предвкушения Таинства. И. Славик не улавливает скрытый смысл фетовской концовки и переводит строчки настоящим временем (*blyští se*), тем самым теряя заложенный в стихотворение смысл. Однако скрытые смыслы концовок стихотворений Фета не передавались не только И. Славиком, но и другими чешскими переводчиками. И здесь мы отмечаем этот недочет на фоне наиболее близкого, грамотного перевода с точки зрения передачи стиля, ритма, лексики и метафор.

Стихотворение в переводе Ф. Халупы не имеет деления на строфы, что способствует передаче его повествовательного, созерцательного тона. Переводчик использует при передаче размера хорей с анакрузой (с добавочным первым слогом), т. е. наиболее свойственный размер для чешской поэзии. Этому выбору способствует и то, что сам переводчик был крупным чешским поэтом, и его имя не могло не привлечь внимания читателя. Ф. Халупа сохраняет характер фетовской рифмы: в переводе звучит чередование мужской и женской рифм.

Наиболее интересна передача метафор. Если у Фета в первой строфе мотив зари передан как «блеск алый» (у И. Славика мы читаем также *Valí se mraku v lesku zčervenalém*), то Ф. Халупа эту метафору не передает, а прямо переводит

záře hoří na obloze (заря горит на небе). Метафора «Безбрежная, как море» (рожь) передана прямо: *Bez břehů — jak moře*; «Лунь проплыл, не шевеля крылом» — *luňák vzletěl, křídlem mávna jen* (лунь взлетел, только крылом махнул); «Покрылись нивы сетью золотистой» — *Jak síť zlatou níva pokryla se*. Все это очень близко к оригинальному тексту, как и строка «волнуется и наливает рожь» — *se vlní dozrává tu bujná rež* (волнуется, созревает густая рожь). Метафора «вполголоса скрипят коростели» вовсе не передана: *zde slyším v porosené pláni zase / hlas pronikavý, silný chřastala* (здесь слышу в росистой равнине снова голос пронзительный, сильный коростеля). Обратим внимание на изменение даже смысла авторских строк: у Фета — вполголоса, в переводе — голос пронзительный, сильный.

Лексика в переводе Ф. Халупы весьма разнообразна, а где-то даже вольна, отступая от оригинальной. Так, у Фета — «хотят в росе понежиться поля», у Халупы — *a rosa tiše padá do lad těch* (и роса падает в эту необработанную землю);²²³ у Фета — «В последний раз, за третьим перевалом, / Пропал ямщик, звеня и не пыля», в переводе — *své koně vypráh vozka na přívoze / a jede domů právě, nemá v spěch* (своего коня распряг возница на переправе и едет как раз домой, не спеша). Иначе говоря, если И. Славик максимально передал фетовские строчки «за третьим перевалом» (*potřetí a naposled*), то у Ф. Халупы эта динамика движения вовсе не передана, пейзаж статичен. Слова «жилье» и «простор» в переводе звучат как *příbytek* (обитель) и *prostor* (простор), «изложина» у Ф. Халупы — *plán* (равнина).

Концовка в переводе иная, чем авторская, смысл искажен: текст Ф. Халупы не содержит образа «пытливого взора»:

Už soumrak na výšinách jistě sedí, (уже сумерки на высотах прочно сидят)
 již přešlo teplo, počal douti chlad. (уже прошло тепло, начал дуть холод)
 Je jasná luna. S nebe hvězdy hledí (луна ясна. С неба звезды смотрят)
 a řekou mlečná dráha jestit snad. (и словно рекой млечный путь обозначен)

²²³ *Ladem ležící půda* — необработанная земля, земля под паром (Šroufková M. Rusko-český, Česko-ruský slovník. Praha, 1998. S. 583).

²²⁴ Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 464–465; Бухитаб Б. Я. А. А. Фет: очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 99–104; Гаспаров М. Л. Фет «безглагольный» // Литературная учеба. 1979. № 4. С. 219–220; Муратов А. Б. Стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» // Муратов А. Б. Из истории русской литературы и филологической науки (вторая половина XIX — начало XX века). СПб., 2004. С. 154–163; Сухих И. Н. Шеншин и Фет: жизнь и стихи. СПб., 1997. С. 22–23; Ранчин А. М. Путеводитель по поэзии А. А. Фета. С. 33–79.

поэта: «Оно сразу же привлекло внимание читателей и критики своей “благоуханной свежестью” и осталось в русской поэзии как одно из самых известных, по-своему образцовых произведений русской лирики».²²⁵ В данной части работы мы не ставим цель заново проанализировать этот текст, а будем опираться на уже известные работы, чтобы изучить и сравнить чешские переводы. Перевод этого стихотворения есть и у И. Славика (1964 г.) и у Я. Кабичека (1974 г.).

И. Славик	Я. Кабичек	
* * * Шепот, робкое дыханье, Трели соловья, Серебро и колыханье Сонного ручья, Свет ночной, ночные тени, Тени без конца, Ряд волшебных изменений Милого лица, В дымных тучках пурпур розы, Отблеск янтаря, И лобзания, и слезы, И заря, заря!... (1850)	* * * Šepot, plaché zavzdychání, klokot slavíka, stříbro, snivé kolébání, potok utíká — noční stíny, noční záře, stíny bez hranic, čarodějné změny tváře přes tu milou líc, v mlžných mráčkách purpur růží, jantarový jas, polibky se k slzám druží, jitřní, jitřní čas...! (1964)	* * * Šepot, první povzdech ranní, trylek slavíka, postříbřené zašplouchání splavu, rybníka, na pozadí nočních srázů jak most přes propust řada proměn ve výrazu rtů a koutků úst, v pažích mračen plavé poupě jantarových dní, polibky a slzy... Hloupě Nediskrétní svítání. (1974)

«Шепот, робкое дыханье...» — яркий пример стихотворения романсного типа. Оно состоит из трех строф, первые две из которых — самостоятельные номинативные предложения, а последняя — неполное предложение с однородными подлежащими. При этом в стихотворении нет ни одной точки, это цепочка односоставных назывных предложений, создающих одно незавершенное впечатление, настроение, чувство, на что указывают многоточие и

²²⁵ Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 62.

восклицательный знак в конце текста. Б. М. Эйхенбаум рассматривал синтаксис как главный элемент художественной структуры этого стихотворения, в то время как М. Л. Гаспаров обращал внимание на то, что существующие образные ряды строгаго организованы благодаря четкому ритму расширений и сужений лирического пространства.²²⁶ В данном стихотворении эмоциональное насыщение происходит от слышимого и зримого — к действенному. Два мотива (любовь и природа) создают ряд образов, тесно связанных с неуловимым природным целым. Отсюда и принцип кольцевой композиции, где образы природы (трели соловья, серебро и колыханье сонного ручья, свет ночной, ночные тени, тени без конца) заключены внутрь любовного образа:²²⁷ «Шепот, робкое дыханье... <...> Ряд волшебных изменений / Милого лица».

Воздействие не смыслом, а звуком, «музыкой» стиха достигается обилием гласных звуков, лирических повторений; наличие суффиксальных и флексивных рифм (соловья — ручья, дыханье — колыханье, тени — изменений, конца — лица), кольцевая композиция и интонация придают стихотворению лирическую окраску.

Оговорим сразу общие черты чешских переводов стихотворения. На такие средства «музыкально-неуловимого», как интонация, безглагольность повествования, звуковой состав стихотворения, где чередование ударных гласных строгаго организовано, накладывает отпечаток языковая структура чешского языка: ударение в нем фиксированное — на первом слоге. Существенно также то, что чешская грамматика не допускает построения предложения без глагола.

Мелодический строй стихотворения Фета создан автором композиционно, с помощью трех строф, которые представляют собой три части: тему, ее развитие и завершение. В этом прослеживается параллель стихотворения с музыкальным произведением. В переводе И. Славика композиционный принцип приближен к оригиналу. Эмоциональное напряжение вполне передано: перевод заканчивается

²²⁶ Приводится по: Муратов А. Б. Стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» // Муратов А. Б. Из истории русской литературы и филологической науки (вторая половина XIX — начало XX века). СПб., 2004. С. 156.

²²⁷ Там же. С. 157.

восклицанием и многоточием, как и у Фета, что создает ощущение незаконченности пережитого. У Я. Кабичека также трехчастная композиция, однако той эмоциональной разрядки, которая есть в оригинале, мы не наблюдаем прежде всего за счет того, что перевод заканчивается повествовательным предложением: *Hloupě nediskrétní svítání* (глупо нетактичный рассвет).

Ударение у Фета внутри стиха строго распределено: стихотворение написано разностопным хореем.²²⁸ Оба переводчика используют хорей, близкий к авторскому. Первая стопа каждого стиха (кроме 3, 11, 12) имеет сильное ударение. Этим не только обозначается, но и четко выделяется начало стиха, что выступает характерным признаком стихотворения напевного, мелодического типа. Здесь отметим совпадение в обоих переводах с чешской традицией ударения внутри стиха, где «определяющей границей является начало стиха, т. е. наиболее последовательно сохраняется ударение на первой стопе, что обусловлено особенностью языка».²²⁹

Общая ритмическая картина стихотворения А. Фета подкрепляется чередованием мужской и женской рифм. В чешском языке, опять же в связи со структурной особенностью, в отличие от русского встречаются только два типа рифм: мужская и женская (или, как еще их называют, односложная и двусложная). Дело в том, что последние слоги в чешском — безударные. Поэтому своеобразие рифм обоих переводов помогает передать музыкальную поэтику Фета. Скажем несколько слов о мелодике обоих переводов. Обилие гласных звуков в русском оригинале, нацеленное на создание музыкальности, компенсируется наличием долгот в чешском. Ритм же обеспечивается правилами чешской фонетики: все слоги в слове произносятся четко, с фиксированным

²²⁸ По мнению А. М. Ранчина, размер этот имел определенный ореол: семантическая окраска, на которую ориентировался Фет, — серенада (*Ранчин А. М. Путеводитель по поэзии А. А. Фета. С. 59*). М. Л. Гаспаров отмечал, что серенады хорошо вписывались в лирику XIX в., потому что схема их совмещала две самые популярные темы: природу и любовь; картина природы (обычно монтируемая из одних и тех же элементов — ночь, сад, луна, соловей, иногда река) оживлялась напряженностью любовного чувства (*Гаспаров М. Л. Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999. С. 158–159*).

²²⁹ *Жакова Н. К. Теория и практика перевода. Русская поэзия в чешских переводах в первой половине XIX века: учебно-методическое пособие. М., 1988. С. 20.*

ударением, с соблюдением долгот, которые могут выпадать на последнюю букву в слове.

Особую роль в стихотворении играют образы. Давно известный в поэтической традиции образ соловья соединяет здесь два мотива. Соловей — символ любви и воплощенный образ природы. Чешские переводчики оставляют этот образ: в переводе И. Славика «трели соловья» — *klokot slavíka* (перелив/трель соловья), а у Я. Кабичека — *trylek slavíka* (трель соловья). Другой важный образ у Фета — «пурпур розы», метафора молодости и красоты в поэтической традиции, часто связываемая с образом зари как рождения и красоты любви. И. Славик следует поэтической традиции и оригиналу (*v mlžných mráscích purpur růží*), в то время как у Я. Кабичека этот образ заменен на *poupě* (бутон) (*v pažích mračen plavé poupě*), хотя в чешской поэтической традиции образ розы устойчив. Пурпур как признак объекта (розы) весьма значим. Цвет зари складывается из цветовой гаммы пурпурного и желтого, что напоминает цвет янтаря.²³⁰ У Фета не случайно читаем в третьей строфе: «В дымных тучках пурпур розы, / Отблеск янтаря». В рассматриваемых переводах это смысловое значение передано: у И. Славика — *jantarový jas* (янтарное сияние), у Я. Кабичека — *jantarových dní* (янтарных дней). Однако настроение и чувство как музыкальное единство, созданные Фетом с помощью мелодических, образных, интонационных средств, в переводе Я. Кабичека утеряны. Это связано с потерей при переводе главного, ведущего образа вновь зародившейся любви — образа розы. У Фета общий смысл стихотворения выражается сочетанием: пурпур розы — лобзания, отблеск янтаря — слезы. Слияние чувства и природы — основной поэтический замысел поэта. В переводе И. Славика он передан точно: *purpur růží — polibky, jantarový jas — k slzám druží*. Кроме того, как было сказано выше, эмоциональная напряженность, получившая разрядку в конце стихотворения и при этом оставшаяся до конца не пережитой, в переводе Я. Кабичека не прослеживается — текст заканчивается точкой, а не восклицанием, как в оригинале и в переводе

²³⁰ Муратов А. Б. Стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...». С. 159.

И. Славика. В результате восторг от пережитого передан как сожаление о краткости момента.

Итак, более ранний перевод 1964 г. И. Славика демонстрирует максимальную приближенность к оригиналу, сохраняя авторские образы, замысел, подтекст и напряжение, несмотря на то что на перевод накладывает отпечаток сам строй чешского языка.

Перевод Я. Кабичека 1974 г. не совсем точен: автор допускает вольный перевод, используя свои метафоры во второй строфе (*jak most přes propust* — как мост через водоспуск) и совсем отходит от оригинала, вставляя в конец перевода авторское *Hloupě / Nediskrétní svítání* (глупо нетактичный рассвет). Несмотря на ~~каждое влюбленное сердце~~ (1964 и 1974 гг.), первый сделан в соответствии с традицией, другой — на волне новаторства в поэзии.

Заключение

Восприятие крупного русского поэта А. А. Фета в Чехии с конца XIX в. и до сегодняшнего дня идет по возрастающей линии и имеет единую направленность: Афанасий Фет — классик русской поэзии XIX в., лирик, певец любви и русской природы, приверженец «чистого искусства» (или же тяготеющий к нему). Однако в разные периоды это восприятие имело свои особенности. К концу 1830-х — началу 1840-х гг., когда Фет начинает поэтическую карьеру, переводы с русского языка уже сыграли свою роль в обогащении чешского языка, и теперь, когда можно было доносить до читателя литературные новинки и идеи, изменились и требования к переводам. Таким образом, в этот период важным становится вопрос о том, что и как переводить. Однако в это время Фет, вооруженный двумя журналами («Москвитянин» и «Отечественные записки») открыли для русской читающей публики в 1842–1843 гг., чешские переводчики не обратили внимания, и переводов Фета начала 1840-х гг. нет.

Во второй половине 1840-х гг. в обстановке нарастания революционных настроений в чешском обществе возрождаются надежды на обретение национальной самостоятельности, в эти годы появляются переводы политической лирики. Наряду с ними продолжают публиковаться переводы Ф. Челаковского из русских поэтов первой половины XIX в. и переводы поэзии в народном духе. Но главное внимание в 1840-е гг. у чехов отдано русской прозе — Гоголю и Пушкину. Их свободолюбивое, патриотичное творчество нашло живой отклик у чешского читателя, решавшего проблемы национального возрождения.

1850-е гг. ознаменованы поражением Пражского восстания (1848 г.) и, как следствие, угрозой усугубления германизации чешского общества, когда было отменено равноправие чешского и немецкого языков. В этот момент чешская литература обращается к родному фольклору, и переводам с русского уделяется большое внимание. Именно в 1850-е гг. растет популярность русской поэзии: переводят прежде всего Пушкина и Лермонтова, но чехи знакомятся и с Кольцовым, Жуковским, Подолинским и многими другими русскими поэтами.

Выходят в свет хрестоматии и антологии русской поэзии, широко распространяется публикация параллельных текстов — переводов вместе с оригиналами. Появляются обзорные статьи по русской литературе Ф. Б. Коржинека (1853 г.) и В. Ч. Бендла (1855 г.), однако Фета они даже не упоминают — это начинающий поэт, который в 1850-е гг. не был еще широко известен и в России. Казалось, большую роль в ознакомлении с современной русской литературой должны были сыграть письма А. Н. Пыпина, напечатанные в «Журнале Чешского королевского музея» в 1858–1859 гг., однако имя Фета у Пыпина звучит между прочим, наряду с другими крупными именами, которым автор также не уделяет должного внимания. Среди поэтических имен Пыпин выделяет лишь Некрасова, а в целом, говоря о современных тенденциях развития русской литературы, отмечает, что поэзия играет теперь менее важную роль, чем прежде, а современная литература выбрала форму повести и романа для главнейших произведений. Вместе с тем письма Пыпина были первыми сведениями о Фете в Чехии, которые были получены не из русских журналов, а обращались к чешскому читателю непосредственно через чешский журнал. Полагаем, что эти письма оказали большое влияние на то, что Фету при его жизни в Чехии, как и в России, не уделяли должного внимания ни переводчики, ни критики.

Во второй половине XIX в., особенно на рубеже XIX и XX вв., сама политическая и общественная обстановка в Чехии оказывала влияние на развитие литературного процесса, полного внутренних противоречий. Чехи сосредоточили внимание на национальных проблемах. В чешской поэзии конца XIX — начала XX в. намечаются тенденции развития модернизма, критика выступает против нагромождений, метафоричности в поэзии, характерны стремление к простоте, увлеченность современной проблематикой; очевидно, что лирика Фета — певца русской природы и интимных настроений не отвечала этим стремлениям. В конце века, обращаясь к русской литературе преимущественно за образцами прозы, чешские авторы не проявляли интерес к русским поэтам-лирикам. Их общественным и политическим требованиям отвечал лишь Некрасов, переводы из

которого и делались в это время. Уход Фета из жизни (1892 г.) прошел в Чехии незамеченным. Может быть, сказалось и прижизненное отношение к Фету его русских современников, известное чехам по русским журнальным публикациям. Появление отдельных переводов Й. Сладека и Ф. Халупы в 1881 и 1884 гг. говорит о том, что Фет присутствовал в литературном сознании тех чехов, которые интересовались современной им русской литературой и знали ее.

Кроме того, в конце XIX в. в чешской литературе начинается массовое приобщение к европейской культуре, в Чехию проникают произведения французского натурализма, наряду с великим русским романом появляются отдельные переводы произведений М. Горького и А. П. Чехова. Все эти факторы сказались на невнимании к фетовской поэзии и к его личности. Вместе с тем в 1895 г. выходит очередной том «Научной энциклопедии Отто» со статьей о Фете; таким образом, о русском поэте в чешской среде в конце XIX в., несомненно, знали, несмотря на то что существовали лишь отдельные переводы.

В первые годы XX в., на которые в России приходится расцвет поэзии символизма, в Чехии публикаций переводов из Фета или же сведений о нем как о крупном русском поэте не было.

Восприятие А. А. Фета в Чехии в первой половине XX в. сводилось к тому, что имя его было чехам знакомо (об этом свидетельствуют высказывание крупного чешского поэта О. Бржезины о русской поэзии, где среди крупных поэтических имен он называет Фета, а также книга о Фете на немецком языке 1903 г. издания). Однако отсутствие переводов говорит о том, что Фет — предшественник русских символистов не интересовал чехов, истоки символизма они видели во Франции и увлекались переводами из французской поэзии. В этот же период сама чешская поэзия испытывала большое влияние со стороны поэзии польской. Из русской поэзии чехов в начале XX в. интересовали современные авторы: Маяковский, Мережковский, Гиппиус, Бальмонт, Брюсов и др. На восприятие Фета в Чехии в первой половине XX в. не повлияла и деятельность русских эмигрантов.

В 1940-е гг., отмеченные трагическими событиями Второй мировой войны, взгляды чехов вновь были обращены к русскому народу и к русской литературе (чуть ранее широко отмечались 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина, 100-летие гибели М. Ю. Лермонтова). Фетом и в это время чешские переводчики не интересовались. В послевоенные годы переводы отдельных его стихотворений напечатаны в журнале «Архи», издатели которого публиковали метафизическую поэзию, и за ее примерами переводчики обращались к русской и немецкой литературе. Здесь уже предпринята попытка представить Фета как поэта-метафизика. Но в соответствии с веяниями времени эта попытка не увенчалась успехом: журнал был вскоре закрыт, и Фет остался в сознании чехов лишь лириком природы и любви. Главная тема чешской поэзии этого периода — война и освобождение Чехословакии Советской Армией. Первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) в Чехословакии характеризуются большой свободой слова, широкими дискуссиями о развитии литературы; русская литература по-прежнему остается в центре внимания, но переводов Фета опять-таки не появляется.

В послевоенный период увеличилось количество переводов русской литературы на чешский язык, но первое книжное издание стихотворений Фета появляется лишь в 1964 г. в переводе Ивана Славика, который продемонстрировал чешскому читателю многогранность и глубину поэзии Фета: он предстает в переводе И. Славика не только пейзажным лириком, но и поэтом-метафизиком, чье творчество имеет глубокую религиозную основу. Вступительную статью к этому изданию написал Иржи Гонзик — известный чешский литературовед и русист, который, следуя в оценке творчества Фета за своими русскими коллегами Б. Я. Бухштабом и Б. М. Эйхенбаумом, представляет русского поэта как пейзажного лирика и предшественника символистов, при этом ни слова не говоря о фетовской метафизике (в русском литературоведении того периода об этом также не могло быть и речи). Таким образом, получить представление о метафизической составляющей поэзии Фета чешский читатель мог, лишь ознакомившись с переводами И. Славика. Четко следуя оригиналу, он не только максимально приближенно к метафизическому смыслу оригинала

передал фетовские образы окна, ночи, лунного сияния, но и включил в сборник стихотворение «Был чудный майский день в Москве...», наполненное метафизическим смыслом.

Кроме того, И. Славик был автором радиопередач о Фете, которые сыграли особую роль в восприятии его поэзии в Чехии уже в 1970–1980-е гг. — стихи Фета выходили к широкому кругу слушателей в обрамлении музыки Чайковского и Рахманинова.

1960–1970-е гг. представляются наиболее важным и активным периодом восприятия Фета в Чехии не только за счет переводов, но и за счет литературоведческой работы: в это время на чешском выходят первые критические статьи, посвященные Фету. О нем писали такие известные ученые, как Э. Германова, Д. Жвачек, Р. Паролек. Кроме того, его имя включено в состав «Словаря русских писателей: от начала русской литературы до 1917 года». Чешская критика воспринимает Фета уже не так однозначно: в книге «Русская классическая литература» (вышла в 1977 г.; авторы Р. Паролек и И. Гонзик представляли ее как энциклопедию классической русской литературы и ее современного изучения) Фет рассматривается как поэт-лирик, который мог бы сыграть знаменательную роль в русской поэзии, если бы ведущим направлением в литературе не стала литература эпическая и общественно-политическая.

В 1974 г. в Праге вышел следующий сборник стихов Фета в переводе Ярослава Кабичека; появление этой книги тесно связано с всплеском внимания к Фету в Советском Союзе, где переиздаются его сочинения, а литературоведы обращаются к исследованию его поэзии. В Чехии происходит попытка заново обратить внимание чешского читателя на русского поэта: переводятся его стихи, выходят литературоведческие работы. Однако в центре внимания исследователей находится лишь его природная и интимная лирика, преобладает однобокое представление о его поэзии вне метафизической составляющей, которую в 1960-е гг. пытался представить в своих переводах И. Славик. Такое восприятие Фета в этот период, видимо, определялось оценкой Фета в русском литературоведении 1960–1970-х гг.

В 1980-е гг., несмотря на то что не выходят новые переводы стихов и не переиздаются уже известные, имя Фета все же присутствует в чешском восприятии русской литературы (книга о русских символистах «Золото в лазури» (1980 г.); два стихотворения в переводе Я. Кабичека включены в двухтомную «Хрестоматию по русской литературе» (1983 г.)).

Восприятие русской литературы в Чехии в 1990-е гг. определяется переводами Б. Пастернака, М. Булгакова, В. Шаламова, А. Солженицына, А. Платонова, И. Бунина, т. е. все внимание переводчиков обращено на ранее запрещенную русскую прозу. При этом большое влияние приобретают интернет-издания. На этом фоне знаменательно, что в 1996 г. в чешском журнале «Тексты», который имеет электронный аналог, опубликованы переводы стихотворений Фета, сделанные молодым переводчиком Р. Кочиком. Его подход к переводу отмечен новыми чертами, характерными для конца XX столетия, в частности свободой от ритмико-интонационного следования за оригиналом, близостью к поэтическому эксперименту. Такое восприятие лирической поэзии Фета можно объяснить, что в чешской литературе ранее оно определялось

многое оказывала влияние так называемая возвращенная литература, а в стихах молодых авторов переплетались отголоски поэтики андеграунда, сюрреализма, экспериментальной и метафизической традиции.

В чешской исследовательской литературе 1990-х гг. имя Фета характеризуется уже иначе: М. Задражилова в книге «Русская литература на переломе XIX и XX столетия» говорит о нем как о «чистом лирике», принадлежавшем к плеяде поэтов интимной, философской, космической направленности. Такое восприятие соотносится с переосмыслением творчества Фета в России, где в 1990-е гг. его начинают исследовать с метафизической точки зрения; для чешских исследователей эта научная ниша представляет собой большой потенциал, однако пока ему уделяют недостаточное внимание. В чешских литературоведческих трудах 2000-х гг. имя Фета тоже звучит. Профессор М. Заградка в книге «Русская литература XIX века в контексте европейских литератур (личности и диалог литератур)» (2005 г.) представляет

Фета прежде всего как переводчика европейских авторов, а затем уже как лирика «чистого искусства»; краткая справка о Фете с отсылками на известные издания переводов его стихов входит в состав «Словаря русско-чешских литературных взаимосвязей» (2008 г.). В этот период можно говорить о том, что новейшему восприятию Фета в современной Чехии вновь способствует немецкое посредничество, поскольку сведения о поэте чехи могут почерпнуть и из немецких источников,²³¹ которые входят в каталог Национальной библиотеки в Праге наряду с новинками, вышедшими на русском языке в России в первое десятилетие XXI в. В последние годы чешские исследователи, говоря в целом о русской поэзии, не называют имя Фета или выносят упоминания о нем как о русском лирике в сноски (О. Рихтерек, И. Поспишил). Можно сказать, что новейшее восприятие Фета в Чехии отстает от вновь переосмысленного отечественного. Мы не находим его имени и в работах по компаративистике в чешских университетах, но наличие сведений о Фете на чешских тематических интернет-порталах говорит о несомненном его присутствии в современном чешском литературном сознании. Однако и эти сведения представляют собой «классическое» восприятие творчества А. Фета как лирика — предшественника символистов без отсылки к космизму и метафизике его творчества.

Остается сказать о том, какое восприятие поэзии Фета сформировано имеющимися чешскими переводами. Их анализ и сопоставление, приведенные в практической части настоящей работы, иллюстрируют состояние поэзии и переводческой деятельности в Чехии в разные эпохи. Переводческое искусство в Чехии всегда было на высоком уровне: переводчики не позволяют вольностей, строго следуя за оригиналом в передаче смысла, образов, ритма и т. д. Переводы обычно несут на себе печать определенного времени. Так, переводы Я. Кабичека (1974 г.) осуществлены на волне дискуссий о традициях и новаторстве в поэзии, а переводы Р. Кочика (1996 г.) — на волне экспериментов как в самой чешской поэзии 1990-х гг., так и в переводческом искусстве.

²³¹ *Schneider S. An den Grenzen der Sprache: eine Studie zur «Musikalität» am Beispiel der Liryk des russischen Dichters Afanasij Fet. Berlin, 2009; Die Ost-West Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen: ausgewählte Aspekte kollektive Monographie. Slovanský ústav AVČR, 2009.*

Таким образом, имеющиеся переводы Фета на чешский язык определили восприятие Фета в Чехии. В XIX в. переводы описательных стихотворений, осуществленные Й. Сладеком и Ф. Халупой, познакомили читателей с именем русского поэта; полноценное же знакомство с творчеством Фета осуществил И. Славик в XX в., представив в своих переводах Фета как лирика, метафизического поэта и мастера описательных безглагольных стихотворений. Переводы И. Славика наиболее близки к оригиналу по ритмико-интонационным, рифмообразующим, лексическим особенностям и создают адекватное представление о русском поэте на чешском языке. Безусловно, положительной оценки заслуживает Я. Кабичек, который выпустил сборник своих переводов в 1974 г. Сборники стихотворений Фета вышли на чешском языке в наиболее активный период обращения чешских переводчиков к русской поэзии (1960–1970-е гг.), хотя отдельные факты позволяют говорить, что Фет в чешском восприятии присутствовал и позже, в конце XX в. Существующие переводы предоставили возможность чешскому читателю увидеть Фета как поэта глубокого и даже почувствовать метафизическую составляющую его поэзии. В большинстве случаев этому, безусловно, способствовала верность размеру, рифмовке, метафорам и образам оригинала. Отсутствие переводов на чешский язык метафизических стихотворений Фета объясняется тем, что религиозный подтекст в поэзии Фета чехов не интересовал и не интересует; связано это с отношением чехов к религии как таковой. Появление отдельных метафизических стихотворений (в журнале «Архи» (1948 г.), имеющем теологическую направленность; в сборнике 1964 г. в переводе И. Славика) объяснимо личным выбором издателя и переводчика, которые были глубоко верующими людьми.

В начале XX в. события 1905, 1917 гг., в середине XX в. — Великая Отечественная война, а в конце XX в. — бархатная революция в Чехии и раздел страны увели внимание чехов от поэзии Фета. Казалось бы, его прижизненное восприятие должно было быть более ярким, нежели присутствие отдельных сведений и переводов о нем в Чехии, как и в начале XXI в., когда взгляды чешских переводчиков и исследователей вновь пристально обращены к русской

литературе, а в России его творчество заново переоценивается. Но при жизни Фета этому помешал бурный процесс развития самой чешской поэзии и литературного процесса в целом, когда взгляды были обращены к модернизму и общественно-политической проблематике. В начале же XXI в. поэзия Фета интереса не вызывает, поскольку чехами до конца не исследована русская поэзия, авторы которой еще недавно были запрещены; кроме того, создаются новые переводы столпов русской поэзии — Пушкина и Лермонтова. Для чехов Фет представал и предстает как русский поэт-лирик, предшественник символистов, но интерес к нему в чешском литературоведении в XXI в. постепенно должен сформировать его современное восприятие в Чехии не только как поэта романтика, предшественника символистов, но и как глубокого метафизического поэта.

Список литературы

Тексты:

1. Фет А. Воспоминания. М., 1983. — 493 с.
2. Фет А. А. Лирика / под ред. Е. М. Винокурова. М.: Художественная литература, 1965. — 184 с.
3. Фет А. «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук...» / «Mas solo en tí, poeta, ese sonido alado...» М.: Изд. Центр книги Рудомино, 2011. — 176 с.
4. Фет А. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1959. — 896 с.
5. Фет А. Ранние годы моей жизни // Фет А. Воспоминания. М., 1983. С. 27–229.
6. Фет А. А. Рыбка («Тепло на солнышке. Весна...») // Современник. 1858. № 9. С. 268.
7. Фет А. А. Соловьиное эхо: повесть Н. П. Суховой о жизни и творчестве А. А. Фета и избранные стихотворения поэта. Сер. «Школьная библиотека». М.: Детская литература, 2005. — 205 с.
8. Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1839–1863 / изд. и комментарии подг. Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, Г. В. Петрова. СПб.: Альянс-Архео, 2002. — 551 с.
9. Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 5. Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1 / ред. тома Н. П. Генералова, В. А. Кошелев; тексты и комментарии подгот. Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, В. А. Лукина, Г. В. Петрова; гл. ред. В. А. Кошелев. СПб.: Альянс-Архео, 2014. — 696 с.
10. Фет А. А. Сочинения: в 2 т. М., 1982. Т. 1. — 575 с.; Т. 2. — 461 с.
11. Фет А. «Среди несметных звезд полночи...» / «Wohl flimmern Myriaden Sterne...» М.: Изд. Центр книги Рудомино, 2012. — 576 с.

12. Фет А. Стихотворения / предисл. Л. А. Озерова. М.: Художественная литература, 1970. — 560 с.
13. Фет А. А. Стихотворения. СПб., 1995. — 186 с.
14. Фет А. «Уноси мое сердце в звенящую даль...» / «Portan lontano nel suono il mio cuore...» М.: Изд. Центр книги Рудомино, 2012. — 256 с.
15. Bunin I. Mít'ova láska / z rus. originálu přel. J. Zábrana. Praha: Československý spisovatel, 1958. — 109 s.
16. Bunin I. Vesnice / přel. Ruda Havránková; předmluvu napsala L. Dušková. Praha: SNKLHU, 1957. — 228 s.
17. Fet A. Jsi krajina překrásná // Texty. 1996. Č. 2. S. 5.
18. Fet A. Roční doby života. Praha: Lidové nakladatelství, 1974. — 106 s.
19. Fet A. Rybka / z Feta přeložil Fr. Chalupa. Illustroval I. Panov // Světozor. 1884. Č. 18. S. 216.
20. Fet A. Večer na stepi // Světozor. 1884. Č. 49. S. 592.
21. Fet A. Večery a noci. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury a umění, 1964. — 178 s.
22. Fet A. Z rána. Vězeň // Lumír. 1881. Č. 23. S. 364.
23. Jesenin S. Anna Sněgina / z ruš. Anna Snegina; přel. Josef Hora. Praha: SNKLHU, 1959. — 58 s.
24. Jesenin S. Básně: výbor z díla / z ruských originálů přel. Z. Bergrová a kol.; výbor uspořádal a doslov napsal J. Rumler. Praha: Československý spisovatel, 1955. — 348 s.

Общие работы (история и теория литературы, работы о творчестве поэта)

На русском языке:

25. А. А. Фет и его литературное окружение. Литературное наследство. Т. 103: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2008. — 990 с.; Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 1037с.

26. А. А. Фет. Материалы и исследования. Пушкинский Дом (ИРЛИ РАН). Вып. 1. СПб., 2010. — 886 с.
27. А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. научных трудов / ИМЛИ РАН, Академия Финляндии; главн. ред. Е. Н. Лебедев. М.: Наследие, 1999. — 310 с.
28. Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные беседы: в 2 кн. СПб.: Алетея, 1998. Кн. 2. — 506 с.
29. Аношкина В. Н. А. А. Фет // История русской литературы XIX в. 40–60-е годы / под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой. М.: МГУ, 2001. С. 137–161.
30. Аношкина В. Н. Образ лунного сияния в «ночной поэзии» Тютчева и Фета. // Литературоведческий журнал. ИНИОН РАН, 2012. № 30. С. 48–78.
31. Бальмонт К. Д. Поэзия как волшебство. М.: Скорпион, 1916. — 93 с.
32. Благой Д. Д. Мир как красота (о «Вечерних огнях» А. Фета). М.: Худож. литература, 1975. — 112 с.
33. Богомолов Н. А. Традиции и новаторство в поэзии // Современная русская советская литература / под ред. А. Г. Бочарова, Г. А. Белой. М.: Просвещение, 1987. С. 202–203.
34. Ботура М. Ранние рассказы и повести М. Горького в оценке чешской критики 1895–1903 гг. // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения / редколл.: М. Бакош, И. К. Горский и др. М., 1968. С. 359–370.
35. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет // Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1959. С. 5–78.
36. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет: очерк жизни и творчества. Л., 1974. — 136 с.
37. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет: очерк жизни и творчества. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. Серия Литературоведение и языкознание. — 137 с.
38. Бухштаб Б. Я. Творческий труд Фета // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXII. Вып. 1. М., 1973. С. 3–14.
39. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 648 с.

40. Волкова Н. Заложница истории. Русская литература в Чехии // Знамя. 2009. № 12. С. 188–192.
41. Выборочная библиография О. М. Малевича // Ежегодник Общества братьев Чапек Санкт-Петербург — Прага. 2008. СПб., 2008. С. 109–134.
42. Гаспаров М. Л. «Уснуло озеро» Фета и палиндром Минаева (поэтика пародии) // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 2. О стихах. М., 1997. С. 39–47.
43. Гаспаров М. Л. Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999. С. 158–159.
44. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. — 320 с.
45. Гаспаров М. Л. Фет «безглагольный» // Литературная учеба. 1979. № 4. С. 219–220.
46. Гаспаров М. Л. Фет безглагольный (композиция пространства, чувства и слова) // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 2. М., 1995. С. 170–177.
47. Германова Е. Н. А. Некрасов и чешская поэзия в эпоху Яна Неруды и Витезслава Галека // Русская литература. Историко-литературный журнал. 1958. № 3. С. 228–238.
48. Гонзик И. Тургенев и чешская литература // И. С. Тургенев (1818–1883–1958): сборник. Орел: Орловское книжное издательство, 1960. С. 421–452.
49. Григорович А. А. К биографии А. А. Фета // Русская старина. СПб., 1904. № 1. С. 165–168.
50. Дарский Д. «Радость земли»: исследование лирики Фета. М., 1916. — 208 с.
51. Жакова Н. К. Из истории чешско-русских литературных взаимосвязей. СПб., 2010. — 140 с.
52. Жакова Н. К. Лексико-семантическая основа передачи художественного образа в переводе // Славянская филология. СПб., 1993. Вып. VII. С. 147–154.

53. Жакова Н. К. Теория и практика перевода. Русская поэзия в чешских переводах в первой половине XIX века: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во МГУ, 1988. — 45 с.
54. Жакова Н. К. Тютчев и славяне. СПб., 2001. — 49 с.
55. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. СПб., 1996. — 440 с.
56. Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001. — 496 с.
57. Житник В. К. Чешская литература на рубеже XIX и XX веков // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 3. М.: Наука, 1985. С. 450–459.
58. История литератур западных и южных славян / под ред. Л. Н. Будаговой, А. В. Липатова, С. В. Никольского. Т. 1–3. М.: Индрик, 1997–2001. Т. 1. 886 с.; Т. 2. 670 с.; 2001. Т. 3. 991 с.
59. Каменская В., Малевич О. Отокар Бржезина и Россия // Отокар Бржезина. Строители Храма. СПб.: издательство имени Н. И. Новикова, 2012. — 503 с.
60. Ковтунова И. И. Очерки по языку русских поэтов. М., 2003. — 77 с.
61. Корнилов В. Покуда над стихами плачут... Книга о русской лирике. М., 2009. — 574 с.
62. Кошемчук Т. А. Религиозно-философские мотивы в поэзии А. А. Фета // Кошемчук Т. А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб.: Наука, 2006. С. 412–544.
63. Кружков Г. Луна и дискобол. О поэзии и поэтическом переводе. М., 2012. — 520 с.
64. Кудряшов К. Классик неформата. 120 лет со дня смерти Афанасия Фета // Аргументы и факты. 2012. № 49. 5 дек.
65. Кушлина О. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001. — 336 с.

66. Кушникова Л. В., Силантьева М. С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6(12). С. 71–75.
67. Лазурский В. А. А. Фет как поэт, переводчик и мыслитель // Русская мысль. 1894. Февраль. С. 34–35.
68. Левый И. Искусство перевода. М., 1974. — 397 с.
69. Лотман Л. М. А. А. Фет // История русской литературы: в 4 т. Т. 3. Л., 1982. С. 427–445.
70. Любимов Н. Книга о переводе. М., 2012. — 301 с.
71. Макаров М. К полемике о мировоззрении А. Фета: «Шеншин и Фет» // Вестник русского христианского движения. Париж, 1984. № 142. С. 303–307.
72. Мастерство перевода. 1962: сб. статей. Вып. 2 / редколл.: Г. Р. Гагечиладзе, Н. В. Капиева, И. А. Кашкин и др. М.: Советский писатель, 1963. — 622 с.
73. Монах Лазарь (Афанасьев В. В.). «Там человек сгорел!» А. Фет и М. Лазич: жизненная трагедия как источник поэтического творчества // Русский литературоведческий альманах. Вып. 2: сб. статей к юбилею В. Н. Аношкиной (Касаткиной). М., 2011. С. 257–258.
74. Муратов А. Б. Стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» // Муратов А. Б. Из истории русской литературы и филологической науки (вторая половина XIX — начало XX века). СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. С. 154–163.
75. Набоков В. Искусство перевода // Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-Классика, 2010. С. 432–443.
76. Никольский Б. В. Основные элементы лирики Фета // Полное собрание стихотворений А. А. Фета / приложение к журналу «Нива» на 1912 год. СПб., 1912. С. 25–54.
77. Никольский Ю. А. История одной дружбы. Фет и Полонский // Русская мысль. М., 1917. № 5/6. С. 82–127.

78. Очерки истории чешской литературы XIX–XX веков / редколл.: Д. Ф. Марков, С. В. Никольский, С. А. Шерлаимова. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. — 723 с.
79. Петрова Г. В. А. А. Фет и русская поэзия первой трети XX века: автореф. дис. ... докт. филолог. наук. В. Новгород, 2010. — 45 с.
80. Письма А. Н. Пыпина о русской литературе в чешском журнале / публикация К. И. Ровды // Литературные связи славянских народов. Исследования. Публикации. Биография / отв. ред. В. Н. Баскаков; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1988. С. 237–273.
81. Письмо К. Р. от 8 октября 1888 г. // А. А. Фет и его литературное окружение. Литературное наследство. Т. 103: в 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 728.
82. Письмо С. А. Толстой от 28 ноября 1892 г. // Новый мир. 1978. № 8. С. 133.
83. Порочкина И. М. Л. Н. Толстой — художник в чешской критике конца XIX — начала XX века // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения / редколл.: М. Бакош, И. К. Горский и др. М., 1968. С. 348–358.
84. Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Г. Голле. Курск: издательство КПУ, 1994. — 352 с.
85. Проблемы современного сравнительного литературоведения / под ред. Н. А. Вишневской, А. Д. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 93 с.
86. Рагойша В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков. Минск, 1980. — 182 с.
87. Ранчин А. М. Путеводитель по поэзии А. А. Фета. М.: Издательство МГУ, 2010. — 239 с.
88. Реизов Б. Г. Труды по сравнительному литературоведению. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. — 620 с.

89. Рихтерек О. К вопросу о чешском восприятии русской литературы «Серебряного века» // *Slavica Litteraria*. 2012. Vol. 15. N 1. S. 25–33.
90. Рихтерек О. К чешскому восприятию русской поэзии / глава в коллективной монографии // Dohnal J., Zelenka M. *Dialogy o slovanských literaturách. Tradice a perspektivy*. Brno: Masarykova Univerzita, 2012. S. 169–176.
91. Рихтерек О. Русская поэзия как феномен чешского перевода // *Новая русистика*. 2009. № 1. С. 5–15.
92. Розенблюм Л. М. А. Фет и эстетика «чистого искусства» // А. А. Фет и его литературное окружение. Литературное наследство. Т. 103: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 9–54.
93. Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX века) / ред. В. Н. Орлов. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1960. — 854 с.
94. Рыльский М. Ф. Художественный перевод с одного славянского языка на другой // Исследования по славянскому литературоведению и стилистике / главн. ред. В. В. Виноградов. М.: Изд. Академии наук СССР, 1960. С. 46–74.
95. Самойлов Д. Книга о русской рифме. М., 2005. — 399 с.
96. Самойлов Д. Сравнение перевода с оригиналом // Самойлов Д. Редактор и перевод: сб. статей. М.: Книга, 1965. С. 60–71.
97. Сватоньова И. «Спор» о Чехове и Ибсене (о резонансе их пьес в Чехии в начале XX века) // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения / редколл.: М. Бакош, И. К. Горский и др. М., 1968. С. 371–380.
98. Скатов Н. Лирика Афанасия Фета (истоки, метод, эволюция) // Скатов Н. Далекое и близкое: литературно-критические очерки. М., 1981. С. 119–150.
99. Соловьева А. П. И. С. Тургенев и чешско-русские связи 60–80-х годов XIX века // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения / редколл.: М. Бакош, И. К. Горский и др. М., 1968. С. 323–347.
100. Сорочан А. Двадцать книг и XVIII Фетовские чтения (Курский государственный университет, 29 сентября — 2 октября 2003 года) // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 432–435.

101. Струве Н. А. О мировоззрении А. Фета: был ли Фет атеистом? // Вестник русского христианского движения. Париж, 1983. № 139. С. 169–177.
102. Сухих И. Н. Шеншин и Фет: жизнь и стихи. СПб.: Издательство СПбГУ, 1997. — 30 с.
103. Сухова Н. Дары жизни. М.: Детская литература, 1987. — 142 с.
104. Сухова Н. П. Лирика Афанасия Фета. М.: МГУ, 2000. — 80 с.
105. Сухова Н. П. Фет как наследник антологической традиции // Вопросы литературы. 1981. № 3. С. 164–179.
106. Сухова Н. П. Чувство природы у А. Н. Майкова, А. К. Толстого и А. А. Фета // Литература в школе. 1996. № 3. С. 93–100.
107. Тархов А. Е. «Музыка груди» (о жизни и поэзии Афанасия Фета) // Фет А. А. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 5–38.
108. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы: учеб. пособие для филологич. факультетов университетов и пед. институтов. М.: Учпедгиз, 1959. — 447 с.
109. Трепалина М. И. Переписка с Великим князем Константином Константиновичем (К. Р.) 1886–1892 // А. А. Фет и его литературное окружение. Литературное наследство. Т. 103: в 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 551–589.
110. Федина В. С. А. А. Фет (Шеншин): материалы к характеристике. Пг., 1915. — 146 с.
111. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 1953. — 370 с.
112. Федоров А., Трофимкина О. Чешские теории перевода // Мастерство перевода. 1962: сб. статей. Вып. 2 / редколл.: Г. Р. Гагечиладзе, Н. В. Капиева, И. А. Кашкин и др. М.: Советский писатель, 1963. С. 435–446.
113. Философские течения русской поэзии: избранные стихотворения и критические статьи / сост. П. Перцов. СПб.: Типография М. Меркушева, 1896. — 394 с.
114. Холонина З. М. К проблеме перевода поэтических произведений на близкородственные языки (словотворческая фантазия Ю. Тувима «Зелень» и ее

русский перевод Л. Мартынова) // Славянская филология: сб. статей. Вып. 8. М.: МГУ, 1973. С. 178–199.

115. Холшевников В. Е. Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения: межвуз. сб. / под ред. В. Е. Холшевникова. Л., 1985. С. 5–49.

116. Холшевников В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение: учеб. пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений. 5-е издание. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 208 с.

117. Чередниченко В. И. Категория мгновения в поэзии А. А. Фета // Проблемы развития русской лирической поэзии XVIII–XIX веков: сб. научных трудов / редколл.: В. Н. Аношкина, Л. Г. Ленюшкина и др. М.: МОПИ им. Крупской, 1982. С. 104–119.

118. Чешихин В. Шеншин А. А. (он же Фет) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1903. Т. XXXIX. С. 475–479.

119. Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М.: Советский писатель, 1991. — 541 с.

120. Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1968. — 384 с.

121. Шеваров Д. Мы с тобой отворили калитку // Российская газета. 2011. 11–17 авг. С. 30.

122. Шеншина В. А. А. А. Фет как метафизический поэт // А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. научных трудов / ИМЛИ РАН, Академия Финляндии; главн. ред. Е. Н. Лебедев. М.: Наследие, 1999. С. 16–53.

123. Шеншина В. А. Концепция вечности Фета. Религиозно-философское обоснование концепции вечности Фета // А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. научных трудов / ИМЛИ РАН, Академия Финляндии; главн. ред. Е. Н. Лебедев. М.: Наследие, 1999. С. 31–53.

124. Эгеберг Э. Концовка в «Мелодиях» А. А. Фета // А. А. Фет. Поэт и мыслитель: сб. научных трудов / ИМЛИ РАН, Академия Финляндии; главн. ред. Е. Н. Лебедев. М.: Наследие, 1999. С. 82–91.
125. Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха. Пб.: ОПОЯЗ, 1922. — 199 с.
126. Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. — 552 с.
127. Эткинд Е. О мировоззрении А. Фета и культуре полемики // Вестник христианского движения. Париж, 1984. № 141. С. 169–174.
128. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. — 460 с.
129. Якобсон Р. О чешском стихе: преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин; М.: Гос. Изд-во, 1923. — 120 с.

На чешском, немецком и английском языках:

130. Antologie české duchovní lyriky 20. století. Praha: Karmelitánské nakladatelství, 1992. — 294 s.
131. Červenka M. K sémantice rytmického systému u májovců // Teorie verše I, Sborník brněnské versologické konference 13–16 května 1964. Brno, 1966. S. 161–171.
132. Český překlad 1945–2003. Praha: UK, 2003. — 175 s.
133. Čítanka ruské literatury I. Stará a klasická literatura. Praha: Albatros, 1983. — 385 s.
134. Die Ost-West Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen: ausgewählte Aspekte kollektive Monographie. Slovanský ústav AVČR, 2009. — 793 s.
135. Dohnal J., Zelenka M. Dialogy o slovanských literaturách. Tradice a perspektivy. Brno: Masarykova Univerzita, 2012. — 244 s.
136. Dolanský J. Mistři ruského realismu u nás. Praha, 1950. — 455 s.
137. Gedichte von A. A. Fet, autorisierte Verdeutschung im Vermaß des russischen Originals von Friedrich Fiedler. Leipzig: Philipp Reclam, 1903. — 96 S.
138. Gustafson R. F. The Imagination of Spring: The Poetry of Afanasij Fet. New Haven; London, 1966. — 264 p.

139. Hermanová E. Poezie A. Feta a umělecké směřování 40–50 let // Československá rusistika. 1964. N 3. S. 145–153.
140. Hermanová E. Slovník ruských spisovatelů: od počátku ruské literatury do roku 1917. Brno, 1972. — 316 s.
141. Honzík J. Lyrický odkaz A. A. Feta // Fet A. A. Večery a noci. Praha, 1964. S. 7–22.
142. Hrabák J. Úvod do teorie verše. Praha, 1958. — 209 s.
143. Komendová J., Pilátová J. Ruská literatura v edičním díle Josefa Floriana // Český překlad 1945–2003. Praha: UK, 2003. S. 103–109.
144. Kundera L. Piju čaj. Brno, 2003. 272 s.
145. Lehár J., Stich A., Janáčková J., Holý J. Česká literatura od počátku k dnešku. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2006. — 1078 s.
146. Malina D. Rene Kočík // Texty. Literární čtvrtletník. 1996. Č. 2. S. 4.
147. Michlová S. Čítanka ruské literatury. Praha, 2009. — 127 s.
148. Motýl z Obsidiánu. Nakladatelství: Mladá fronta, 1974. — 176 s.
149. Parolek R., Honzík J. Ruská klasická literatura. Praha, 1977. — 629 s.
150. Popol Vůh a výbor z letopisů Cakchiguelů a z Knih Chilama Balama, čili, Proroka Jaguára na Yucatánu. Praha: Odeon, 1976. — 203 s.
151. Pospíšil I., Gazda J., Holzer J. Integrovaná žánrová typologie (Komparativní genologie). Brno, 1999. — 182 s.
152. Pratt S. Russian Metaphysical Romanticism. The Poetry of Tiutchev and Boratynskii. (Русский метафизический романтизм. Поэзия Тютчева и Баратынского). Stanford, 1984. — 253 p.
153. Richterek O. Úvod do studia ruské literatury. Hradec Králové: Gaudeamus, 2001. — 122 s.
154. Schneider S. An den Grenzen der Sprache: eine Studie zur «Musikalität» am Beispiel der Liryk des russischen Dichters Afanasij Fet. Berlin: Frank&Timme, 2009. — 695 s.
155. Sláva a pád Tenočtitlanu. Praha: Odeon, 1969. — 358 s.

156. Slavík I. Po letech a nyní // Sborník Bitov 96 (Slovo na konci milénia) / ed. M. Pluháček. Nakladatelství Petrov, 1997. S. 91–92.
157. Stříbrný věk ruské literatury: sborník k 80. narozeninám Jiřího Honzíka / sestavila M. Hrabáková. Praha: Národní knihovna ČR, 2004. — 147 s.
158. Zadražilová M. Ruská literatura přelomu 19. a 20. Století. Praha, 1995. — 244 s.
159. Zahradka M. Ruská literatura 19 století v kontextu evropských literatur (osobnosti a dialog literatur). Olomouc, 2005. — 279 s.
160. Zláto v azuru. Praha, 1980. — 405 s.

Справочная литература:

На русском языке:

161. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избранные статьи / под ред. Л. В. Беловинского. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. — 700 с.
162. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2 т. 2-е изд., стереот. М.: Эдиториал УРСС, 2007. Т. 1. — 848 с.; Т. 2. — 896 с.
163. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1895. Т. XIV. — 488 с.; 1897. Т. XXIIa. — 960 с.

На чешском языке:

164. Hermanová E. Slovník ruských spisovatelů: od počátku ruské literatury do roku 1917. Praha: Lidové nakladatelství, 1978. — 316 s.
165. Ottův slovník naučný. IX díl. Praha: Vydavatel a nakladatel J. Otto v Praze, 1895. — 1040 s.

166. Slovník ruských,ukrajinských a běloruských spisovatelů. Praha: Nakladatelství Libri, 2001. — 680 s.
167. Šroufková M. Rusko-český, česko-ruský slovník. Praha, 1998. — 979 s.
168. Zahradka M. a kol. Slovník rusko-českých literárních vztahů. Ofis: Ustí nad Orlicí, 2008. — 318 s.

Электронные ресурсы:

169. Бухштаб Б. Я. Фет // История русской литературы. Т. 8. Литература шестидесятых годов. Ч. 2. М.; Л., 1956. [Электронная версия]. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/i10/i82-2472.htm> (дата обращения: 05.08.2010).
170. Калинина О. Уроки истории: «Хартия-77» и «Антихартия» // [Электронный ресурс]. URL: www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/uroki-istorii-hartiya-77-i-antixartiya (дата обращения: 14.07.2015).
171. Мурлыка // Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/188258/Мурлыка> (дата обращения: 07.05.2014).
172. Поспишил И. Смотреть на Россию с любовью // Русское поле. [Электронный ресурс]. URL: <http://parus.ruspole.info/node/242> (дата обращения: 07.06.2014).
173. Сады Живых Тропических Бабочек «Миндо» // Музей бабочек в Санкт-Петербурге [Официальный сайт]. URL: www.sadbabochek.ru (дата обращения: 07.06.2014).
174. Galerie, Michals Collection. [Официальный сайт]. URL: http://michalscollection.cz/?page_id=10 (дата обращения: 06.06.2014).
175. Kabíček J. Z neotištěných překladů // [Электронный ресурс]. URL: www.souvislosti.cz/196/3.pdf (дата обращения: 05.04.2014).
176. Knížek F. Ing. // [Электронный ресурс]. URL: www.fknizek.nazory.cz/kalendar/vyroci46.htm (дата обращения: 08.04.2010).

177. Pospíšil I. Biliterárnost, poliliterárnost a větší srovnávací literární celky // [Электронный ресурс]. URL: http://nechodimnaprednasky.sk/stiahnut/prednasku/1420/427008/trnava_zaklady_teorie_literatury_texty.doc (дата обращения: 12.02.2011).

178. Slavík I. Propadliště paměti // [Электронный ресурс]. Česká literatura od r. 1945 na CD-ROM. S. 200–202.

179. Slovník české literatury po roce 1945. [Электронный ресурс]. URL: www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=68&hl=+afanasij+fet+ (дата обращения: 03.06.2014).

180. Texty. Literární čtvrtletník. [Официальный сайт]. URL: www.casopis-texty.cz (дата обращения: 08.06.2014).